
ОГОНЁК
№ 29 ИЮЛЬ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
16

Молодой мастер спорта Ирина Турова, рекордсмен СССР в беге на 100 метров.

Фото А. Лешина.

На первой странице обложки: Варшава. На площади Конституции.

Фото М. Савина.

На последней странице обложки: Юные граждане Варшавы.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 29 (1414) 18 июля 1954

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПРАЗДНИК МОЛОДОСТИ И СИЛЫ

Участники физкультурного парада. Фото О. Кнорринга.

Восемнадцатое июля — традиционный торжественный праздник молодости, силы и красоты — Всесоюзный день физкультурника.

На всех стадионах, спортивных площадках, водных станциях здоровая, жизнерадостная советская молодежь покажет многомиллионным массам зрителей свои достижения и успехи.

Физическая культура в Советском Союзе получила небывалое развитие, стала неотъемлемой частью культурного воспитания и образования масс, предметом особой заботы Коммунистической партии, правительства, общественных организаций.

Нигде и никогда в мире спорт не имел такого массового распространения среди широчайших слоев населения.

Мне вспоминается дореволюционное время, когда о спорте не помышлял никто, кроме одиночек-энтузиастов, не встречавших никакой поддержки ни от государства, ни от общества. Помнятся жалкие уроки «гимнастики» в средних учебных заведениях, сводившиеся к шагистике и ружейным приемам. А попытка поднять вопрос о физической культуре в рабочей или крестьянской среде была бы воспринята царским правительством как крамола.

Советское государство создало мощную материальную базу для занятий спортом. Только в текущем году по государственному бюджету СССР на здравоохранение и физическую культуру ассигновано свыше 29 миллиардов рублей.

Физические упражнения вошли в быт советского гражданина. Мы знаем имена крупнейших ученых, академиков, деятелей искусства, которым седина не мешает регулярно заниматься любимым спортом. В нашей стране 800 детских спортивных школ, в которых учатся 120 тысяч юных спортсменов. Во всех республиках есть высшие учебные заведения, которые готовят педагогов и тренеров по всем видам спорта.

Велика любовь к спорту на селе. За последние семь лет количество сельских коллективов выросло почти вдвое против прежнего, причем огромную роль в этом росте сыграли колхозные спортивные общества. Сельские спортсмены показали превосходные результаты, и некоторые спортсмены уже перекрывают всесоюзные рекорды.

Пламенные патриоты советской Родины, наши молодые мастера спорта высоко держат знамя ее спортивной чести. Какой-нибудь десяток лет тому назад советские спортсмены не принимались за рубежом даже в расчет, как соперники на международных встречах, а сегодня молодежь Страны Советов завоевала мировое первенство по конькам, лыжам, классической борьбе, гимнастике, тяжелой атлетике, хоккею с шайбой, волейболу. Советские баскетболисты и баскетболистки закрепили за собой лавры победителей на первенстве Европы. Спортсменам СССР принадлежит сейчас 80 мировых рекордов.

Во всех странах знают наших блестящих мастеров спорта: гимнастов В. Чукарина, В. Муратова, Г. Рудько, лыжника В. Кузина, конькобежцев Б. Шилкова и О. Гончаренко, легкоатлетов Л. Щербакова, Ю. Литуева, Г. Зыбину, Н. Откаленко, гребцов — победителей Хенлейской регаты — и многих других.

Наш спорт честен, как вся наша жизнь. Он служит не наживе, а благородной цели воспитания сильного духом и телом человека. Вот почему так весела и жизнерадостна физкультурная молодежь, стремящаяся к новым достижениям на спортивных полях во славу советской Родины.

Борис ЛАВРЕНЕВ

У ЧАБАНОВ

Семен БАБАЕВСКИЙ

Фото Н. Драчинского.

I

Сразу же за Ставрополем и начиналось степное раздолье. Зеленым морем, без конца и края, лежали холмистые поля, и в какую сторону ни посмотри, всюду далеко на горизонте синева чистого неба припадала к молодой ласковой земле. В ста шагах от дороги буро-серый островок отары. Жарко дышала степь. Овцы сбились в кучу, пряча головы и подставляя солнцу толстые шубы. У чабанской арбы худой, еще не облинявший верблюд. Под колесами лежат, скучая от безделья, волкодавы. Чабан, пожилой, крупнолицый мужчина, брил бороду, заглядывая в крохотное, пристроенное между спицами колеса зеркальце. Тут же сидел подпасок — рыжеголовый парень лет шестнадцати. Чабан плеснул на щеки воду из кружки, вытер коричневое, помолодевшее лицо полотенцем, потом тем же полотенцем замотал шею подпаску и взял ножницы.

— Ну, беглец, как тебя — под польку или под ежика? — спросил он, звеня ножницами.

— Дядя Прохор, вы меня покрасивее...

— Это можно... Эх, и чуб! Не чуприна, а пламя! Горячая голова, через нее и убежал от матери...

— Не через нее,— сказал парень, всматриваясь в зеркальце. — Потянуло — вот и сбежал...

— Ну, Кирюха, как же ты рассудил? — Чабан тихонько подрезал волосы возле уха. — Твои сверстники окончат десятилетку, институт, будут учеными, а ты чабан... Семь классов прошел — и за герлыгу...

— А разве быть чабаном плохо?

— Не плохо, а все же образование, Кирюша...

— Так я учиться буду. Видели, сколько принес книг?..

Чабан позвякивал ножницами, на полотенце, на плечи Кирюше искорками сыпались волосы... Когда парень умывался над ведром, чабан подошел к нам, закурил и сказал:

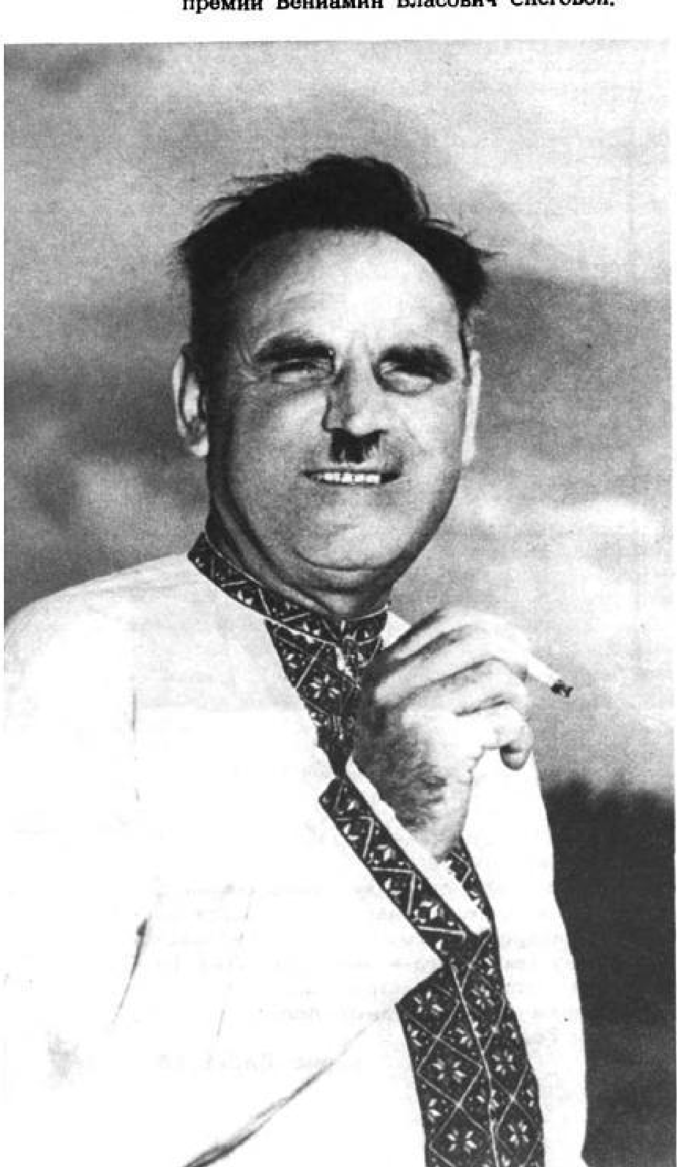
— Разумом я, конечно, осуждаю, нельзя убегать от матери, а в душе, верите, радуюсь... Молодец Кирюшка, весь в отца и такой же пламенноголовый. У него дед Спиридон — какой это был овцевод! Любил свое дело! Правда, чужих овец растил, но чабан был бедовый. Отец Кирюшки — Петро — тоже немало годков ходил за отарой — не один, а с женой. Помню, Кирюшка этот в пеленках ездил вот на такой арбе... Погиб Петро в войну, не вернулся... Теперь на его место становится сын, и мне радость! Смена!

К вечеру, когда опустилось солнце и стало прохладно, отара ушла в степь. Поскрипывала арба, мягко переступал верблюд... А в даль убегали либо пшеница, зеленая-зеленая после ночного дождя, либо четко выписанные на черноземе квадраты подсолнухов и кукурузы.

А рядом бежала и бежала серая, до лоска выглаженная резиной дорога и то изгибалась, то снова выпрямлялась, надвое рассекая степь. Слышался разноголосый весенний щебет, сверлили небо жаворонки, и в монотонный птичий хор вливались близкие и далекие звуки моторов. Там колесный трактор молодцом подцепил широкозахватную, с тремя косогонами, сенокосилку и гулял с ней по траве, оставляя широкий, как улица, след. Там, на целине, неумолчно и тяжело день и ночь пели гусеничные «С-80», и темные от пыли фигуры трактористов силуэтами рисовались на фоне свежевспаханной земли. Там прогремела колонна грузовиков, шоферы смотрели на выбивавшуюся в стрелку пшеницу и говорили: «Скоро наша дорога ляжет к токам, элеваторам...» Там глухо стучали моторы электространгальных агрегатов, толстой шубой спадало с овцы светложелтое руно, и далеко по степи растекался горьковатый запах бензина и овечьего пота.

Степь манила, захватывала и покоряла, и чем дальше от Ставрополя, тем простор ее был красочнее, тем чаще встречались, точно маяки в океане, хутора-фермы. Часто попадалась ферма молочного скота, с каланчой ветряного двигателя, с длинными, под черепицей коровниками, с открытой изгородью для телят, с навесом, в холодке которого, у корыт, стояли быки-производители, и рослый мужчина нес им оберемок свежей травы. Иногда виднелась в ложбине ферма овечья. Тремя шеренгами тянулись низкие, под соломенной крышей кошары, с широкими, как ворота, дверями; тут же стояли два — три домика овцеводов, на крылечке сидел усатый чабан, самозабвенно играя на балалайке. В сторонке колодец с приводом и двумя кадками на тросах. От колодца тянулись дощатые, с прозеленью корыта, мальчуганы пускали на воде кораблики, а вокруг буро-желтое плато, утоптанное тысячами крохотных копытец. Где-нибудь на пригорке вырастала ферма птичья. Все взгорье белым-бело. Стояли уютные куриные домишки, точно игрушечные дачи; великанами вокруг этих домишек ходили птичницы. В низине блестело озеро, похожее на врезанное в балку зеркало, и всюду стайки птиц: на суше куры, на воде гуси и утки, а вокруг, в радиусе пяти — шести километров, растеряны перья и пушинки, липнут они к сухим стеблям тырсы, цепляются за кочки, точно чудом уцелевшие на траве комочки снега...

Главный зоотехник совхоза лауреат Сталинской премии Вениамин Власович Снеговой.

II

От села Ипатова дорога уходила на восток — к центральной усадьбе совхоза «Советское руно». Снова побежала та же однообразно-голая степь, снова не видно ни кустика, ни деревца, только белым шелком расстилалась ковыль-трава. И вдруг далеко на горизонте выплыла зеленая куща. Она подымалась, росла, и вскоре мы увидели тополь-великан. Высоко в небо тянулись его ветви, покрывая щедрой тенью иссохшую землю. Всем своим гордым видом тополь говорил, что и здесь, на безводье, могут расти деревья. Рядом с тополем рабочие совхоза заложили молодой парк из акаций и кленов. Деревца еще слабые, расти им трудно, но как они уже теперь украшают усадьбу крупнейшего в стране овцеводческого хозяйства!

Тополь-великан, молоденькие акации и клены хотя и радовали овцеводов, но не они приносят славу жителям степного края. Племенная, высокотоварная овца, тонны тончайшего волокна — вот чем знамениты люди этих мест. В кабинете у директора в цифрах, диаграммах — история совхоза. На стене висит плакат: изображен баран-красавец, а ниже краткая, но выразительная надпись, из которой мы узнаем, что баран № 411 родился в 1944 году, что за 10 лет он дал 210 килограммов шерсти, что из этой шерсти изготовлен 301 метр бостона и сшито 102 мужских костюма.

Я долго стоял возле плаката. Подумать только, в год баран дает 21 килограмм шерсти, или 30 метров шерстяных тканей, или 10 мужских костюмов!.. Затем мы проезжали по полям; наш спутник — старший зоотехник Вениамин Власович Снеговой — рассказывал о скоте, о зеленом конвейере, а я все думал о № 411. Мне хотелось посмотреть этого знаменитого барана, и когда я заговорил об этом с Вениамином Власовичем, тот неохотно и сухо ответил:

— А что на него смотреть? Номер четыреста одиннадцатый — это уже наш вчерашний день. Мы лучше посмотрим на многочисленных его сыновей, внуков и правнуков, которые во многом превзошли своего знатного предка.

Узкая, в виде колеи, проселочная дорога уходила мимо опустевших кошар все глубже и глубже в сизую от молодой полыни степь. Солнце стояло в зените. Воздух был горяч, и впереди, не более как в пяти — шести километрах, разливались миражные озера. Оптический обман был такой сильный, что казалось, вот они, рядом, широкие лиманы, просторные заводи, поросшие камышом, — ни пройти, ни проехать. Но чем ближе подступаешь к этому иллюзорному зеркалу воды, тем дальше отходят и озера и лиманы со своими зарослями. И там, где только что «купались» в воде камыши, теперь паслась по сухой, давно не видавшей дождя целине отара молодых баранов — это и были правнуки номера четыреста одиннадцатого.

Нас встретил старший чабан Григорий Прохорович Охрименко, мужчина невысокого роста, сурово-молчаливый, с выразительными, умными глазами. Он стоял, опершись на герлыгу — этот незаменимый чабанский посох с деревянным крюком на конце. Если сказать «природный чабан», так это и будет Григорий Охрименко. Ему 39 лет, из них 24 года прошли в степи среди отар.

Чабан остановился, и отара не ступила дальше ни шагу. Молодые бараны удивительно любознательны: им хотелось узнать, и что это за машина появилась среди степи, и что это за люди, и не привезли ли они воды или люцерны. Однолетки, одних чистых кровей, они были так похожи друг на друга, как бывает похожа одна деталь на другую. И баранки рогов, и куцые хвосты, и заросшие смешные морды с глубоко запрятанными в шерсти фиолетово-желтыми глазами, и сборки нагрудного фартука, и распухшие, глубиной до 12 сантиметров шубы — решительно все было на один образец. Они обступили нас, часто и тяжко дыша.

— Жарко им в тулупах. Скоро снимем эту тяжесть, — сказал Охрименко.

— Правнуки?

— Это вы насчет номера четыреста одиннадцать? Есть и такие... Сейчас посмотрим.

И Григорий Охрименко взял барана за рога, искусно закрученные вокруг ушей, стер ладонью налет полынной пыльцы, и на розовой

молодой роговине открылся номер. Подражая чабану, мы также мастерски снимали ладонью степную пыль на рогах, и всюду первой цифрой была «3». Эта тройка говорила, что вся отара — приплод 1953 года.

— На девять лет моложе своего прадедушки.

— Григорий Прохорович, — сказал Снеговой, — ты подведи барана самого наилучшего. Посмотрим настоящую шубу.

— А его и подводить не надо, — ответил чабан и крикнул: — Эй, Борька! Беги сюда!

Бежать Борька не стал: тяжело и жарко! Он подошел вразвалку, гордо подняв маленькую голову в красивой шапке рогов. Это была все та же модель, только покрупнее.

— Если хотите полюбоваться породистым бараном, то смотрите сюда, — сказал Вениамин Власович Снеговой, лаская Борьку. — Ему только что исполнился год, а он снимет с себя более двадцати килограммов шерсти. Достойный наследник номера четыреста одиннадцать. Вот взгляните...

Вениамин Власович наклонился к барану и быстрым, привычным движением рук умело разорвал у Борьки на боку толстый, зачерствелый сверху слой шерсти. На глубине в 12 сантиметров виднелась нежнейшая и чистейшая кожа. Волокно, пропитанное светложелтым жиропотом, лежало мелкими и удивительно красивыми, как будто специально уложенными, завитками — на каждом сантиметре от 6 до 8 таких завитков.

— Не шерсть, а шелк, — сказал чабан, отпуская Борьку.

— Эти отличные поставщики шерсти — наш племенной рассадник, — рассказывал Снеговой, когда мы уже ехали в отару знаменитого мастера овцеводства Алексея Харитоновича Заливаднего. — Бараны Охрименко — гости временные, до первой стрижки. Как только снимут с них шубы, так и разъедутся по совхозам, колхозам, и опять пойдет по стране добрая слава «Советского руна». На смену им уже пришли бараны рождения 1954 года, следующим летом и они уедут от нас, и так из года в год...

Всю дорогу до отары Заливаднего я слушал повесть о рождении овцы, о выращивании мериносов. Дело это непростое и нелегкое. За этот труд Вениамин Власович удостоен звания лауреата Сталинской премии, а многие чабаны получили золотые звезды Героев Социалистического Труда. И хотя Вениамин Власович прямо и не сказал о том чувстве, которое испытывают овцеводы, ежегодно расставаясь со своими питомцами, но и без слов было понятно: рядом с гордостью теплилась и легкая горечь.

Двадцать шесть новых кошар построено в степи вокруг центральной усадьбы совхоза. На снимке: у одной из кошар.

III

Встретили отару. Молодой, черноволосый, похожий на цыгана чабан на наш вопрос, где находится Алексей Харитонович Заливадний, сказал:

— Ищите его у сакманщиков. Сакманы зараз на водопое, так Заливадний беседует с сакманщиками... Поезжайте вот к тому колодцу.

Мы поехали к колодцу. Небольшим группам овец с малыми ягнятами вода подвозилась в бочках. Вот эти, еще не включенные в отару овцематки на языке овцеводов называются сакманами, а чабаны — сакманщиками. По Далю, название это произошло от давно умершего слова *сакмá*, что обозначает след или брод по росной траве.

Воду добывали с помощью бадьи, троса и пары быков. Быки тянули привязанный к ярму трос, над колодцем трос был подвешен на колесике к перекладине, бадья на другом конце, качаясь и расплескивая воду, тихо выползала из колодца. Затем быки, смешно изгибая ноги, пятились назад, и бадья опять опускалась в колодец... А в это время вокруг колодца на камнях и кочках сидела стая скворцов с добычей в клювах — корм для птенцов. Весна застала их в степи, где нет ни деревьев со скворечнями, ни строений. Пришлось мостить гнезда в колодце, в щелях между камнями. И вот приходится сидеть и ждать, когда кончится водопой. Неудобно, а что поделаешь?.. И скворцы ждут, ждут терпеливо, часами, и во взгляде их крохотных глаз досада и тревога... В любую минуту они готовы нырнуть в колодец, но мешает бадья.

— Давайте отойдем,— сказал Заливадний.— Пусть птицы покормят своих детишек...

Мы отошли шагов на десять. Повисла пустая бадья, и тотчас с шумом и писком скворцы влетели в прохладную пасть колодца. Мы уселись на траве вблизи овец. Алексей Харитонович Заливадний полулежал, опершись на локоть, и с улыбкой смотрел на резвившихся ягнят.

— Истинно дети, — сказал он тихо.

Молодые баранчики и ярочки очень любят полакомиться солью.

Говорят, что степь делает людей мрачными. Этого нельзя сказать о Заливаднем. Когда он разговаривал, на коричнево-темном обветренном лице его постоянно теплилась чуть приметная улыбка. Маленькие, по-степному остро видящие глаза были чуточку сощурены. На нем была клетчатая рубашка, на голове кожаный картуз, сожженный солнцем.

Не верилось, что этот внешне ничем не примечательный человек с улыбкой на скуластом небритом лице и есть тот Алексей Харитонович Заливадний, чабанская слава которого давно вышла далеко за околицу совхоза. Ему присвоено звание Героя Социалистического Труда, звание мастера овцеводства. Он депутат краевого Совета. Его чабанский опыт будет широко показан на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Он родился на Ставропольщине. Родное село Рогули стоит в 20 километрах от того домика на кошаре, где ныне живет Заливадний. Подростком ушел из Рогулей. Потянуло, как и того рыжеголового Кирюшку, на простор, к манящим далям, в семью чабанов. Был подпаском, арбичным, сакманщиком, а потом и чабаном второй руки. Уже тогда полюбилась ему суровая, но прекрасная степная жизнь... Так вблизи родного села и прошли двадцать пять лет. Четверть века с отарой! Сколько было пройдено скрытых в травах незримых троп! Было всего вдоволь: и палящего зноя, и весенних зорь, и сырых, темных осенних ночей с кострами, и тоскливого воя метелей. Сколько принял он в свои руки новорожденных ягнят, и сколько тонн шерсти увезли вагоны! И все эти годы не Заливадний рвался к своей нынешней славе, а она неотступно шла к нему по трудовому чабанскому следу.

— Нынешний год в моей отаре урожайный, — сказал Заливадний, все с той же скрытой улыбкой глядя на овец. — Каждые сто маток дали нам сто пятьдесят три ягненка — это

на сорок ягнят больше плана. Хороший итог: отара увеличилась в полтора раза... Да вы посмотрите, что делается на траве. Сколько там шустрой молодежи! Ишь, как жируют! Шубки на них еще чистенькие, издали они кажутся дымчато-сизыми, под цвет полыни. Уже приучаются к подножному корму. И не траву щиплют, а цветочки: они слаще. Иной малыш попьет материнского молока, потом сорвет цветок и держит его в зубах: дескать, посмотрите, какой я красавец...

А быстро подрастают на траве да под солнцем, — продолжал он. — Несведущему человеку покажется наше дело простым и легким. Весной родились ягнята, к осени они выросли, стали овцами, а на следующую весну снимай шерсть... На практике все это не так. Овца у нас породистая, и хлопот с ней много. Ягнят зимой бывает много, только поспевай принимать. Иногда поесть некогда: в отаре безотлучно днюем и ночуем. Так и смотри, чтобы какого случайно не притоптали, не придавили, чтобы ягненок к матери своей привык. А выйдем на пастбища — и опять смотри да смотри: и чтобы малыши не ложились на сырую землю, чтобы желудками не болели... Так что важно вынянчить ягнят, сберечь шаловливую ватагу и от болезни и от степного зверя. И мы сберегли. Все, сколько родилось, до единого живы...

IV

Тучи как-то сразу, неожиданно закрыли солнце. Потемнели краски степи. Порывисто подул холодный ветер, и то там, то тут потянулись к лохматому небу винтовые столбы пыли. Там, где мы только что попрощались с Заливадним, тяжело легла иссиня-черная туча — исчезли с глаз и кошара, и колодец, и чабанский домик. Гроза шла с юга, и была она похожа на гигантскую птицу в полете. Размах двух темносерых крыльев обнимал всю совхозную землю. Мы убегали от правого крыла и не убежали: вблизи кошары накрыло нас косыми и холодными струями воды. Дождь падал крупный, с ветром, и черепичная крыша овчарни шумела так, как шумит горная река.

— Через поля Заливаднего туча летит, — сказал Вениамин Власович Снеговой. — Хорошо, суданка подрастет...

Снеговой стоял у широко раскрытых дверей кошары. Мимо него, явившись из дождя, влажной серой кучей проходили овцы. Они теснились и толкались мокрыми боками; спины у них потемнели; промытые дождем рога были желтые, точно вылепленные из воска.

— Наша выставочная группа, — пояснил Снеговой, помогая чабанам загнать овец в квадратные, из досок, базки. — Скоро уедут они в Москву, на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку.

Из многотысячного, рассыпанного по степи поголовья, из 42 гуляющих по траве отар в выставочную группу взяты лишь единицы... Когда пишутся эти строки, отобранные для выставки овцы уже находятся на пути в Москву. Дальняя у них дорога! В этом году их не коснутся электроножницы, не расстелется по земле мягкое и теплое руно. За этой крохотной отарой, приехавшей из-под Маныча на выставку, посетители увидят не только образцовое хозяйство племенного овцеводства, но и большой труд зоотехников, чабанов, сакманщиков.

Перестала шуметь черепичная крыша, далеко где-то за Манычем гулял гром и синела расколотая молнией туча... Мы собрались уходить, когда два чабана подвели к нам упиравшегося и не хотевшего подходить барана. Был он рослый, длинный, но с одним старым рогом, и от этого его крупная, лобастая голова немного склонилась на бок.

— Ну, вот это и есть номер четыреста одиннадцатый, — сказал Снеговой. — Полюбуйтесь... Он хотя и не едет на выставку: не по летам ему такое путешествие, — но баран знатный, портрет его на выставке будет... Старик плохо ест, плохо видит, но шерсть у него еще хороша. И в этом году он даст ее на десять мужских костюмов...

За перегородкой, подняв красивые рогатые головы, стояли отобранные на показ внуки и правнуки номера четыреста одиннадцатого. Рядом с ними их однорогий предок выглядел обычным, рядовым бараном. Глядя на этих «родичей», мы думали о том новом качестве, которым в послевоенные годы обогатились на Ставропольщине советские мериносы, и по-новому понимали смысл сказанных слов: «А что на него смотреть. Номер четыреста одиннадцатый — это уже наш вчерашний день...»

Старший чабан Герой Социалистического Труда Алексей Харитонович Заливадний постоянно объезжает сакманы своей отары на мотоцикле. Вот он приехал к своему юному помощнику сакманщику Ване Лега. Сакман Вани всегда в отличном состоянии.

Гости выставки

Все новые и новые люди прибывают в гостиницу Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Голубой автобус сворачивает с Ярославского шоссе на Грибную улицу и минуты через две останавливается у крыльца высокого дома. Вывеска, укрепленная над входом, гласит: «Гостиница Всесоюзной сельскохозяйственной выставки».

Шофер открывает дверь, и один за другим с чемоданами в руках из машины выходят пассажиры. Это гости Москвы, участники выставки.

Нет такой профессии в животноводстве, представителей которых не удалось бы сыскать среди живущих в гостинице, от доярок до работников звероферм, разводящих дорогих чернобурых лис, от птичниц до работников, занятых воспитанием сторожевых и охотничьих собак.

Два пятиэтажных здания занимает гостиница, ныне отданная животноводам. Еще недавно тут жили художники — оформители павильонов. Теперь с каждым днем число их уменьшается.

Здесь разместятся 900 животноводов. Они пробудут на выставке несколько месяцев.

Вот очередная группа приезжих сдает администратору свои документы. Это птичницы колхоза имени Молотова, Петровского района, Ставропольского края, Галина Павлинская, Полина Ревегук и Лидия Ряховская. Они доставили на выставку 650 кур и петухов породы леггорн. Каждая несушка на колхозной ферме дает в среднем по 165 яиц в год.

В гостиничных номерах светло и уютно. На каждом этаже хорошая кухня, где можно приготовить обед, а в духовке газовых плит испечь пироги.

В гостиницу приехала группа работников Воронежского экскаваторного завода, снабжающая сельское хозяйство мощными машинами. Мастер Василий Полухин, слесарь Александр Протопопов и маляр Андрей Грядушкин доставили однокубовый универсальный экскаватор. Универсальным он называется потому, что стрелу по мере надобности можно перестраивать: то это кран, то прямая лопата, то ковш. Своего богатыря они смонтировали у входа в Павильон механизации и электрификации сельского хозяйства.

Из окон гостиницы открывается панорама строительства гостиничного городка. Здесь сооружается много пятиэтажных корпусов, где весной будущего года откроются новые гостиницы для участников выставки.

Г. БЛОК

Фото С. Фридлянда и Е. Умнова.

Доярки Таисия Короткая из Николаевской области и Татьяна Предоляк из Винницкой области у себя в номере.

ОДНА ШЕРЕНГА

Вот они, участники Всесоюзного физкультурного парада! Девять спортсменов, девять друзей: Василий Бахирев, Борис Бодин, Анатолий Быков, Роман Чертов, Борис Петренко, Николай Максимчук, Вячеслав Семенов, Александр Медведев и Евгений Семеняк.

Тут гребец и велосипедист, легкоатлеты и мотогонщики, пловец и гимнасты. У них разные специальности: фрезеровщик, слесари, цеховой мастер, токарь, монтер, шлифовщик, инженер,— но все они члены одного спортивного коллектива общества «Торпедо», все работают на Московском заводе малолитражных автомобилей, на том самом, что выпускает небольшие, проворные «москвичи».

Девять этих физкультурников как бы представляют на всесоюзном праздничном смотре свою низовую спортивную организацию. За спиной у них 1 200 рабочих-спортсменов.

Готов к труду и обороне

Стадион... Тренируются начинающие легкоатлеты. Скоро они будут сдавать нормы на значок «Готов к труду и обороне».

Председатель совета спортивного общества в цехе шасси Анатолий Волков внимательно следит за пареньком на беговой дорожке. Слесарю Толе Голубенкову всего 17 лет. Он долго отнекивался, когда Волков предложил ему заняться спортом: «Куда мне! Да разве я смогу бегать, как ты!» А вот оказалось, что бегает совсем неплохо.

— Шире шаг! Сильнее толчок!.. Дыши ровно! — кричит Волков своему ученику.

Голубенков заканчивает шестой круг; он тренируется в беге на 3 тысячи метров.

— Но ведь эта дистанция в комплексе первой ступени необязательна! — напоминает Волкову инструктор физкультуры Василий Лычков.

Оказывается, Толя Голубенков собирается сразу сдавать нормы второй ступени. Они вполне ему по силам.

Письмо из Казахстана

В комнате заводского совета «Торпедо» раздался телефонный звонок. Говорил комсорг одного из цехов Евгений Харитонов.

— Получили письмо от Фролова... Вот молодчага!

— Ну-ну... Что пишет? Как там у наших казахстанцев?

— Всходы хорошие, ждут урожая... Фролов пишет, что времени не хватает, но, судя по письму, он и спорта не бросил. Просит прислать волейбольную сетку! Мяч на целину взял, а сетку забыл.

— Пожалуйста, сетку дадим.

Харитонов рассмеялся и сказал, что сетку уже отправили. А звонит он потому, что Коля Фролов просил передать привет всем заводским физкультурникам.

Двести человек уехало с завода на Алтай и в казахстанские степи. Больше половины из них — отличные спортсмены.

Борис Лунькин, передовой рабочий, активный комсомолец, член совета «Торпедо» сборочного цеха, выступая в Кремле перед отъездом на целину, заявил: «Если партия сказала «надо», комсомольцы отвечают «есть».

Теперь молодые автозаводцы-спортсмены успешно трудятся на целинных землях.

Честь цеха

Перед начальником прессового цеха стоят, опустив голову, несколько молодых работниц.

— Позор! Развинтились!.. Тянете цех назад!

— Да ведь мы, Александр Сергеевич...

— Нечего оправдываться! В таблице нуль, «бублик»... Стыд и срам!

Волейболистки прессового цеха не явились на очередную игру. Неявку им зачли как поражение. Появившийся в таблице нуль переживает весь цех и не меньше других Александр Сергеевич Шаров.

Участники Всесоюзного физкультурного парада (слева направо): В. Бахирев, Б. Бодин, А. Быков, Р. Чертов, Б. Петренко, Н. Максимчук, В. Семенов, А. Медведев, Е. Семеняк.
Фото Л. Доренского (ТАСС).

На заводском стадионе. А. Волков помогает тренироваться А. Голубенкову.

Детская футбольная команда со своим тренером конструктором И. Шадричевым.

В прошлом Шаров был одним из сильнейших на заводе волейболистов. И теперь, став начальником цеха, он попрежнему играет в цеховой команде.

Подходит парторг цеха Иван Федорович Титов и осуждающе смотрит на физкультурниц.

Капитан команды вскидывает голову и взволнованно говорит:

— Ну, виноваты... Признаем! Только теперь мы так играть будем, так играть...

Девушка запнулась, не находя нужных слов, но парторг и начальник цеха отлично ее поняли.

После стартов

— Чемпионам Советского Союза физкультпривет! — провозгласил еще с порога мастерской инженер Лев Гивартовский.

Чемпионы Советского Союза улыбнулись и кивнули в ответ, продолжая устанавливать на стенде мотор «москвича». Тут были механик Андрей Герасимов, старший мастер Борис Качигин, слесарь Николай Глухов. На заводе пять мастеров спорта и несколько спортсменов-разрядников. Им принадлежит командное первенство страны в шоссейных гонках на малолитражных машинах, а Герасимову и личное первенство.

Нелегко выжать из обычного «москвича» скорость, доходящую до 120 километров! Для этого мало быть безупречным водителем. Надо еще и превосходно знать двигатель автомобиля, его ходовую часть, конструктивные особенности. Бесконечными «доводками» моторов, все новыми усовершенствованиями своих машин спортсмены-гонщики добиваются исключительно высоких скоростей.

Вот и сейчас, после вчерашних стартов, принесших победу в гонках на первенство Москвы, спортсмены исследуют двигатели своих машин. Вскоре засучил рукава и Л. Гивартовский, председатель и тренер автомобильной секции спортивного общества.

К автогонщикам нередко заглядывают мотоциклисты — Евгений Семеняк, Николай Максимчук, Анатолий Быков. У них всегда найдется, о чем потолковать с автогонщиками.

Интересная встреча

В те дни, когда на крупнейших стадионах страны проходили первые международные футбольные встречи, на заводском стадионе состоялся долгожданный матч между командами ремонтно-механического цеха и штампо-механического.

Ремонтники, обладатели Кубка завода, с первых же минут игры предприняли серию сильных атак, одна из которых закончилась успешно. Конструктор Иван Шадричев забил первый гол. Окрыленные успехом, ремонтники продолжали наступать, и вскоре счет стал 2 : 0 в их пользу.

Однако футболистам штампомеханического цеха удалось прорваться к воротам противников. Слесарь Юрий Соколов с подачи секретаря заводского комсомольского комитета Анатолия Магита сквитывает один гол, вызвав горячие аплодисменты зрителей. Встреча закончилась со счетом 3 : 2 в пользу ремонтников, но проигравшие заявили, что в следующем состязании обязательно добьются победы.

Да, матч волновал заводских болельщиков не меньше, чем борьба «Спартака» с «Жирондой», и в этом нет ничего удивительного. На заводе 16 цеховых команд и 7 клубных, принимающих участие в соревнованиях на первенство столицы. Футбол у строителей «москвичей» — один из самых любимых видов спорта.

Заслуженные и рядовые

В клубе не протолкнуться... На сцену поднимались победители лыжных гонок, лучшие конькобежцы и хоккеисты. Под бравурный, ликующий туш оркестра им вручали грамоты, дипломы, призы. Подводились итоги зимнего сезона, но разговор шел уже и о летнем.

На трибуну взошел рекордсмен мира и чемпион Европы заслуженный мастер спорта Леонид Щербаков. Он рассказал об опыте своих тренировок и о том, как достигали рекордов другие наши легкоатлеты.

Через две недели с этой же трибуны перед заводскими физкультурниками выступали чемпионы мира по хоккею с шайбой заслуженные мастера спорта Юрий Крылов и Валентин Кузин. Побывали за последние месяцы на заводе и сильнейшие советские боксеры, фехтовальщики, акробаты.

Заслуженные приезжают к рядовым не только в гости, а прежде всего, чтобы отчитаться перед ними. Чемпионы и рекордсмены выходят вот из таких же низовых спортивных коллективов, из самой гущи физкультурников.

— А он в каком цехе работал, этот Щербаков? — тихо спросил курносый паренек у соседа, когда знаменитый спортсмен сходил с трибуны.

— Да он не с нашего завода вовсе... Только это все равно!

Паренек подумал и согласился:
— Конечно. Все равно он наш.

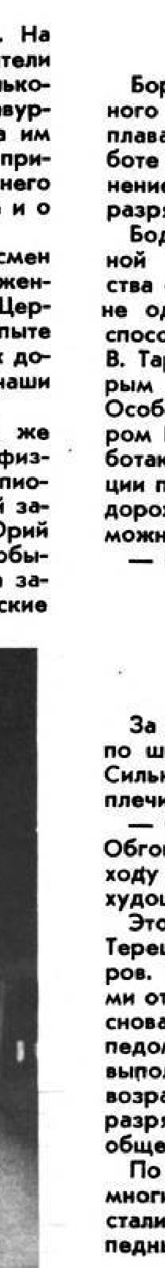
Спортсмены-автомобилисты (слева направо): А. Герасимов, Н. Глухов, Б. Качигин и Л. Гивартовский.

Водой не разольешь!

Борис Бодин, слесарь из моторного цеха, больше всего любит плавание. Зимой товарищи по работе поздравили Бориса с выполнением нормы пловца первого разряда.

Бодин занимается в центральной плавательной секции общества «Торпедо», и занимается там не один. Он отыскал на заводе способных молодых пловцов В. Тарасова и В. Коваленко, которым помогает тренироваться. Особенно дружен Бодин с Виктором Коваленко. И в цехе они работают рядом и на водной станции плавают по соседним водным дорожкам. Вот уж действительно можно о них сказать:

— И водой не разольешь!

Велогонщики

За Рогожской заставой мчится по шоссе стайка велосипедистов. Сильные ноги жмут на педали, плечи пригнулись к рулям.

— Садись ведущему на колесо! Обгоняй рывками! — кричит на ходу молодому гонщику пожилой худощавый мужчина.

Это тренер Николай Николаевич Терешин, слесарь из цеха моторов. Николай Николаевич с годами отошел от спорта, а вот теперь снова увлекся лыжами и велосипедом. Минувшей зимой Терешин выполнил очень высокую для его возраста норму лыжника второго разряда. Летом он стал тренером-общественником.

По совету Николая Николаевича многие лыжники и конькобежцы стали заниматься с весны велосипедным спортом. Вот и участник Всесоюзного парада физкультурников отличный лыжник Александр Медведев скоро будет заправским велосипедистом.

В жаркие дни июня гонщики прилежно тренировались иной раз и допоздна. Но вечером каждый из них непременно оказывался у радио, чтобы послушать репортаж о многодневной велосипедной гонке. В состязании по маршруту Москва — Харьков — Киев — Минск — Москва участвовал их товарищ слесарь Виктор Чернышев.

Председатель совета

Юрия Широкого седьмой год подряд избирают председателем заводского совета «Торпедо». Это опытный физкультурный организатор и страстный спортсмен.

Юрию исполнилось двадцать лет, когда он начал работать токарем в цехе шасси. Играл в хоккей и футбол. Занимался легкой атлетикой. Стал цеховым физоргом. Спортивную работу наладил у себя так, что очень скоро его поставили во главе заводского совета спортивного общества. И вот теперь заводская организация «Торпедо» объединяет 1 200 человек. Спортсмены занимаются в четырнадцати спортивных секциях. Физкультурные коллективы — во всех цехах. Своя лыжная база. Свой стадион. А как обширен спортивный календарь завода! Десятки соревнований, сотни тренировок... Конечно, один председатель совета справиться не может, но у Широкого много помощников, отличных спортсменов, неутомимых организаторов спортивной работы...

* * *

Знакомясь с жизнью этого дружного спортивного коллектива, ясно видишь, в чем сила нашего физкультурного движения. Его сила в массовости. Девять работников завода малолитражных автомобилей среди участников физкультурного праздника — это только одна шеренга, а низовой коллектив, который они представляют, — тоже только одна шеренга в многомиллионной армии советских спортсменов.

Е. ШАТРОВ

Председатель заводского совета «Торпедо» Ю. Широкий беседует с физкультурницей кузовного цеха Т. Борисовой.

КАЖДЫЙ ДЕСЯТЫЙ — СПОРТСМЕН

Часы на ратуше бьют семь раз. Ранний час, да еще воскресенье, но город Тарту уже проснулся: предстоит большой спортивный день, и молодежь начинает его с зарядки.

В буржуазной Эстонии спорт был уделом немногих — членов корпоративных клубов, объединявших сынков богачей. В городе имелось всего несколько спортивных площадок. Влюбленный в физкультуру, советский Тарту усиленно строит стадионы, площадки, корты. Нынешним летом торжественно открыт выстроенный руками студентов Тартуского университета стадион на 15 тысяч зрителей. А в это воскресное утро в парке «Тооме» мы застаем студентов за постройкой двух баскетбольных и одной волейбольной площадок.

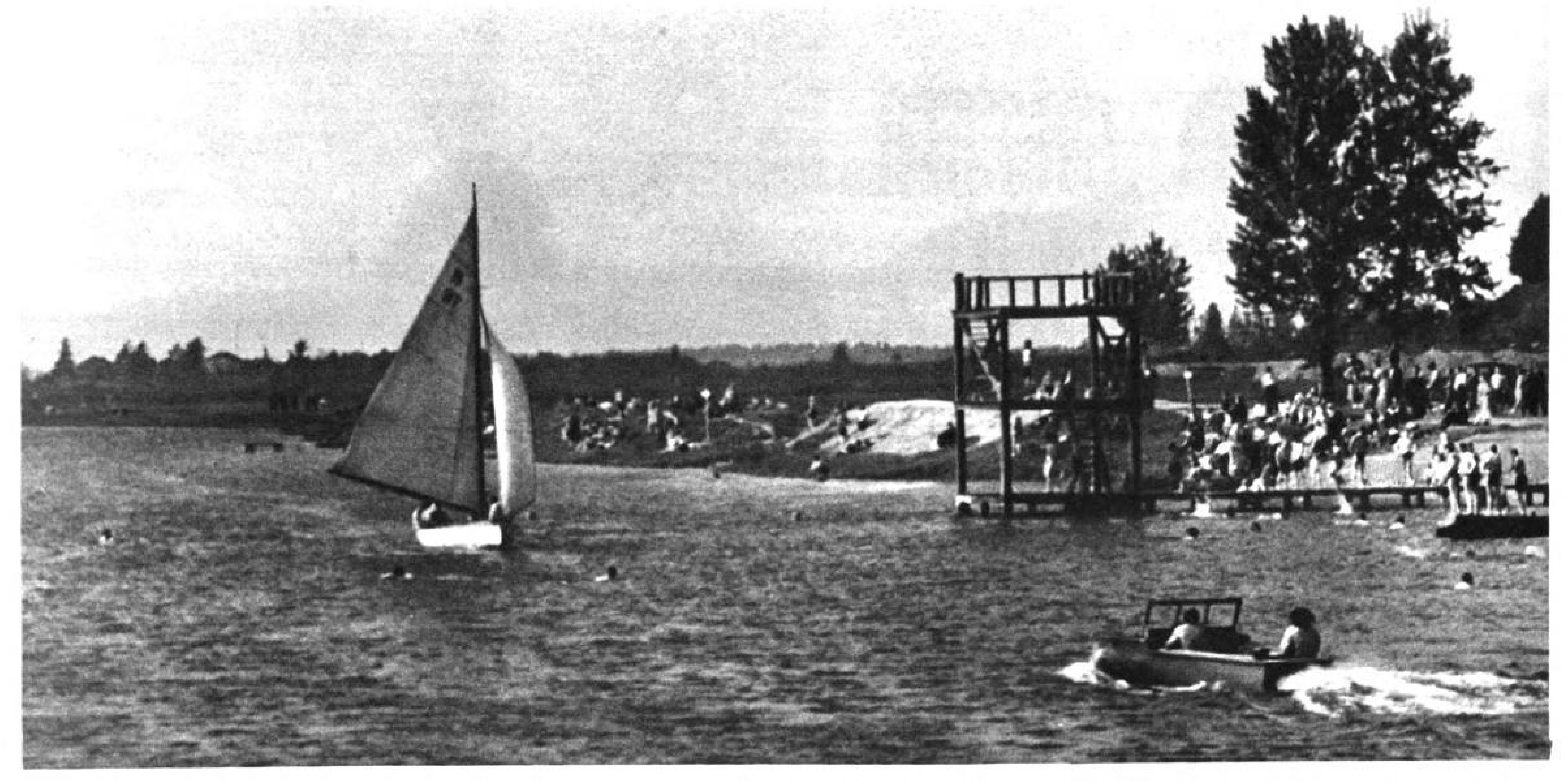
Тарту ведет борьбу за спортивное первенство с Таллином. В прошлом году первенство по легкой атлетике выиграли спортсмены Тарту. На Тартуском стадионе, где идет сегодня соревнование двух городов, таллинцы решили взять реванш. Но нелегко дается им победа.

Состязание скороходов на десять километров выигрывают спортсмены Тарту. «Скоро и меня обгонят», — говорит судья соревнований Бруно Юнг, лучший скороход страны, воспитанник Тартуского строительного техникума.

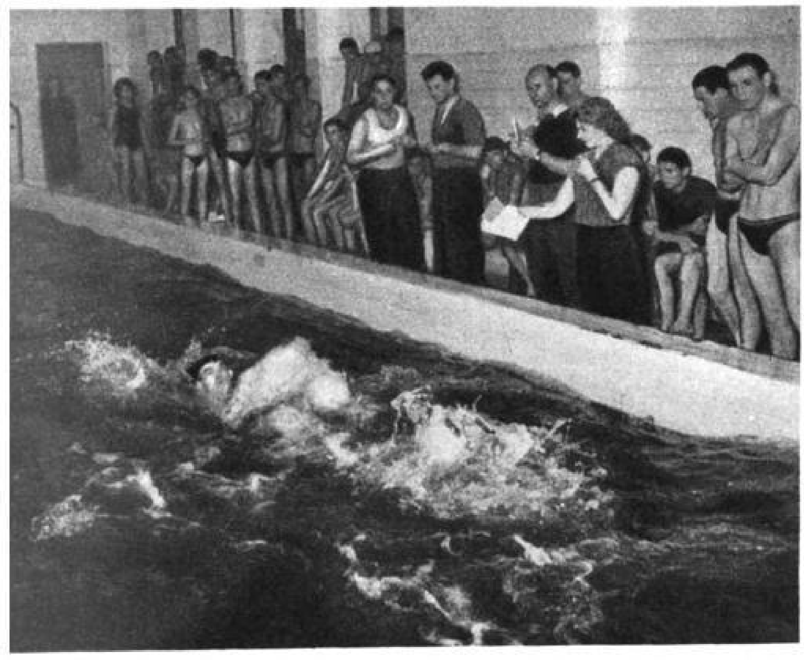
В живописном городском парке проходит финал конных соревнований. Этого вида спорта вовсе не знала буржуазная Эстония. За короткий срок в Тарту появились три конника, завоевавшие первенство страны. В 1952 году чемпионом СССР стала студентка лесотехнического факультета сельскохозяйственной академии Айно Варс. В том же году первенство в соревновании на кубок страны в двухгитовом преодолении препятствий завоевала преподавательница университета Мета Вирмяс, а в прошлом году чемпионом страны по тому же виду стал студент юридического факультета Тартуского университета Антс Пиндинг.

Сегодня Айно Варс не участвует в соревнованиях; она только что вернулась со студенческой практики, — но двум другим чемпионам приходится плохо: их начинает обгонять молодежь, еще совсем недавно севшая в седла. Ее много — в конно-спортивной секции занимается более 150 человек.

Есть в Тарту река. Она называется Эмайыги, что означает Мать-река. На ее берегах тартусцы проводят свой воскресный досуг. В городском яхтклубе 16 парусных судов (их совсем не было прежде). Много на реке крохотных, уютно покрытых тентом моторок, много гребных лодок. Хорошо используют тартусцы свою реку!

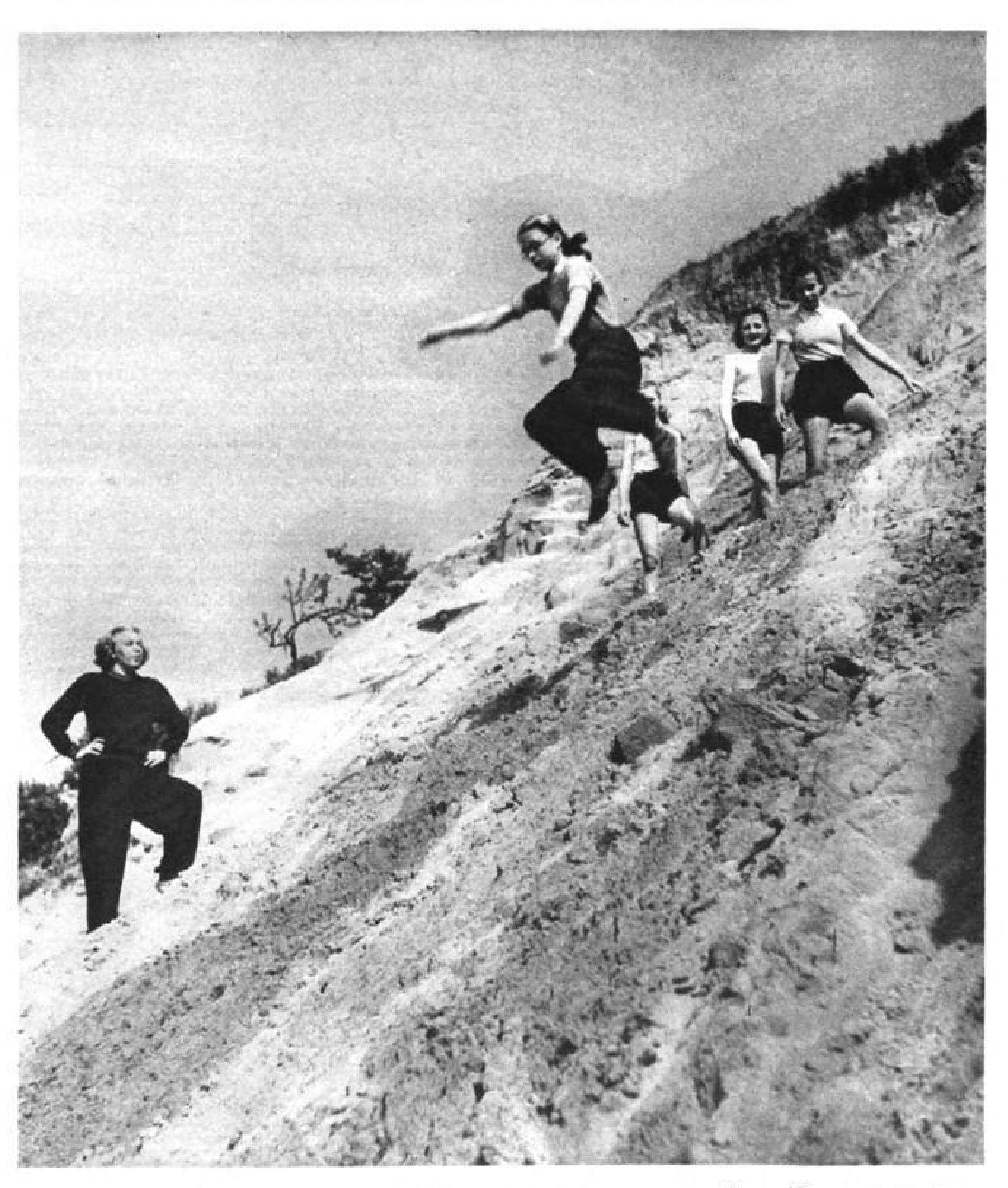

В небольшом бассейне для плавания можно тоже встретить спортсменов, известных всей стране. Здесь тренируется чемпионка СССР 1953 года среди девушек Айно Соопалу, студент ветеринарного факультета академии Геннадий Ягомяги — чемпион 1953 года среди студентов.

Вот этот маленький бассейн — всего две дорожки по шестнадцать метров, но уже решено начать строить в этом году большой, двадцатипятиметровый бассейн на восемь дорожек.

Чемпион СССР 1953 года по настольному теннису — бухгалтер Эвелин Лесталь. Как молниеносны ее удары, как точно направляет ее ракетка целлулоидный мячик!

В трех спортивных школах обучаются молодые спортсмены Тарту. В школе спортивного общества «Калев» тренер Эви Красс проводит с девочками урок — прыжки с высоты. Гор в Тарту нет, но есть крутые, обрывистые холмы. «Прыгайте смелее, девочки»,— говорит Эви.

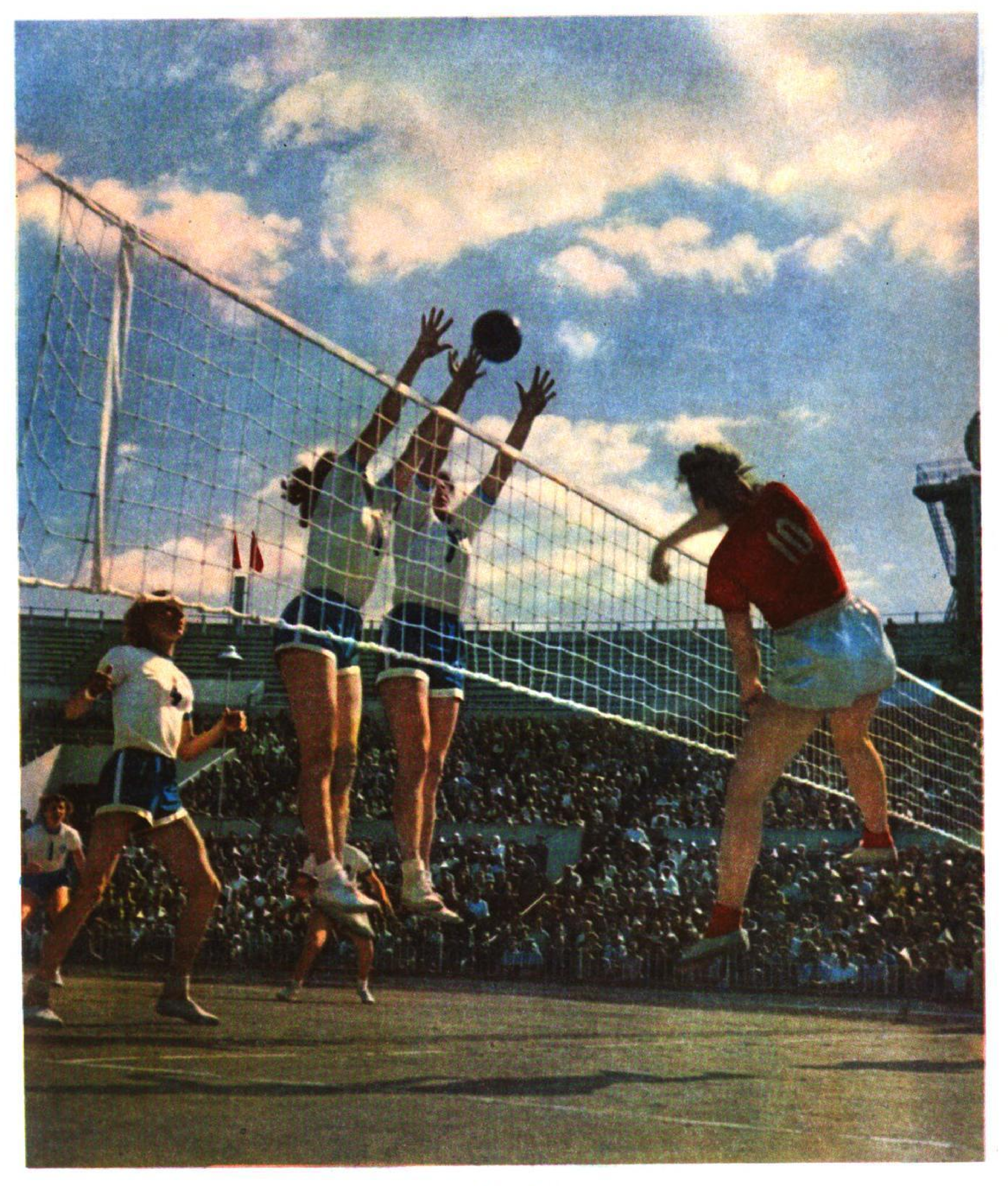
В Тарту каждый десятый житель занимается спортом. Если же говорить о молодежи, то она занимается спортом почти вся без исключения. Оттого так насыщен тренировками и состязаниями воскресный день Тарту.

И. АГРАНОВСКИЙ, О. КНОРРИНГ

Колонна физкультурников спортивного общества «Урожай».

Фото А. Новикова.

Решающий удар.

Фото А. Бочинина.

ПОЕЗДКА В ШОТЛАНДИЮ

Анатолий **СОФРОНОВ**

Специальный корреспондент «Огонька»

III. СНОВА В ЭДИНБУРГЕ

Еще по дороге в Абердин мы узнали, что между Пертом и Эдинбургом находится знаменитый замок Стерлинг, возле которого в конце XIII века шотландцы нанесли поражение английским войскам.

В Абердине нам всячески рекомендовали на обратном пути в Эдинбург полюбоваться этим историческим местом. К сожалению, несмотря на наше желание, воспользоваться советом не удалось. Замок Стерлинг находится немного в стороне от нашего маршрута, а для того, чтобы хоть немного свернуть в сторону, требовалось разрешение полиции. Секретарь общества «Шотландия — СССР» Джордж Макалистер пытался в Перте получить такое разрешение, но тщетно. Мы вернулись в Эдинбург, довольствуясь только устными рассказами о прошлом Шотландии. Да, история Шотландии действительно вызывает большой интерес. В течение многих веков небольшой народ сражался за свою независимость. Будучи неоднократно разбиты более сильным и лучше вооруженным противником, шотландцы вновь и вновь собирали силы, поднимались на борьбу. Романы Вальтер Скотта, многочисленные песни, некоторые эпические поэмы, сложенные средневековыми поэтами, дышат героикой тех далеких лет. Шотландцы — большие патриоты своей маленькой, суровой, но красивой земли. Это почувствуешь и в одежде, и в песнях, и в музыке — во всем, что составляет душу народа. В Эдинбурге, на вечере дружбы, организованном обществом «Шотландия — СССР», мы могли убедиться в жизненной силе и вечной молодости шотландского искусства.

Когда на сцену вышел пожилой шотландец с волынкой и начал, расхаживая по сцене, играть песню «Дорога на острова», все участники вечера — их было около шестисот — громко запели.

Когда-то многие тысячи шотландцев вынуждены были покинуть родную страну. Рассеянные по свету, они тосковали по родине. Слова песни говорили об этой тоске, о том, как хороша Шотландия, как красивы ее поля и горы. Музыкант ходил по сцене, умело орудуя сложным духовым инструментом, волынка вела свою неторопливую мелодию, а в зале люди пели о том, как хорошо вернуться в родную страну...

Много интересного прослушали мы на этом вечере. Выступал певец Манди и пел шотландские и негритянские песни. И снова в зрительном зале люди помогали певцу... А когда Манди запел негритянскую песню о Миссисипи, вдруг вспомнился знакомый и близкий всем людям мира голос Поля Робсона, московский зал Чайковского и Робсон перед москвичами... Так песни странствуют по свету, объединяют людей, зовут их на борьбу.

Исполнялись на вечере и шуточные песенки, рассказывавшие, например, о том, как трудно выйти шотландской девушке замуж, если она ходит в пестрой шотландской юбочке, ибо эту юбку носят мужчины; и лирическая песня о цветке белого вереска — поэтическом символе Шотландии...

Но не только пели и не только слушали музыку люди, собравшиеся в «Портабелло Таун-Холле». Здесь горячо, так же горячо, как в Абердине, встречали выступления Хьюлетта Джонсона и членов советской делегации деятелей культуры. В речах ораторов звучала большая тревога за судьбу мира. Шотландцы, побывавшие в Советском Союзе, рассказывали о своих впечатлениях.

Один из организаторов общества, Том Мэрри, владелец небольшого отеля в Эдинбурге, говорил:

— Сейчас наметилось улучшение отношений между нашими странами. Англо-советский договор может помочь нам в мирное время так же, как помог во время войны. Нашему народу необходимы дружба и союз с советским народом... Когда-то по морям и океанам земного шара плавало много кораблей, построенных в наших доках. Тогда процветало судостроение в Шотландии. Мы не знали, что такое безработица среди рабочих-судостроителей. Было время, когда одна пятая всех кораблей в мире делалась в Шотландии. Теперь не то. Заказы исчерпываются. Есть опасность все большей и большей безработицы. Мы должны всячески развивать торговые отношения с Советским Союзом. Именно Советский Союз может стать нашим большим заказчиком и покупателем в судостроении...

И, обращаясь к кому-то, находящемуся за пределами зрительного зала, Том Мэрри горячо произнес:

— Мы требуем, чтобы нам не ставили препятствий в развитии наших торговых отношений с Советским Союзом! Дружба, мир, торговля — вот наш девиз!

Тому Мэрри долго и дружно аплодировали.

Джордж Макалистер обратился с призывом вступать в члены общества «Шотландия — Советский Союз». На вопрос Макалистера «Есть ли желающие?» в зале поднялись десятки рук. Активисты общества отправились собирать заявления и вступительные взносы. Макалистер рассказывал собравшимся:

— Ехал я недавно в поезде. Напротив меня сидел беспокойный человек. Я не спрашивал, кто он такой, но он сам сообщил: «Я коммивояжер, а вы кто?» «А как вы думаете?» Коммивояжер начал называть профессии. Но, конечно, он не мог угадать. Я отвечал все время: «Нет, нет, нет». Тогда коммивояжер взмолился: «Не мучайте меня, скажите сами... Я ведь не успокоюсь, пока не узнаю. А не дай бог, не раскроете своего секрета — я не буду спать целую неделю». Пришлось ответить, что я секретарь общества «Шотландия — СССР». «А-а, понимаю, вы из страховой компании?» Я сказал, что он ошибается... «Нет, нет... Вы мне не говорите: именно из страховой компании. Чем больше будет количество членов вашего общества, тем надежней у каждого шотландца будет застрахована жизнь».

В зале дружно смеялись. Сборщики возвращались к столу президиума все с новыми и новыми заявлениями. Звенели на тарелочках шиллинговые монеты — вступительный взнос. Макалистер объявил:

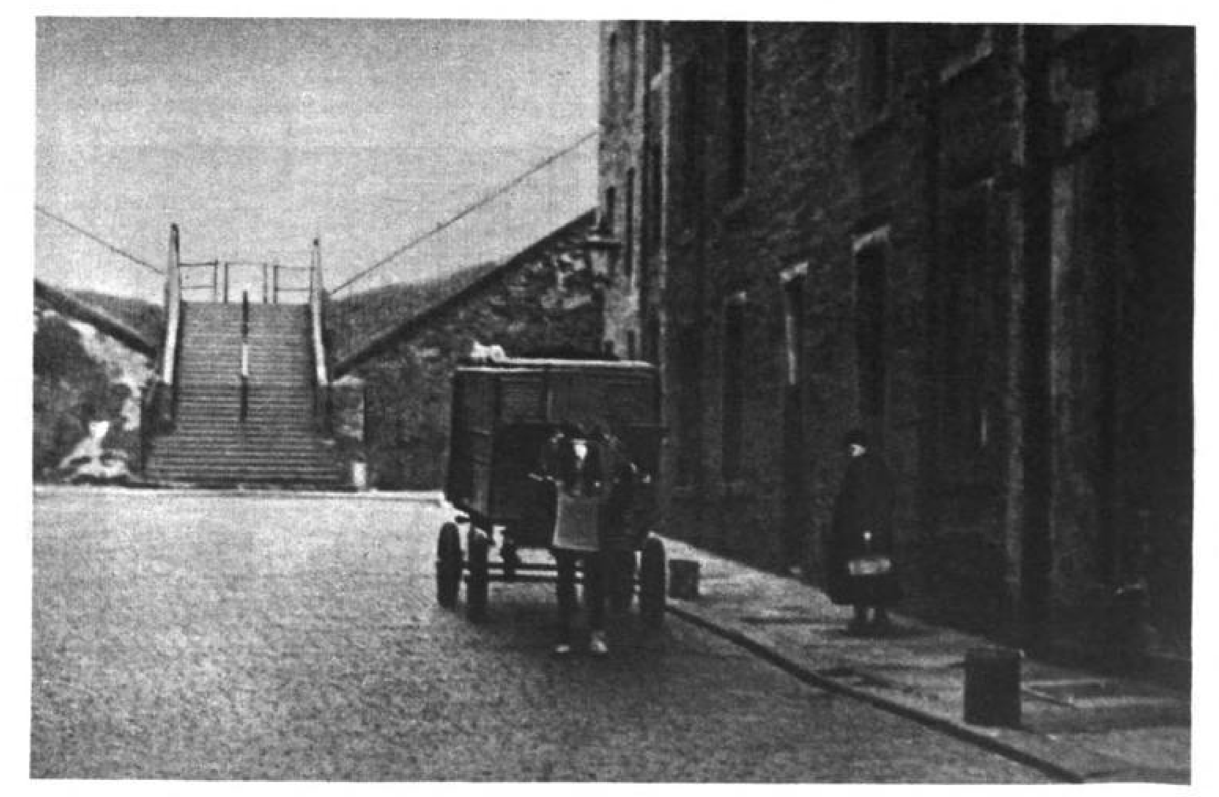
— Сегодня семьдесят пять новых членов вступило в общество «Шотландия — Советский Союз».

Снова по залу прокатилась волна аплодисментов.

Председательствовала на собрании миссис Маргарет Бэйн, секретарь правления крупной кооперативной организации, член лейбористской партии. Это была невысокого роста пожилая женщина с тихим голосом. Закрывая собрание, она сказала:

— Я была в Советском Союзе. Я должна засвидетельствовать величайшие успехи этой страны в экономике и культуре. Я своими глазами видела новые города. Они оставляют самое хорошее впечатление. Люди в Советском Союзе веселы, обеспечены работой. У них нет тревоги о завтрашнем дне. Я нигде не видела, хотя много ездила, никаких приготовлений к войне. Наоборот, в Советском Союзе все только и говорят о мире. Я свидетельница всему этому...

И, словно повторяя слова плаката, висевшего в зрительном зале, она сказала: «Горячий привет гостям из Советского Союза!»

В одном из кварталов Эдинбурга.

Продолжение. См. «Огонек» № 28.

Смена караула в замке (Эдинбург).

...Из Эдинбурга мы уезжали в полдень, увозя в памяти дружеские пожелания новых знакомых и мелодии чудесных шотландских песен.

Мы вышли на улицу. Эдинбуржцы, участники собрания, занимали очередь у автобусной остановки. Но вдруг очередь нарушилась. Десятки людей подходили к нам, пожимали руки, дружески хлопали по плечу, приветливо улыбались... Из темноты вынырнул один автобус, за ним — другой, но никто не спешил садиться...

...Я уже писал о первом впечатлении, какое произвела на нас столица Шотландии. Теперь, когда мы имели возможность неторопливо и спокойно ознакомиться с городом, благоприятное впечатление усилилось. В центре города стоит памятник Вальтеру Скотту. Памятник своеобразный, непохожий на другие. Над запоминающейся фигурой писателя возвышается большая башня. Время потревожило и памятник и башню, оставив свои следы на бурого цвета камне. Это место любят школьники.

В портретной галерее Эдинбурга собрано много интересных полотен. Здесь же — коллекции оружия, предметы домашнего обихода, посуда и многое другое, что характеризует многовековую культуру шотландского народа. Музей не только осматривают, в нем учатся. Мы были в музее как раз в тот момент, когда в одном из залов педагог читал школьникам лекцию «История Эдинбурга, описанная в различных книгах». Мальчики и девочки 13—14 лет молча сидели на замкнутых квадратом скамьях, а педагог ходил перед ними и что-то цитировал из объемистой книги с пожелтевшими страницами. Неподалеку от юных слушателей на невысоком постаменте стояла черная гильотина. К ней прикреплено следующее пояснение: «Машина для отрубания головы, сделана в Эдинбурге в 1564 г. и бывшая в употреблении до 1710 г.». Затем следовал далеко, далеко не полный список тех, кто был казнен на этой гильотине... Кинув последний взгляд на гильотину, «бывшую в употреблении» почти полтораста лет, мы отправились на выставку современной живописи.

Чувствуется, что многие шотландские художники обращаются к жизни и быту своего народа. Не все равноценно на выставке: есть работы абстрактные, преследующие лишь формальные задачи, игру красок, контрастные сочетания цветов, есть и попросту формалистические нагромождения. Но, тем не менее, лучшие полотна привлекают внимание посетителей. Таковы картины художника Мак-Чейна «Музыканты» и Фрезера «Пастораль», в которой совсем не в пасторальных тонах показан типичный шотландский пейзаж. Интересна и картина «Лососевые сети». Как правило, романтическая тема моря, труда рыбаков получила наиболее совершенное воплощение. Об этом говорят картины Томаса Ватта «Гавань в Фрезербурге» и Франка Мартина «Перед выходом в море». Примыкают к ним произведения, изображающие сельский труд. Хороши картины Давида Эварда Аллана «Время сева» и Тома Кера «Пахота».

Судя по выставке в Эдинбурге, впрочем, так же, как и по последней парижской выставке современной живописи, которую нам довелось посмотреть в мае этого года, художники в ряде стран постепенно отходят от формалистического искусства, все больше обращаясь к реалистическому изображению жизни.

И когда видишь работы, где человеческая жизнь изображена без бредовых выкрутасов, смешными и ненужными кажутся такие «картины», как серия «художеств» некоего Янкеля Адлера (Лондон), представленные на выставке.

Мы поднялись в гору и посмотрели замок, на бастионах которого стоят старые пушки, а в служебных помещениях — шотландские солдаты, несущие охранную службу.

Но мы бы, конечно, не узнали Эдинбурга более полно, если бы не побывали на окраинных улицах города. Эти улицы и дома, расположенные, как и весь город, на гористой местности, оставляют тяжелое впечатление. Старые, облупившиеся, давно не ремонтировавшиеся дома. Растительности никакой. Теснота чувствуется в каждой бытовой подробности. На маленьких балконах, выходящих на улицы, сушится белье. У каменных подъездов возятся грязные ребятишки. На углу одной из улиц мы увидели двух чумазых девчушек, которые развлекались на каменных ступеньках рядом с пустыми мусорными ведрами. Острым контрастом встали перед нами эти горбатые кварталы по сравнению с широкими центральными улицами столицы Шотландии.

IV. На родине Роберта Бернса

День нашей поездки к домику Роберта Бернса удался на славу. Было солнечно и тепло. По хорошей дороге мы быстро доехали от Эдинбурга до Глазго и, не останавливаясь, направились в сторону небольшого городка Эр, рядом с которым расположена деревня Аллоуэй — место рождения великого шотландского поэта. Читая и хорошо зная Роберта Бернса по превосходным переводам С. Я. Маршака, трудно все же вдали от Шотландии представить степень его популярности. Многое изменилось с тех пор, как были написаны пронизанные светлой печалью, неистощимым лукавством и весельем стихи Бернса, но и теперь сразу узнаешь источники творчества поэта. Да, вот здесь, вблизи залива Фёрт оф Клайд, у этих изрезанных обрывистых берегов, среди озер и тенистых рощ, писались стихи, душа которых певуча, мужественна и нежна, как душа породившего их народа.

Мы волновались, подъезжая к бернсовским местам. Хотелось запомнить каждую подробность пейзажа, отыскать в нем черты, знакомые по стихам поэта.

Мы ехали молча. И вдруг в тот момент, когда вдали показалась серебристая поверхность залива Фёрт оф Клайд, над нами с ревом пронесся реактивный самолет. Мы подъезжали к знакомому мне по возвращению из Исландии аэродрому Прествик. Самолет, промчавшийся над нами, был американским. Половина аэродрома передана сейчас американским военно-воздушным силам. Здесь их база. В шотландских газетах не раз звучали голоса протеста по поводу того, что родина великого шотландского поэта оскверняется оккупантами, как здесь в народе называют американцев. Эти протесты находят самую широкую поддержку не только среди жителей местности, прилегающей к деревне Аллоуэй, но и у всего народа Шотландии. Тем не менее шотландское небо буравят американские самолеты. А в час, когда мы ехали через городок Эр, по тротуарам, сбивши на лоб пилотки голубоватого цвета, стайками брели американские летчики, громко хохоча и грубо задевая проходивших мимо девушек...

От площади, на которой стоял памятник Бернсу, лучами расходилось несколько дорог. Мы спросили проходившую женщину:

— Как проехать к домику Бернса?

Женщина с готовностью указала дорогу. Боясь проскочить небольшой домик поэта, мы несколько раз останавливали машину, расспрашивая прохожих... И вот наконец заветный поворот в переулок — и перед нами длинный, крытый соломой дом, в котором родился Роберт Бернс. Сначала мы вошли в музей. Это небольшой одноэтажный дом, где собраны

На одной из улиц мы увидели двух девчушек.

В домике Роберта Бернса. Хранитель музея Томас Мак Мини среди шотландских школьников.

рукописи, книги и личные вещи поэта. Собственно, музей состоит из двух комнат, хорошо освещенных в ясную погоду: на потолке сделаны стеклянные фонари. Нам повезло, день был солнечный, и музей казался веселым и жизнерадостным. Кроме того, в комнатах было много юных посетителей. Маленькие шотландцы рассматривали рукописи стихов и письма поэта, хранящиеся под стеклянными витринами. Вот письма Бернса, посланные им своему другу Роберту Грехэму и его жене, живущим в городе Данди. Вот стихи, посланные по тому же адресу... Витрина за витриной. Рукописи, книги с надписями поэта. Он был добр и широк, Роберт Бернс. «Пусть радость отличает ваши дни и счастье продлит годы вашей жизни»,— читаем мы одну из надписей на книге. Эта надпись могла бы быть эпиграфом ко всем произведениям поэта. Здесь же, в первой комнате, расположен небольшой прилавок, где каждый посетитель может купить за несколько шиллингов снимки домика и небольшие альбомы в переплетах под цвет национальных шотландских тканей.

Когда мы вошли в дом, смотритель музея, невысокий пожилой человек с седой ершистой головой, рассказывал школьникам подробности жизни и творчества Бернса. Мы обождали, пока он закончит рассказ, а затем подошли и представились.

И без того симпатичное и доброе лицо смотрителя музея словно осветилось радостью. Он назвал свое имя:

— Томас Мак Мини,— и сразу направился к большому желтому шкафу, где рядами стояли книги поэта — 1 400 томов различных изданий.

Первая книга, которую он нам показал, была книга стихов Бернса в переводах С. Я. Маршака со вступительной статьей знатока и исследователя английской и шотландской литературы М. М. Морозова. Не выпуская книгу из рук, Мак Мини нагнулся и достал вторую, стоявшую рядом с переводами С. Я. Маршака. Это была книга стихов Бернса в переводах на китайский язык.

Нас обступили школьники. Положив им руки на плечи, Томас Мак Мини начал читать стихи Бернса. Видимо, он их знал бесконечное количество. Особенно вдохновенно он прочел стихотворение, в котором Бернс говорит о братстве и дружбе народов. Находясь в Шотландии, мы уже слышали их много раз. Стихотворение это стало народной песней, и все шотландцы знают, что автор ее — Роберт Бернс.

Рядом с музеем расположен дом, в котором родился поэт. Интересна история дома. Построил его из глины своими руками отец Бернса. Это было еще то время, когда в числе всяческих налогов существовал налог на окна. Поэтому в домике было всего лишь одно узкое окно. Родители Бернса были бедными людьми. К дому прилегал небольшой участок земли в 4½ акра, ныне принадлежащий музею. Как известно, Роберт Бернс жил недолго. Умер он 37 лет. Отец его, переживший сына, продал дом за 150 фунтов стерлингов. Рядом проходила дорога, и человек, купивший дом Бернса, устроил в нем трактир. Только через сто лет после смерти поэта члены общества любителей Бернса, собрав путем пожертвований деньги, уже за 4 тысячи фунтов стерлингов откупили дом обратно, восстановили в нем все, как было при жизни поэта, и открыли здесь музей.

Сейчас дом стараниями Томаса Мак Мини и любителей поэзии Бернса содержится в порядке и чистоте, и каждый, кто побывает в нем, может увидеть обстановку, в которой поэт провел свои детские годы и начал писать стихи.

Первое помещение, куда вы попадаете со двора,— это кладовая для продуктов. Сейчас она пуста. Рядом с ней хлев. Впрочем, помещение это маленькое, видно, что скота у старого Бернса было немного.

Дальше идут две комнаты с крохотными, подслеповатыми окнами. Здесь родился на крестьянской постели Бернс. Все здесь сурово и бедно. Под ногами — стершиеся, неправильной формы каменные плиты, очаг, на котором мать Бернса готовила еду, несколько вещей, принадлежавших семье поэта...

На небольшом столике — раскрытая книга. В ней много тысяч подписей. Каждый, кто посетил дом Бернса, если хочет, оставляет свою запись. Записываем и мы свои впечатления на русском и английском языках, говоря о той большой популярности, какую имеют стихи Роберта Бернса на нашей советской Родине.

...На улице солнечно и весело. Томас Мак Мини снова читает стихи Бернса, а затем спрашивает нас:

— Может быть, разрешите подарить вам на память какую-либо из вещей отца Бернса?

Мы понимаем, как дороги бывают реликвии, и говорим, что не надо этого делать. Тогда смотритель музея отходит от нас к дереву, напоминающему нашу северную пихту, только не с таким серебристо-синим оттенком, а зеленую. Он срезает небольшую ветку и возвращается к нам:

— Прошу передать мистеру Маршаку ветку дерева, посаженного отцом Роберта Бернса.

Солнце уже катится на закат. Мы прощаемся с гостеприимным Томасом Мак Мини. Он говорит нам:

— Ваше посещение принесло всем нам большую радость.

Смотритель музея провожает нас до ворот.

Незаметно деревня Аллоуэй переходит в город Эр. На улице много гуляющих. И снова мы видим кучки американских летчиков, идущих по неширокому тротуару. Их стало значительно больше. Летний день закончился. Чувство обиды за родные места славного Бернса наполняет сердце. Что нужно им здесь, в этих святых и дорогих для каждого шотландца местах?

...Машина мчится среди зеленых полей. Исчезает за холмами залив Фёрт оф Клайд. Розовые краски заката окрашивают сейчас спокойное небо.

Впереди возникает город Глазго, в котором нам предстоит провести два дня, чтобы затем снова вернуться к берегам Северного моря, в рыбачий город Фрезербург.

(Продолжение следует.)

МОГУЧИЙ МАГНИТ

«Англия оказалась особенно восприимчивой к его обаянию».

Британская энциклопедия о Чехове.

Джон Голсуорси в 1928 году писал в одном из своих литературно-критических этюдов: «В течение последних двадцати лет самым могучим магнитом для молодых писателей многих стран был Чехов... Великая победа Чехова заключается в том, что он сумел сделать спокойствие волнующим, как волнует прерия или пустыня всякого, кто впервые встречается с ними. Как он этого добился — это его секрет, прямо говоря, не всем доступный».

Как справедливо замечает Голсуорси, для множества западноевропейских писателей, восхищавшихся Чеховым, оказалось, однако, непосильным следовать по его пути, и их попытки овладеть мнимой «легкостью» его творческого метода кончались крахом: «Некоторым писателям кажется, что достаточно лишь старательно запечатлеть на бумаге повседневное течение событий и чувств и они напишут такие же чудесные рассказы, как Чехов! Увы! Этого недостаточно...» Беда этих писателей, по мнению Голсуорси, заключается в том, что, стремясь лишь к точной передаче мимолетных, случайных впечатлений, они скользят по поверхности и, оторванные от жизни, не могут подняться до больших художественных обобщений, свойственных искусству Чехова. Источником силы Чехова Голсуорси считал его глубокую всестороннюю связь с народной, национальной жизнью своей страны, его превосходное знание «ума, сердца, характера русского человека».

Плодотворно использовать художественные открытия Чехова смогли лишь те передовые писатели, которые видели в нем реалиста, художника народной жизни. Не случайно в качестве такого положительного примера Голсуорси называет имя Кэтрин Мэнсфильд, талантливой англо-австралийской писательницы. В лучших из ее психологических новелл, проникнутых мягким юмором, отчетливо звучит тема моральной красоты «простого» человека, ущемленного в своем достоинстве классовым обществом. Преклоняясь перед Чеховым, Кэтрин Мэнсфильд сравнивает его с Гомером, выразившим в своих поэмах дух греческого народа. «Я перечла «Степь»,— пишет она.— Что можно сказать о ней? Это просто одна из самых великих повестей в мире,— своего рода «Илиада» или «Одиссея». Мне кажется, что я запомню это путешествие наизусть. Есть вещи, о которых говоришь: они бессмертны...»

Русской литературе и одному из ее корифеев, Чехову, многим обязан и Бернард Шоу. Говоря об «Иванове», «Дяде Ване», «Чайке», «Вишневом саде», Бернард Шоу замечал: «Эти глубоко русские пьесы изображали то, что было во всех усадьбах Европы...»

В 1944 году Шоу писал: «В плеяде великих европейских драматургов — преемников Ибсена — Чехов сияет как звезда первой величины даже рядом с Толстым и Тургеневым. Уже в пору творческой зрелости я был очарован его драматургическими вариантами темы никчемности культурных бездельников, не занимающихся созидательным трудом. Под влиянием Чехова я написал пьесу на ту же тему и назвал ее «Дом, где разбиваются сердца» — «фантазия в русском стиле на английские темы».

В этой пьесе, написанной в 1917 году, Шоу не только учился у Чехова изображать «культурных бездельников», представителей разложившейся, далекой от народа европейской буржуазной интеллигенции кануна первой мировой войны, но и, подобно Чехову, предугадывал неизбежность великих перемен, которые должны изменить судьбы народов.

«Это не самая худшая из моих пьес,— говорит Шоу,— и, надеюсь, она будет принята моими русскими друзьями, как знак безусловно искреннего преклонения перед одним из величайших среди их великих поэтов-драматургов».

М. ЧЕРНЕВИЧ

СЕРДЦЕ НАРОДНОЙ ПОЛЬ

Габриэл Морай, Элигиуш и Бугумил Серафимы обсуждают маршрут по Варшаве. Внизу проходит трасса Восток — Запад.

Г. БОРОВИК и М. САВИН

Специальные корреспонденты «Огонька»

Развалины Варшавы после войны.

В Старом городе. Все здесь заботливо восстановлено в том виде, как было несколько веков назад.

Мы приехали в Варшаву в будний день. Правда, ощущалось уже приближение национального праздника: страна готовилась в десятый раз встретить День возрождения Польши, день создания первого в истории страны народного правительства. Но вокруг нас была повседневная, будничная жизнь большого города, насыщенная такой напряженной энергией восстановления, строительства, созидания, что сами будни эти были очень похожи на какой-то праздник творческого труда.

Нам говорили: если в варшавском трамвае едут три десятка пассажиров, знайте, среди них пятеро строителей. Если в очереди за билетами на спектакль в варшавской опере стоят двести человек, можете наверняка утверждать, что каменщиков, архитекторов, штукатуров, экскаваторщиков, прорабов, техников здесь по крайней мере тридцать. Каждый шестой взрослый житель Варшавы — строитель, так говорит статистика. На самом же деле людей, строящих столицу Польской Народной Республики, гораздо больше...

Случилось так, что у нас оказалось сразу три провожатых. Мы встретились с ними на улице Краковское Предместье. Трое молодых людей сидели у гранитной стены палисадника и делали зарисовки в альбомы. Габриэл, Элигиуш и Бугумил — студенты, все трое учатся в Академии искусств, живут вместе в комнате студенческого общежития, и все трое влюблены в милую свою Варшаву.

— Вы первый день в городе? — воскликнули трое друзей, выслушав нас.— Хотите, мы вас поведем по Варшаве?

Тут же состоялось короткое, но горячее совещание. Два брата, скульпторы Элигиуш и Бугумил, доказывали, что город надо начинать смотреть с Маршалковского жилого района. Во-первых, потому, что он совсем еще молодой; во-вторых, потому, что он еще строится; в-третьих, это совершенно новый тип строительства для Варшавы — просторные площади, широкие, прямые улицы. Габриэл не менее настойчиво возражал братьям: новых строящихся районов в Варшаве двадцать два — все не пересмотришь, а начинать надо со Старого мяста: это район, единственный в своем роде. Тем более, что по пути можно увидеть и Мариенштат и трассу Восток — Запад. На том и согласились.

Мы проезжаем через Мариенштат — один из первых жилых районов, построенных в Варшаве после войны. Он вырос на месте узких и грязных торговых рядов. Рядом с Мариенштатом пролегает великолепная, созданная по последнему слову дорожной техники трасса Восток — Запад, соединяющая западную и восточную окраины столицы. Выше, на горе, стоят развалины королевского замка — он будет восстановлен в ближайшие годы,— за ним уже поднявшийся из руин древний собор. Мы в Старом городе.

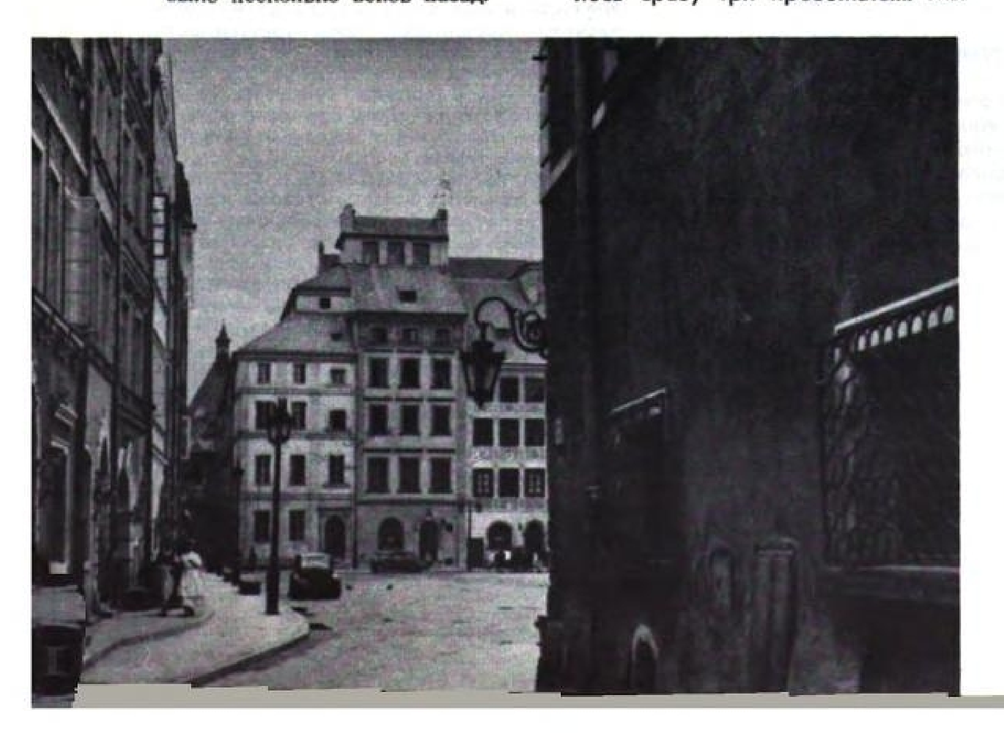
Понятия «новый» и «старый» прихотливо переплетаются здесь. В Старом мясте можно услышать выражение: «Это совсем новый старый дом»; иногда вам скажут: «Эта крепость, построенная в шестнадцатом веке, будет сдана в эксплуатацию нынешним летом».

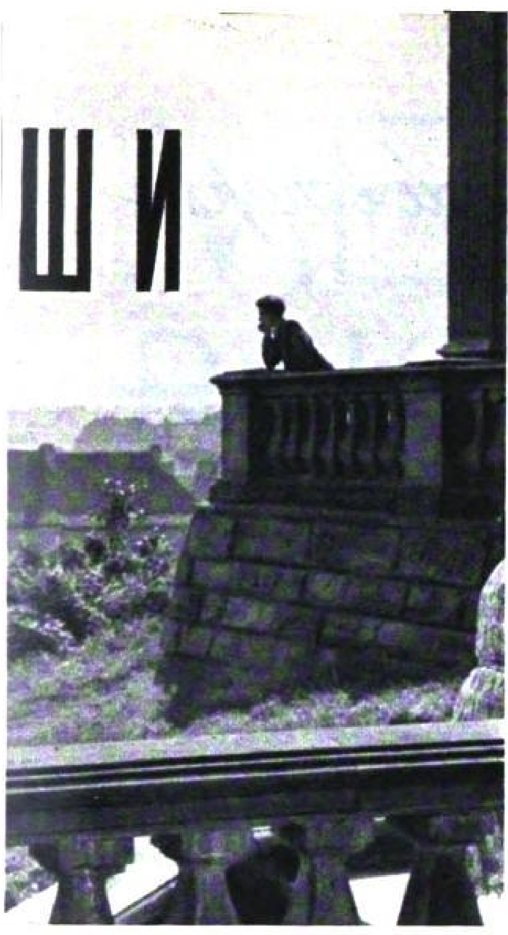
Первое впечатление, которое вы испытываете, попадая в Старо място,— это впечатление нереальности. Будто на машине времени вы сделали остановку в XV веке или попали в кинопавильон, где снимается фильм из средневековой жизни. Хочется потрогать руками эти древние стены, чугунные решетки на окнах, массивные железные двери с висячими кольцами-колотушками. Признаться, мы и делали это украдкой, а наши вежливые спутники старались скрыть понимающую улыбку.

Старо място — древний центр Варшавы, застроенный в XIV—XVI веках. Все было здесь до основания разрушено гитлеровца-

Историю старой Варшавы можно изучать прямо из окна квартиры Бронислава Тыбурского.

ми при отступлении и по решению правительства народной Польши за два года восстановлено с величайшей тщательностью.

Строители Старого мяста бережно собирали старинные рисунки, планы узеньких улочек, тесно прижавшихся друг к другу домов, чтобы каждую ступеньку на крыльце, каждый дворик, каждый фонарь над дверью восстановить в том виде, как все это выглядело несколько веков назад. Часть документации была спрятана от оккупантов работниками варшавских музеев в бездействующей водосточной трубе за городом; отсыревшие, полусгнившие тексты, чертежи, схемы восстанавливались потом в специальных лабораториях. Лучшие, опытнейшие строители с охотой пошли работать на Старо място. В Варшаве шутят: теперь их самих неплохо бы поместить в музей — это будут живые экспонаты средневековых зодчих.

Ровно год назад, 22 июля, в девятую годовщину Дня возрождения Польши, окончилось строительство центральной части Старого города. И в тот же день в средневековые дома, возрожденные в своей неприкосновенной архитектурной чистоте, въехали жильцы — лучшие рабочие, участвовавшие в строительстве, ученые, инженеры, деятели искусства. Въехали в прекрасные квартиры, оборудованные по последнему слову современной коммунальной техники.

В одной из квартир живет рабочий Бронислав Тыбурский. Его дети, Лешек и Витольд, прямо из окна изучают историю Варшавы. Что не поймут, объяснит отец. А отец может многое рассказать — не только то, что знает из истории прошлых веков. Может он припомнить, как батрачил до войны у кулака в Серпцком уезде за 130 злотых в год, как ходил голый, босой и не мечтал даже выбиться в люди. Гитлеровцы угнали его в Германию на работы, не чаял уж и выжить, но, как только вернулся на родину, пошел строить Варшаву. На Мариенштате он встретил впервые Михаля Краевского, и тот перевернул все прежние его взгляды на труд и на цель самой жизни.

Путь Михаля Краевского, простого каменщика, известен не только всем в Польше, но и далеко за ее рубежами. Сейчас он уполномоченный министра промышленного строительства по распространению на стройках новых методов труда.

Краевский взял себе в помощники Бронислава Тыбурского и еще одного каменщика, когда готовился впервые уложить несколько тысяч кирпичей в смену. Бронислав долго не соглашался: робел перед товарищами, которые считали это пустой затеей. Потом засучил рукава и взялся. Через короткое время методом Краевского, которому он научился у советского каменщика Максименко, работало большинство каменщиков участка. Это было в 1948 году, и именно с Мариенштата началось в стране движение строителей — передовиков производства... Вот с кем работал Бронислав Тыбурский, вот о каком человеке может он рассказать своим детям!

Мы встречались в Варшаве с самим Михалем Краевским, одним из тех граждан страны, кто удостоен высшей награды республики — ордена «Строителя Народной Польши».

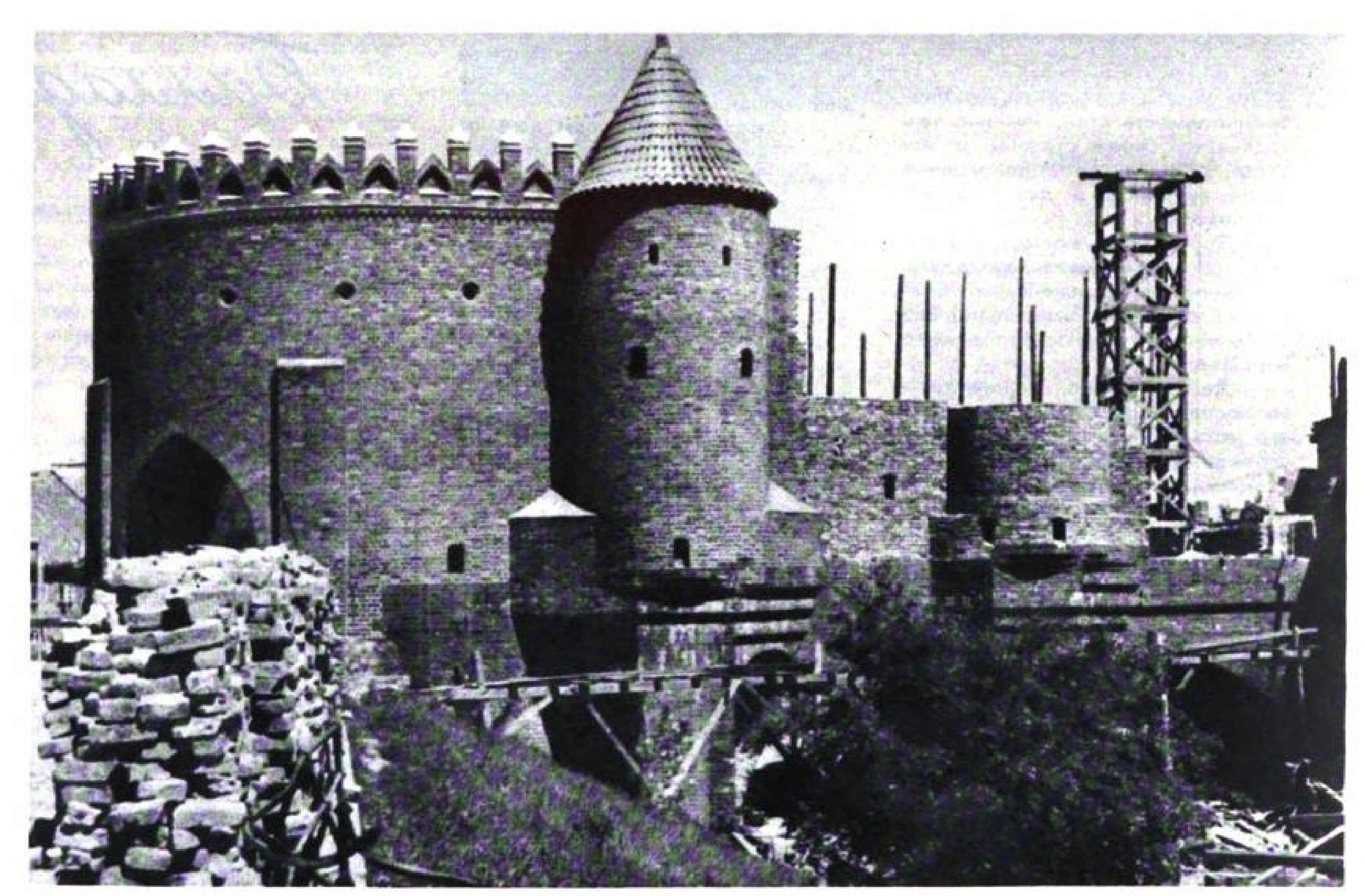
— Что ж Краевский? — говорил он нам.— Время пришло — вот он и появился. Не я, так другой нашелся бы. Значение этого дела не только в том, что каменщик стал в десять раз больше кирпичей за смену класть и больше зарабатывать. Главное — тот же Тыбурский и тысячи других себя новыми людьми почувствовали. С ними теперь можно горы сворачивать!

Разговор происходил на одной из строек жилого района Охота.

— Видите, — сказал Краевский,— куда ни глянешь,— дом!.. Я еще могу понять, как дома быстро строятся,— смеясь, продолжал он,— но объясните мне, когда здесь деревья успевают вырасти! Или у них тоже свои скоростные методы роста?..

Зелени в Варшаве действительно много, гораздо больше, чем до войны. Деревья высаживаются одновременно с возведением стен. Прибавьте к зеленым шпалерам по бокам улиц увитые диким виноградом фасады домов, цветы на окнах, на тележках бесчисленных цветочниц, несколько прекрасных парков, из которых один создан молодежью на берегу Вислы,— и перед вами встанет облик зеленой Варшавы.

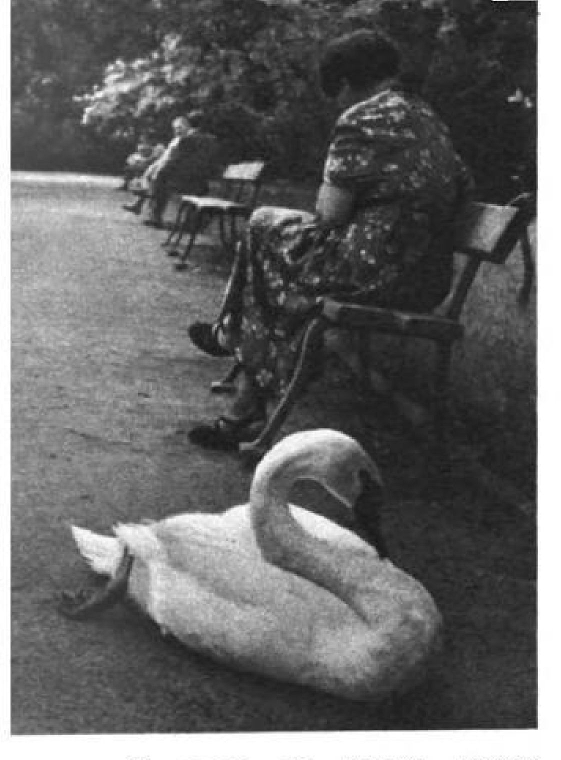
Трое наших провожатых очень напоминали радушных хозяев, показывающих новую, блещущую чистотой и уютом квартиру. Такие хозяева водят вас по комнатам, предлагают открывать краны на кухне, любоваться чудесным видом из окна, даже покричать не-

Старинная крепость Барбакан «сдается в эксплуатацию» к 22 июля, празднику возрождения Польши.

Михаля Краевского (в центре) мы встретили на строительстве одного из домов в районе Охота.

В одном из лучших парков Варшавы — Лазенках.

много, чтобы проверить звуконепроницаемость стен. Именно так, хозяевами своей древней и молодой столицы, выглядели начинающий художник и два будущих скульптора.

— Посмотрите, посмотрите, какой вид! — перебивая друг друга, говорили темпераментные братья.— Снимайте обязательно! Без этого нельзя делать репортаж о Варшаве.

— Действительно, снимите,— соглашался тихо Габриэл.— Ведь и это новый жилой район. Его построили на месте бывшего гетто...

Молодые люди водили нас по магазинам, чтобы показать, что полки полны товаров, а магазины — покупателей; тянули на базар, где крестьянки в кокетливо надетых на головы кульках из газет весело кричали около заваленных снедью прилавков, совсем как где-нибудь под Полтавой:

— Цыбуля! Цыбу-уля!

— Капуста, салата!

— Огурки, огурки! Огуре-ечки! Ой, ладне огуречки!

Мы побывали все вместе и на другом базаре — книжном, где было не меньше шума и очень много народа.

Кстати, о шуме. Мы долго не могли понять, какого звука не хватает оживленным варшавским улицам. И только через несколько дней догадались: автомобильных гудков. В Варшаве запрещены автомобильные сигналы. Мы интересовались, не отражается ли это на количестве несчастных случаев. Оказалось, отражается: их стало гораздо меньше, шоферы ездят осторожнее. За годы войны пассажирский транспорт Варшавы был уничтожен почти полностью. Сейчас трамваев и автобусов в Варшаве столько же, сколько до войны: 900. И хотя население столицы составляет три четверти довоенного, за год перевозится в два раза больше пассажиров.

Как и в каждом бурно растущем городе, где не по дням, а по часам строятся новые жилые районы, возводятся стены крупнейших промышленных предприятий, средств передвижения пока еще не хватает; особенно это заметно в часы пик. Но в ближайшие годы трамваи, автобусы, троллейбусы свяжут между собой все уголки польской столицы.

В Варшаве, в самом центре, существует единственное в своем роде учреждение: дом отдыха... для тех, кто приезжает из сельских районов, с морского побережья, с гор, чтобы провести несколько дней в столице. В этом доме отдыха сразу попадаешь в атмосферу санаторной тишины, уюта, внимательного обслуживания. Даже не верится, что за окнами течет жизнь огромного города. Дом отдыха недавно отмечал своеобразный юбилей — в нем побывала сотая партия приезжих.

Шахтер из Домбровского угольного бассейна Зигмунт Маслянка только что кончил бриться, когда мы вошли к нему в комнату; вместе со 101-й группой он приехал прошлой ночью.

— У меня наказ от земляков,— говорит он,— хорошенько осмотреть столицу.

Маслянка собирается привезти домой полный «отчет» о том, как используется «Общественный фонд строительства столицы». Этот фонд составляется из добровольных взносов трудящихся людей всей Польши и достиг уже 800 миллионов злотых.

— Строители Варшавы выдают нам «квитанции»,— пошутил Маслянка, но не разъяснил, о чем идет речь.

Объяснение мы получили от главного архитектора города Юзефа Сигалина:

— Вы спрашиваете, что это за «квитанции»? Вот они: мост Понятовского, построенный на средства фонда, восстановленные Новый Свят, Краковское предместье, здания Политехнического института, Академии наук и многие другие сооружения.

Не только в этом выражается участие народа в строительстве столицы,— продолжал Сигалин.— Каждый крупный архитектурный проект обязательно проходит публичное обсуждение. В феврале этого года, например, обсуждались проекты застройки центра города, где возвышается Дворец культуры и науки. Пришлось архитекторам выслушать немало справедливых замечаний: слишком уж некоторые архитекторы увлекаются декоративностью, иногда колонн понаставят такое количество, что влюбленным нельзя свидание назначить: обязательно друг друга потеряют... Множество дельных предложений вносилось на таких совещаниях о планировке улиц и площадей, о городском транспорте, озеленении. Не мы одни, архитекторы, строим Варшаву!

* * *

На фронтоне одного из зданий на улице Новый Свят высечена надпись: «Весь народ строит свою столицу». Строители Варшавы — это наши молодые друзья-студенты, до глубокой ночи водившие нас по любимому городу, это шахтер Маслянка, Михаль Краевский, и девушки из Ольштынека, приехавшие посмотреть на любимую Варшаву, и десятки других людей, с которыми мы встречались позже и о которых нет возможности рассказать, как невозможно передать в репортаже все величие той созидательной работы, которая подняла Варшаву из пепла и сделала ее другой, столицей новой Польши, строящей социализм. Свою прекрасную столицу строят 26 миллионов поляков, хозяев народной Польши. Строят прочно и навеки, как навеки создают они счастливую жизнь в своей отчизне.

Варшавский вечер

Тадеуш КУБЯК

Есть вечер и такой в Варшаве,
когда ложится тень густая,
уходишь с книжного базара,
стихи Мицкевича читая.

Идешь, а с вербы лист слетает
на строфы милой польской речи,
на стих, что льется, словно Висла
в певучей зелени надречной.

Я этот вечер помнить буду,
а тишины не дам развеять.
За то, чтоб я бродил над Вислой,
брат жизнью заплатил своею.

Река течет и омывает
мой добрый город—город новый,
И юноша твердит любимой:
«Прекрасна жизнь,
борьба сурова...

Но наша жизнь сильнее смерти...»
Кто подсказал мне правду эту!
Есть вечер и такой в Варшаве —
как стих великого поэта.

Перевел с польского
Валериан АРЦИМОВИЧ.

Баллада о венке

Аркадий КУЛЕШОВ

Где голубеет Свитязь,
сто зим назад, сто лет
Там девушку всем сердцем
любил бедняк-поэт.

Любил... Но обручили
желанную с другим.
Ей суждено венчаться
с богатым, а не с ним.

И другу на прощанье
она венок сплела.
Она в венчальном платье
на встречу с ним пришла.

Промолвил он, на память
беря венок простой:
— Я навсегда, Марыля,
с минуты этой твой!
Я б дал тебе колечко,
да, знать не суждено:
Постылый перстень графа
ты носишь уж давно.
На росстанях, Марыля,
даю тебе зарок,
Что для тебя, родная,
сплету я свой венок.

Вздыхая, на Марылю
глядел печально он,
Пока не докатился
протяжный дальний звон.
— Прощай!.. — она сказала.—
Разлуки час пришел...
Его ждала кручина,
любимую — костел.
Она на звон костельный
бежала вся в слезах,
Он в пыль упал, несчастный,
с ее венком в руках.
Когда же встал, был черен
в тот миг, как туча, он,
Как лес, что весь пожаром
безжалостно сожжен.

С тех пор любви на свете
он больше не искал.
Он правде отдал сердце,
певцом свободы стал.

Он долго жил в изгнанье,
но вел борьбу и там,
Чтобы любовь и счастье
достались беднякам.

Он умер на чужбине,
недугом изнурен,
И вспомнил перед смертью
свою Марылю он:

— Марыля! С дней прощанья
тебя не видел я.
Ты от меня далеко,
любимая моя.

Но в жизни ты со мною
всегда, везде была.
Я плыл бурливым морем,
и ты со мной плыла.

И вот я умираю
вдали, в стране чужой.
К тебе я обращаюсь —
ты и теперь со мной.
Где б ни был я, повсюду
я помню свой зарок.
Обещанный когда-то
я сплел тебе венок.

Я сплел его в изгнанье,
немеркнущий, живой,
А в нем цветы и травы
моей земли родной.
Я рвал цветы из сердца,
а не с лугов и нив,
Как чистою росою,
слезой своей омыв.
Я поясом туманов
перевязал венок
И лентой бесконечной
исхоженных дорог.
Венок мой — это радость
и боль души моей,
Любовь, на бой, на подвиг
зовущая людей.

...Издалека прощальный
послал он ей привет.
И с той поры печальной
прошли десятки лет.
Живет сегодня вольно
и радостно народ.
Давно забыл он графа
и жалкий графский род.
Но нет, не забывает
народ о ней, о нем.
Он песнею венчает
влюбленных, как венком.
Венчает не в костеле,
не перед алтарем,
А на лесном ночлеге
да в поле за рулем.

Там, где синеет Свитязь,
в народной песне вновь
Живет поэта имя,
живет его любовь.

Перевел с белорусского
Яков ХЕЛЕМСКИЙ.

МЕСТО В ЖИЗНИ

Большой разговор продолжается на набережной.

Его тонкий голос взволнованно оборвался.

— А если по конкурсу не пройдем?..

— Тогда и думать будем.

— Нет, Виктор, я так не согласен...

Они шагают по школьному коридору, в котором им знакома каждая половица. Сегодня сдан еще один выпускной экзамен. Это значит, что споры о будущем вспыхнут с новой силой: какой дорогой идти дальше? Поступать в вуз или сразу на третий курс техникума? А может быть, на завод или в МТС? Были и компромиссные предложения: «Не попаду в университет, тогда — на завод».

Споры начались еще зимой, когда ребята побывали у шефов — на Ленинградском металлическом заводе имени Сталина. То был своеобразный «день открытых дверей» и интересных открытий. Школьники стояли под высокими сводами гидротурбинного корпуса, и им трудно было как-то сразу воспринять, что именно здесь, в этом оглушающем грохоте станков-гигантов, среди лязга, звонков кранов, проплывающих под крышей, на огромных разметочных плитах, у сборочных стендов и рождаются могучие турбины для той самой Куйбышевской ГЭС, о которой столько было говорено на уроках.

Инженер, знакомивший их с новейшим оборудованием цехов, многозначительно посмотрев на юных гостей, сказал им:

— Сейчас очень требовательная техника пошла: подай ей рабочих с образованием в десять классов. На меньшее она не согласна.

— А мы тоже не согласны,— подал реплику кто-то из ребят, стоявших в заднем ряду, и вполголоса добавил: — Неужели надо десять классов кончать, чтобы потом у станка работать?..

Неизвестно, услышал ли инженер эти с раздражением оброненные слова, но он спокойно продолжал свою мысль:

— Наш завод, вся советская промышленность сейчас требуют много рабочих наивысших квалификаций, рабочих с полным средним образованием. Кстати, у нас работают и весьма преуспевают товарищи, поступившие на производство после десяти классов...

— А много их?

Инженер не ответил. Но от ребят не скрылось его замешательство, а на лице «несогласного» парнишки, что стоял сзади всех, появилась улыбка.

По дороге домой юноши продолжали дискуссию: стоит ли идти после окончания школы в цех? Спор этот, то утихая, то разгораясь с новой силой, не прекращался. Один даже попытался, так сказать, на «государственную вышку» взобраться: «Нерационально получается. Денег сколько на тебя истратили, а ты простым рабочим будешь». Другой ему отвечал: «В том-то и дело, что не простым, а высококвалифицированным. Поставят тебя у машины, где без знания физики и математики — ни туды и ни сюды. Потом, кто тебе мешает учиться заочно на вечернем отделении?»

О спорах этих узнали шефы. Заводской комитет комсомола решил помочь выпускникам. Пусть побеседуют с теми, кто, получив аттестат зрелости, показал, что в их жизни действительно наступила пора зрелости.

И вот они сидят рядом, молодые рабочие завода имени Сталина, год — два — три назад пришедшие сюда после десятилетки, и выпускники подшефной 139-й средней школы. Олег Степанов и Виктор Кострыкин, Владимир Николаев и Геннадий Савельев с интересом слушают один из самых необычных уроков — урок жизни. И перед ними раскрываются по-разному сложившиеся судьбы молодых людей. Вот одна из них.

Иногда по старой памяти Михаил Перлов просит своего бывшего учителя Екатерину Зайчикову: — Проверьте мою работу.

...Два года назад в Холм-Жирковской средней школе Смоленской области вручили аттестат зрелости Михаилу Перлову, вихрастому, низкорослому парнишке. В тот же день дома «держали совет» — оставаться ли Михаилу здесь, в деревне Иваники, или податься в город? Мать, Прасковья Изотовна, колхозница, не прочь была бы удержать сына дома («пусть по агрономической части двигается»), что же касается отца, учителя сельской школы, то он, заняв вначале позицию «доброжелательного нейтралитета», вскоре решительно поддержал Михаила.

— Раз тянет к технике и хочешь в институте учиться, езжай...

Куда поехать? По книгам, картинам, рассказам Михаилу полюбился Ленинград.

С вокзала он отправился за Нарвскую заставу разыскивать заранее выбранный институт — Технологический имени Молотова. Но случилось так, что Михаил очутился совсем в другом районе. На глаза попалась вывеска — Институт авиационного приборостроения. Зашел, поговорил, тут же подал заявление, сдал документы и, получив место в общежитии, вышел на улицу. Юноша гулял по Невскому, по набережным, вспоминая пушкинские стихи. Будущее рисовалось ему в самом розовом свете.

Но скоро появились первые «тучи»: оказалось, что в Институте авиационного приборостроения на одно место очень много претендентов. Предстоял большой конкурс. Перлов забрал свои документы и вновь отправился разыскивать Технологический институт. Нашел. Подал заявление. Снова получил место в общежитии. Стал готовиться к экзаменам. Устроился на временную работу. Днем работал, вечером занимался и, что греха таить (сейчас он рассказывает об этом с юмором), занимался не очень усердно: надеялся на школьные знания. Случилось то, чего следовало ожидать: Михаил Перлов не прошел по конкурсу.

Юноша стойко встретил эту неудачу. Он не растерялся, хотя оказался в большом незнакомом городе один, без родных и друзей. Комсомолец Перлов пошел в Кировский райком комсомола — просить совета, а если можно, и помощи. Совет одновременно оказался и прекрасной помощью: разве все дороги в большую жизнь проходят только через институтские аудитории?..

И он решил домой не возвращаться, поступить на завод и, если можно, учиться заочно!

Кто-то сказал Михаилу, что на Металлическом заводе имени Сталина много рабочих занимаются на вечернем отделении Политехнического института. Это и определило выбор места работы.

— Побывайте в цехах,— сказали Михаилу в отделе кадров.— Посмотрите, куда вас потянет.

Его потянуло к инструментальщикам. Тихон Кузьмич Сениченко, начальник инструментального цеха, участливо выслушал юношу и тут же предложил:

— Хотите быть разметчиком?

— А что он делает?

Табельщица Валя проводила в цех. Остановились у разметочной плиты, за которой сидела Екатерина Зайчикова. Познакомились. Оказывается, чертеж можно выполнять не только на бумаге, но и на металле. Зайчикова размечала профильные резцы. Перед ней лежал чертеж, и она ловко наносила на металл какие-то замысловатые линии.

Провожая Перлова из цеха, начальник участка О. Г. Егоров пожимал его руку и приветливо говорил:

— Вот и поздравляю тебя с вступлением, так сказать, в рабочий класс.

Прошло еще несколько дней. Уже получен постоянный заводской пропуск. Завтра на работу!

Он встал чуть свет. Из-за горизонта, точно гигантские растопыренные пальцы, тянулись вверх по небу золотые полосы от лучей еще не взошедшего солнца. Началось первое утро трудовой жизни молодого советского рабочего.

Искусству разметки учила Михаила Екатерина Зайчикова, та самая Зайчикова, которая сейчас сидит за плитой с ним рядом и иногда в шутку говорит, что хоть для приличия ученик не так быстро должен перегонять учителя. Ей доставалось все это с гораздо большим трудом. Перлову же учиться легко: позади десять классов.

Через три месяца у Михаила уже принимали экзамен на четвертый разряд: надо было прочи-

тать сложный сборный чертеж скоростной фрезерной головки, показать, как перенести его на металл. Наступил день, когда ему поручили первую самостоятельную работу.

Вскоре секретарь заводского комитета комсомола Г. Беляев завел с ним разговор об учебе: «Учиться дальше собираешься? Готовься к экзаменам на вечернее отделение Политехнического института. Мы поддержим».

...С Михаилом Перловым школьники познакомились в ту пору, когда он сдавал экзамены за первый курс института. Тогда же он сдал и другой экзамен — квалификационная комиссия присвоила ему пятый разряд.

— Что намерен дальше делать? — интересуются гости.— Работу не собираешься бросать?

— Зачем же! Буду учиться в институте и добиваться шестого, седьмого разряда.

Кто-то из ребят не без лукавства заметил: «Наш брат если и идет на завод, то, вероятно, с одной только целью — легче в заочный институт поступить».

Так ли? Жизнь дает ответ и на этот вопрос.

Владимир Калешкин получил аттестат зрелости давно — в 1941 году. Ему не пришлось тогда раздумывать, что делать дальше. Началась война, и он отправился на фронт. В 1945-м демобилизовался и приехал к сестре в Ленинград с твердым намерением идти на завод, стать квалифицированным рабочим. Владимиру нравилась работа с деревом — запах тонкой стружки был ему по душе: «Будто ты в сосновом бору находишься». Так стал он учеником модельщика на заводе имени Сталина. У него был прекрасный учитель — опытный мастер Петр Алексеевич Грибков, более четверти века работающий в этом же цехе. Но Калешкину, как и Перлову, учиться было легко: среднее образование помогало. И он быстро поднимался по ступеням лестницы, ведущей к заветному седьмому разряду.

Калешкин — теперь бригадир, модельщик высокой квалификации, которому поручают изготовлять модели деталей и узлов для турбин Куйбышевской и Горьковской ГЭС. Если в цехе речь заходит о каком-нибудь особо ответственном задании, то уважительно говорят: «Владимиру Ивановичу под силу...»

Модельщик продолжает учиться: занимается на курсах, изучает литературу по своей специальности. Соответственно растут, конечно, и заработки. Завод дал ему квартиру, выделил участок в коллективном саду.

— Люблю я садоводством заниматься,— говорит Калешкин.— Приезжайте в гости: у меня в саду яблони, груши, вишни, смородина, земляника, малина, крыжовник. Мы в воскресенье всей семьей в саду работаем. В прошлом году первый урожай собрали.

Так разными дорогами, в разное время вступали в семью турбостроителей молодые люди с аттестатами зрелости. Анатолий Фонькин, только в прошлом году окончивший школу, и не собирался идти в вуз или техникум: дядя его Евгений Сергеевич Гришкин работает технологом на заводе имени Сталина и давно пробудил у Анатолия любовь к производству. Фонькин трудится там же, где Перлов, в инструментальном, фрезеровщиком. И так же, как Перлов, с помощью опытных мастеров быстро получил квалификацию. Недавно его перевели на универсальный станок. Это своего рода уникум. На нем одновременно можно выполнять несколько операций: расточку, сверление, фрезерование.

— Мне, как окончившему школу, конечно, легче, чем другим товарищам, работать на таком станке,— объясняет Анатолий.— И все же технической грамотности не хватает. Решил поступать в заводской техникум.

Уникальные станки! Все чаще и чаще появляются они на заводе. В гидротурбинном цехе стоит станок высотой почти в трехэтажное здание: на нем обрабатывают детали весом в 5 тонн. Все управление станком с его 24 электромоторами автоматизировано и ведется со специального пульта. Даже не с одного, а сразу с двух. И обслуживают эту махину два человека — высококвалифицированный рабочий и его подручный. Тут же универсальный копировально-фрезерный станок со сложнейшей электрической схемой, радиолампами, со специальными устройствами, контролирующими работу различных механизмов. Машины-уникумы встретишь и в других цехах. И все острее становится проблема кадров, которым можно доверить управление этими сложными машинами, проблема, волнующая сегодня директоров многих предприятий.

...И уже не страшны сложные задания, связанные с проектированием турбин для Куйбышевской ГЭС.

Как ее решить? Вместе со школьниками мы слушаем рассказ инженера Валентина Евгеньевича Земеринга из ремесленного училища металлистов № 3. Человек, много лет проработавший на заводе имени Сталина (кстати, он тоже пришел в цех тотчас же после школы), рассказывает ребятам о новых сложных станках и сообщает им:

— Наше училище получило от завода задание: из числа окончивших десятые классы подготовить рабочих высшей квалификации, способных работать на уникальных станках. Как вы думаете: найдутся желающие?

— Конечно, найдутся,— отвечает сразу несколько юных слушателей.

Для них сегодня приоткрывается краешек завесы над их будущим. Вот комсомолка Маргарита Крылова смущенно рассказывает, что переживала она, когда не попала в институт, и как ее отчитывала знакомая — Надежда Павловна Никольская, работающая в конструкторском бюро завода имени Сталина:

— Вы нюни, пожалуйста, не распускайте. Завтра же приезжайте на завод. Познакомлю с главным конструктором бюро водяных турбин Николаем Николаевичем Ковалевым. Я уже рекомендовала вас: сказала, что неплохо чертите и рисуете. Если согласитесь взять чертежницей, считайте себя счастливой.

Да, она действительно счастлива! Маргарита трудится в конструкторском бюро, и все здесь ей любо: работа, коллектив, в котором много молодежи,— и уже не страшны сложные задания, связанные с проектированием турбин для Куйбышевской ГЭС. Вместе с тем можно продолжать учебу: Крылова — студентка II курса вечернего отделения Политехнического института.

...Сыплются вопросы школьников. Живо комментируется ход беседы.

Эдгар Никишов, например, считает, что «товарищи действовали правильно. Я, если не попаду в университет, тоже на завод поступлю. Мало ли в Ленинграде предприятий, где есть вечерние отделения вузов!»

Иные уже и завод выбрали. Володя Воробьев говорит: «Я на судостроительный пойду. А учиться дальше можно и в заочном институте». Но вот, кажется, все, что надо было сказать, сказано, на все вопросы, которые могли возникнуть, отвечено. Молодежь покидает комитет комсомола и выходит на набережную. Дует теплый ветер. Охваченные раздумьем, идут они по Выборгской стороне, где росли, учились, где находится их отчий дом. Большой разговор продолжается. Не все еще приняли окончательное решение. Но когда фрезеровщик Анатолий Фонькин прощается с выпускниками, он уверенно говорит им:

— До скорого свидания, товарищи!

Л. ЛЕРОВ,
К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Н. АНАНЬЕВА.

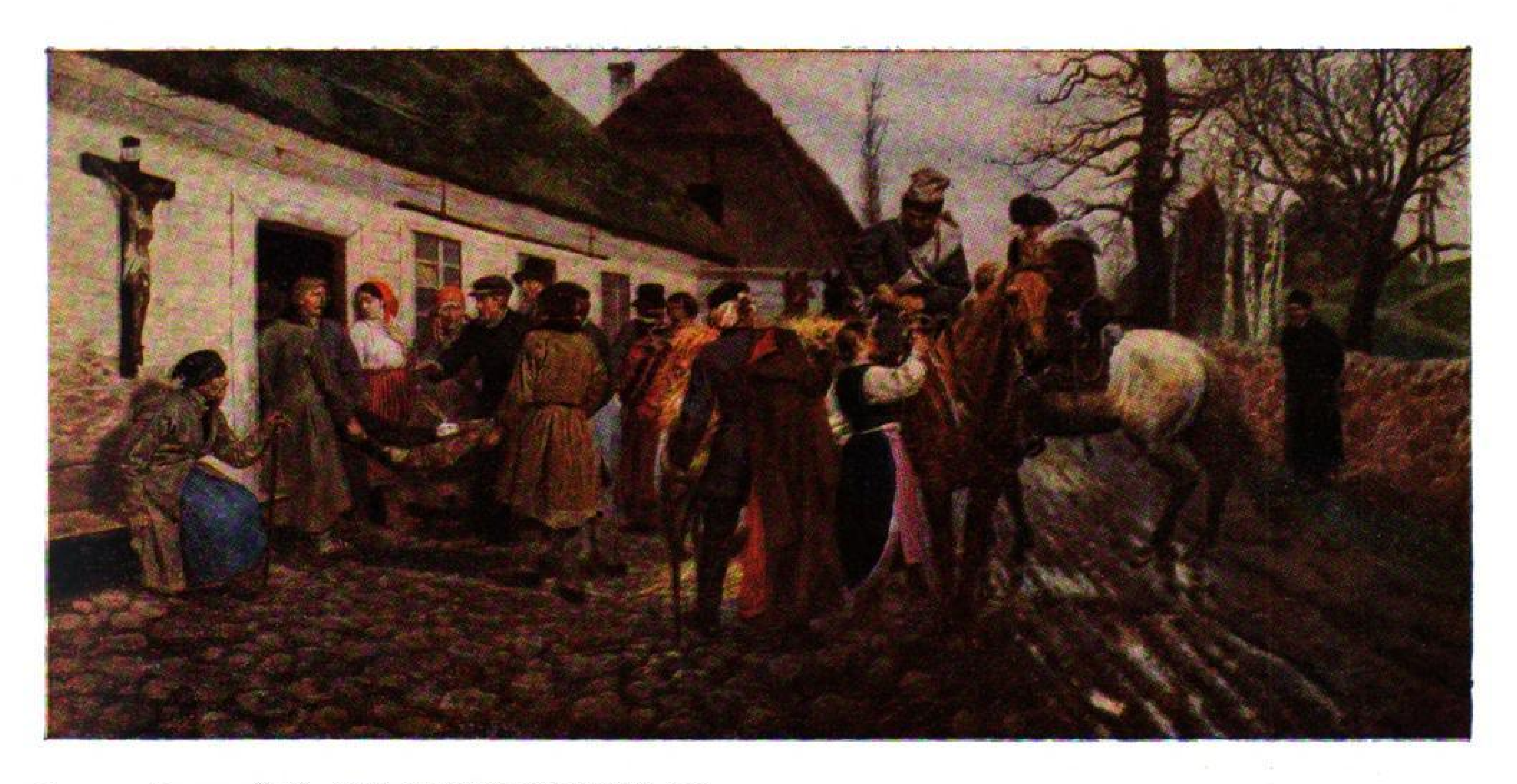

— До скорого свидания, товарищи! — уверенно говорит Анатолий Фонькин.

Ян Матейко (1838—1893). ПРИГОВОР МАТЕЙКЕ. 1867 год.

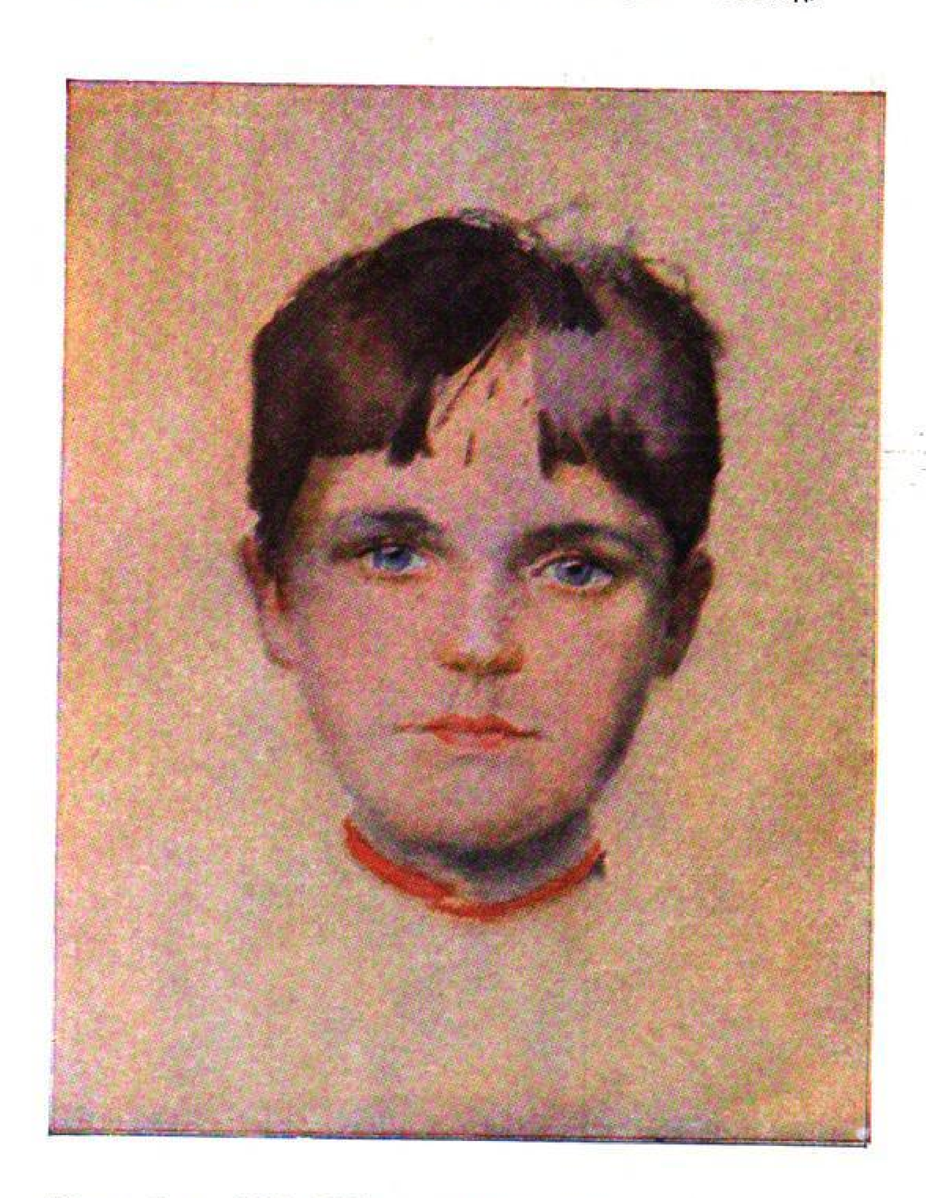
ПОЛЬСКОЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

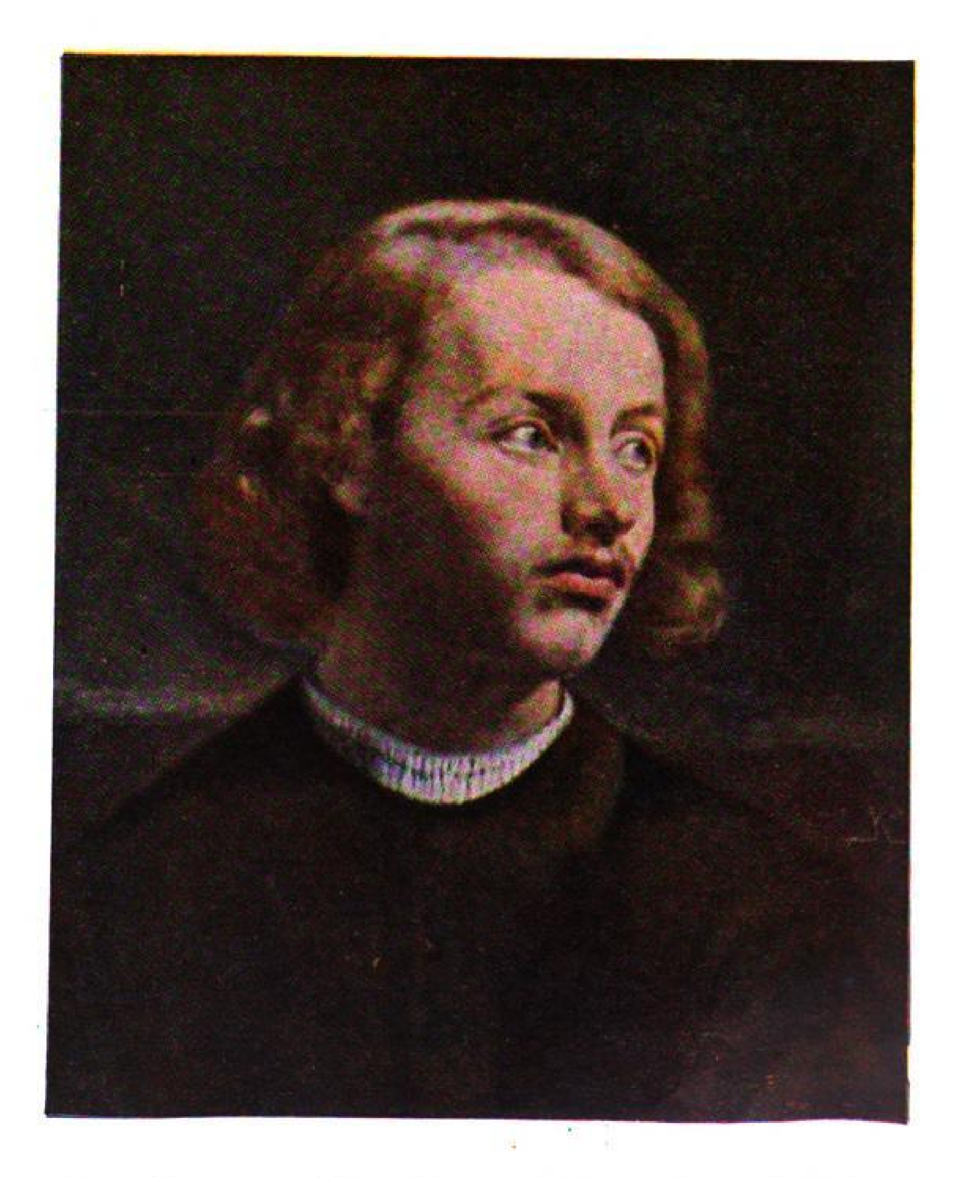
Станислав Виткевич (1851—1915). РАНЕНЫЙ ПОВСТАНЕЦ. 1881 год.

Вацлав Конюшко (1854—1900). ЧТЕНИЕ ГАЗЕТЫ В РЕМЕСЛЕННОЙ МАСТЕРСКОЙ. 1881 год.

Александр Котсис (1836—1877). ДЕРЕВЕНСКИЙ ДВОР. 1873 год.

Юлиан Фалат (1853—1929). ГОЛОВКА МАЛЬЧИКА. 1893 год.

Леон Каплинский (1826—1873). ПОРТРЕТ СЕВЕРИНА МАРКЕВИЧА, УЧАСТНИКА ВОССТАНИЯ 1863 ГОДА.

Антоний Пиотровский (1853—1924). ШЕСТВИЕ НОВОБРАНЦЕВ. 1877 год.

Картины польских художников

«...Матейко имел великую национальную душу и умел горячо и кстати выражать любовь к своему народу своим творчеством»,— так писал Репин о замечательном польском художнике Яне Матейко. Один из крупнейших исторических живописцев своего времени, Матейко во многих своих полотнах остро высмеивал польскую шляхту. Реакционная критика мстила ему жестокими нападками. В ответ на эти статьи художник создал свое знаменитое полотно «Приговор Матейке», где изобразил сожжение вольнодумного живописца на Краковском рынке.

Творчество Матейко, темпераментное и страстное, относится к лучшим достижениям европейского изобразительного искусства.

Картина Станислава Виткевича «Раненый повстанец» посвящена национально-освободительному движению польского народа. С большой любовью изображает художник простых людей, и сочувствующих повстанцу и непосредственно участвующих в борьбе. В картине много выразительных народных типов. Виткевич обладал наблюдательным глазом художника.

Романтический портрет одного из участников восстания 1863 года — события, нашедшего большой отклик в польской живописи, — написал Леон Каплинский.

Серьезную роль в развитии польской национальной живописи сыграло творчество выдающегося жанриста и портретиста Александра Котсиса. Художник-демократ, посвятивший свое искусство польскому крестьянству, он работал много и плодотворно. Его картины отмечены знанием быта, они искренни и лиричны. Каждое полотно мастера смотрится как кусок самой жизни.

В этом же смысле продолжателем Котсиса можно назвать Вацлава Конюшко. В его блестящей картине «Чтение газеты в ремесленной мастерской» поражают отличные психологические характеристики хозяина мастерской, читающего нелегальную газету, и его ученика. В картине точно и умело написаны все детали.

Польское искусство своими демократическими тенденциями всегда было близко русской живописи. Близко ей по теме и полотно Антония Пиотровского «Шествие новобранцев». Автор сумел в нем добиться глубоких образных характеристик каждого действующего лица. В картине изображены десятки людей, и каждый из них написан с натуры, каждый имеет ярко выраженную индивидуальность.

Картины польских художников, показывавшиеся в Советском Союзе на Выставке польского изобразительного искусства, пользовались заслуженным успехом.

Е. ХМЕЛЬНОВ

АЛМАЗНАЯ ГРАНЬ

Рассказ

Дмитрий ОСИН

Рисунки В. Высоцкого.

Объявление о том, что товарищеский суд будет разбирать жалобу мастера Варфоломеева, висело несколько дней в клубе рабочего поселка. К назначенному часу в нем собрались жильцы поселка, соседи-рабочие, любительницы всяческих происшествий.

Когда члены суда подошли к столу, все встали. Варвара Мартьяновна, в черном шерстяном платье и самовязке-кофте, постучав карандашом по дорогому хрустальному графину, подождала, пока стихнет шум. Короткие седоватые пряди выбивались у нее из-за ушей, на щеках проступали сизые склеротические жилки.

— Все в сборе? Приступим...

Справа, за столом, опирается на руку остреньким подбородком лаборантка стекольного завода Груня Лешова; слева, поглаживая скатерть, сидит лысоватый, худощавый шлифовщик Казберук. А в первом ряду нервно щурится, ожидая начала заседания, браковщица хрустального цеха Наста Вострякова. Она красива той вызывающей красотой, что знает о себе, и, не желая смиряться ни перед чем, оскорбленно недоумевает: «Что ж я такого особенного натворила? Ну-ка!..»

За ней виднеются свидетели, а у самой двери сутулится стеклодув Кирилл Попилин, больше всего, кажется, желающий остаться незамеченным.

— Разбирается заявление Варфоломеева,— негромко и значительно произносит Варвара Мартьяновна, обводя всех карими, проникновенно-зоркими глазами, повелительно требующими тишины и внимания,— по поводу неоднократных ссор и недоразумений гражданки Востряковой Анастасии с Кириллом Попилиным. Лешова, огласите жалобу!

Сгоняя улыбку с полных губ, Груня Лешова берет у нее заявление и, старательно напирая на дикцию, выразительно читает:

«Прошу товарищеский суд принять меры воздействия против постоянного нарушения правил социалистического проживания гражданкой Востряковой Анастасией, которая вот уже месяц, а то и больше, делает невозможной жизнь стеклодуву Попилину К. П. и всем другим соседям в доме номер восемь...»

Сборные заводские дома вспыхивают разноцветными электрическими огнями. За ними в стылых зимних сумерках высокая кирпичная труба стекольного завода, круглобокая шатровая крыша. Там день и ночь дребезжат по рельсам вагонетки, слышится певучий звон стеклянных холяв, веет сквозняковое дыхание гуты.

Груня Лешова держит заявление так, словно боится запачкать длинные тонкие пальцы, на одном из которых поблескивает золотое кольцо с затейливой ювелирной витушкой и крошечным рубином. Заметно располневшая и бережно-неторопливая, в темнокоричневой, отороченной серым барашком шубейке на плечах, она будто сохранила еще принесенное с улицы огненное дыхание январской стужи.

Чем дальше, негодуя и увлекаясь, читает лаборантка, тем задорнее держится Наста Вострякова. Ей жарко; и хотя красиво-победная голова с прямым пробором в пышных, вьющихся волосах клонится к плечу, губы улыбаются чему-то своему, затаенному, что нельзя высказать ни вслух, ни на бумаге. Изредка вскидывая тяжелыми меднорыжими бровями, она поглядывает на Попилина и чуть снисходительно усмехается не то над его растерянностью, не то над собой.

— Может, хотите добавить что-либо еще, Варфоломеев? — предлагает Варвара Мартьяновна, когда чтение кончается и Груня Лешова, осуждающе умолкнув, передает заявление Казберуку.

— Я скажу потом,— внушительно обещает, приподнявшись, Варфоломеев. Красный старенький шарф на его шее размотался, обнажив морщинистый кадык. Бритое лицо с большим, разлатым носом полиловело.— А сейчас пускай лучше Попилин выскажется...

— Гражданин Попилин,— обращается к стеклодуву Варвара Мартьяновна.—Что вы имеете сказать по этому де...— и тут же поправляется: — заявлению?

Тот нехотя поднимается с места, угловатый, неловкий, в темном танкистском пиджаке с петельками от спороть погон.

— Ничего.

— Как ничего?

— Я ничего не заявлял. Так что и добавлять... вроде нечего.

Откровенно торжествуя, Наста Вострякова оборачивается к судейскому столу. Все, что, казалось, еще тревожило ее во время чтения, исчезло. Пальто распахнулось; грудь порывисто вздымается.

— Но факты? Факты вы подтверждаете или нет? — напоминает Варвара Мартьяновна, надевая очки, и словно для пущей убедительности показывает ему заявление. Глаза ее смотрят требовательно и строго; дужка на переносице обмотана чистой белой тряпочкой.

Кирилл Попилин угрюмо разводит руками.

— Факты как факты...

— Вы их подтверждаете?

— Не все... подтверждаю.

— Ну что у него допытываться? Вы у нее спросите! — негодует соседка-свидетельница — пожилая, опрятно одетая женщина с роговой старинной гребенкой на макушке. — Совсем характеру лишился! Разве не видите?

Варвара Мартьяновна одергивает ее:

— Добрынина, вас в свое время спросим! — и запросто предлагает стеклодуву: — Кирилл Петрович, не отнимай ты у нас зря время. Не хочешь помочь — не надо, сами разберемся.

— Мы, гутари, с бабами не воюем, Мартьяновна,— не без задора подмигивает в свое оправдание Попилин. — Разбирайте, как знаете.

— Баб здесь нету! — Груня Лешова возмущена и не в состоянии скрыть этого. — Пора бы знать...

— Ну, с женщинами,— охотно поправляется, потупясь, Попилин. — Извиняюсь!

— Садитесь, — разрешает Варвара Мартьяновна и, посоветовавшись с членами суда, решает продолжать опрос.

Она прожила здесь, на стекольном заводе, всю свою жизнь. С четырнадцати лет работала подносчицей, затем подручной шлифовщика, мастерицей по зимним, виноградным и всяким иным узорам, украшающим дорогой хрустальный товар. Ее знают в поселке все, да и Варвара Мартьяновна знает в нем каждого, если не в лицо, то хоть понаслышке: у кого живет и где работает.

Председателем товарищеского суда ее избрали года два тому назад. Долгая и безупречная трудовая жизнь дает Варваре Мартьяновне непререкаемый моральный авторитет при разборе всяческих бытовых дрязг и ссор.

Дверь ее комнаты, заставленной цветочными горшками, открыта в любое время людскому горю и радости. Для всех находит Варвара Мартьяновна участливое слово и добрый совет, а если не в силах помочь сама, идет к директору, в завком, добивается того, что следует. И только свое горе, свою беду несет одна, не деля ни с кем.

Особенность дела, которое слушается сегодня, состоит, между прочим, в том, что надо разобраться во всем, не вникая в интимную жизнь замешанных лиц. И хотя по натуре Варвара Мартьяновна склонна к прямым и откровенным действиям, она продолжает разбор осторожно и неторопливо.

— Гражданка Вострякова, что вы можете сказать по этому заявлению? Начистоту...

Осуждая поведение браковщицы, она от души хочет помочь ей. И Наста сразу чувствует это.

— Что начистоту?

— Да все,— сурово кидает Казберук.— Правда это или нет?

— Не знаю...

— Как не знаете? — удивляется Груня Лешова.

— А так. Как кому покажется...

— Что-то непонятно,— настороженно прищуривается Казберук и шепчется с председательствующей.

— Что ж тут непонятного? — Наста Вострякова словно забавляется.— Варфоломееву, может, и правдой кажется все, что он расписал, а по мне, так и полправды нет!

Собравшиеся засмеялись. Варвара Мартьяновна снова постучала карандашом по графину, внутри которого алел рубиновый петушок.

— Настасья Григорьевна, ты нам комедии не разыгрывай. Говори по существу.

— Кому, видно, комедия,— несговорчиво передергивает плечами Наста.— А мне плакать впору!

— Как оштрафуют рублей на сто, так заплачешь,— запальчиво грозит ей свидетельница Добрынина, упрекавшая Кирилла Попилина в отсутствии характера.

Варфоломеев не выдерживает:

— Я прошу суд проверить факт за фактом конкретно-фактически. А потом уж общие выводы...

— Верно, Осип Васильич! — Груня Лешова тоже всеми силами души осуждает Насту Вострякову, но, помня, что судьи должны быть беспристрастными и принципиальными, сдерживается, останавливает себя, стараясь спокойно вникнуть в суть дела.

— Перейдем к фактам,— соглашается Варвара Мартьяновна и, заглянув в заявление, спрашивает браковщицу: — Гражданка Вострякова, вы оставляете говорящий репродуктор, уходя из дому, когда Кирилл Попилин отдыхает, возвращаясь со смены? Сколько раз это было?

— Пускай он сам скажет...

— Весь дом знает, как ты ему отдыхать не даешь,— упрекает браковщицу Варфоломеев.— Изо дня в день!

Наста Вострякова сидит, как на иголках. Красивое ее лицо покрылось лихорадочными пятнами, губы побледнели, сделались тоньше.

— А как грязную воду под дверь ему льешь! — напоминает Добрынина.— Отопрись-ка... ну?

— Вот вам и факты,— сурово и невесело устанавливает Варвара Мартьяновна и на минуту задумывается, будто не зная, что с ними делать дальше.— Как из грязного корыта выплеснуты...

Груня Лешова брезгливо морщится.

— Безобразие какое! Другого слова не придумаешь.

— А что ж Попилин? — Казберук заставляет всех обернуться к стеклодуву.— Подтверждает он это или нет?

— Я ее репродукторов не слышу,— помолчав, отрицает он.— А насчет мусору, может, и случалось... не помню уж.

Наста Вострякова еще ниже опускает голову. Победно-вызывающее выражение на ее лице сменяется растерянно-виноватым, даже отчаянным; пальцы обрывают концы полушалка.

— Ну как? И теперь не признаешься? — допытывается у нее Варвара Мартьяновна.— Не храбра же ты на ответ перед народом. Я бы на твоем месте...

— Говорите, что хотите,— негромко отвечает Наста и запахивает пальто, словно ей зябко.

— По-моему, все ясно,— хмуро и неодобрительно кивает Казберук.— Давайте опросим свидетелей.

Варвара Мартьяновна вызывает Добрынину.

— Свидетельница, расскажите все, что вы знаете об этих фактах. Вы ведь живете в одном доме с Востряковой?

Добрынина вскакивает и, поддаваясь увлекающей значительности того, что происходит, сварливо частит:

— Все-все правильно! Она, Наста эта, кому хотите житья не даст...

— Не Наста, а гражданка Вострякова,— поправляет ее Варвара Мартьяновна.— Продолжайте!

— Ну, пускай себе Вострякова,— повторяет свидетельница.—Попилин — человек одинокий, заступиться за него некому. Вот она и измывается! Вчера напустила перед его приходом целый коридор дыму, грозится: «Водой не залью, так дымом выкурю!»

Присутствующие расхохотались. Груня Лешова, блестя ровными, чистыми, без единой чернинки зубами, уточняет:

— Чего ж она добивается? Как по-вашему?

Добрынина азартно взмахивает коротенькими, пухлыми ручками.

— Это уж вы у нее самой спросите!

Поправив очки, Варвара Мартьяновна останавливает ее:

— Не будем отвлекаться. Значит, вы подтверждаете, гражданка Добрынина, что Настасья Вострякова, проживающая в доме номер восемь, систематически нарушает правила социалистического общежития?

— Еще бы! Конечно, подтверждаю,— сразу же соглашается Добрынина.— Как оно там называется по-судейскому, не знаю, а попросту говоря: поедом ест!

Собравшиеся зашептались снова, оглядываясь то на Кирилла Попилина, то на Насту Вострякову. Общее мнение складывается явно не в ее пользу, и все — судьи и присутствующие — понимают это.

Варфоломеев медленно поднимается.

— Разрешите мне тоже.

Оглядев всех по-стариковски пристальными, в покрасневших веках глазами, он выпрямляется, проводит костистой, с вздувшимися венами рукой по седеющей голове.

— Не можем мы, товарищи, равнодушно проходить мимо пережитков капитализма. Они у нас... вроде ореха в стекле! — Старый мастер-стекловар любит поговорить образно и приподнято.— А раз пошел орех, останавливай печь, меняй шихту... Так?

— Так, так,— послышались одобрительные голоса.

— Это уж иначе нельзя!

Варвара Мартьяновна слушает его, задумавшись о чем-то своем. Варфоломеев прав; но ее тревожит и то, что дело не так просто, как кажется. Надо во что бы то ни стало добраться до истины.

Вчера после дежурства в будке она заглянула к браковщице на квартиру. Наста Вострякова стирала белье. В маленькой прихожей было душно от пара, пахло мылом, щелоком и тем, чем обычно пахнет во время стирки. Мыльные пузыри — радужно-фиолетовые, золотистые, лиловые — плавали над корытом и, опускаясь на горячую лежанку, лопались от жары.

— Ишь, разошлась! — кивнула на них Варвара Мартьяновна.— Ровно машина какая... Даже пузыри полетели!

— Тоже придумала,— рассердилась браковщица.— Есть у меня время забавляться!

Мальчишка-школьник, удивительно похожий на мать, выглянул из горницы, держа в губах тонкую соломенную трубочку.

— Ма-ам, можно я еще разок помакну?

— Вот я тебе помакну сейчас! — замахнулась на него выкрученным полотенцем Наста и, обернувшись к Варваре Мартьяновне, негостеприимно спросила: — За чем хорошим пришла?..

— Поди, догадываешься?

Наста оглянулась на сына, приказала:

— Алешка, ступай-ка к дружкам куда! Мне с Мартьяновной потолковать надо.

— Ох, ты-ы!..— обрадовавшись, удивился тот.— Я к Мишутке Добрынину! Толкуйте хоть до утра...

— А уроки ты сделал?

— Сделал, сделал...

Он ушел, не одеваясь. Добрынины жили в этом же доме, на втором этаже.

Наста согнала с полных, распаренных рук мыльную пену, выжидающе обернулась.

— Чего мне гадать? Знаю: судить собираетесь!

— Не судить, а заявление Варфоломеева разбирать,— поправила ее Варвара Мартьяновна.

— Все одно и то же.

— Одно, да не то же.— Не раздеваясь, Варвара Мартьяновна присела на освобожденную от мокрого белья табуретку.— Мы хоть повесток не рассылаем, а являться все равно обязательно.

— А если не приду? — поинтересовалась Наста.

— Как это не придешь?

— Так, возьму да не приду! — вызывающе повторила она.— Не признаю я ни вас, ни суда вашего!

Варвара Мартьяновна сдержалась.

— Не придешь, разбирать не станем.

— Ну и что ж такого...

— А то, что ежели не утихомиришься, передадим в народный суд.

— Так уж и в народный? — не сразу поверила Наста.

— Думаешь, нянчиться будем?

Наста Вострякова уже поняла, что надо выходить из создавшегося положения любой ценой. Выхватив из корыта чью-то мужскую рубаху, она, не выкручивая, с сердцем шваркнула ее об пол.

— Вот еще лихо на мою голову!

— Чье это у тебя? — пригляделась Варвара Мартьяновна.— Уж не соседово ли?..

— Еще что? Стану я чужие обноски стирать!.. Ищи дуру!

Варвара Мартьяновна не подала и виду, что сомневается. Подоплека соседской неприязни, кажется, совсем не такова, как обрисовал в заявлении Варфоломеев, и хотя еще не очень понятна, но уже начинает приоткрываться.

Неторопливо поднявшись с табуретки, она напомнила браковщице:

— Так завтра в семь часов. Не опаздывай...

— А Кирилл Попилин будет? — проверила Наста.

— Будет, а как же!

— И зачем только вызываете? На позорище?

— Не на позорище,— успокоила ее Варвара Мартьяновна,— а ответ держать. За свое поведение.

— Вы лучше его поведение рассудите! — не сдержавшись, выкрикнула Наста.— Думаешь, у меня сердце не кипит?

Варвара Мартьяновна ожидала, что она расскажет обо всем откровенно, но вместо этого Наста только отчаянно шлепнула тряпкой по стиральной доске.

— Что ты у меня пытаешь? Я свою душу от всех на замке держу.

— Держи, держи.— Варвара Мартьяновна завязала платок и на пороге добавила: — Так приходи обязательно! Заочно разбирать не станем!

Наста устало отвела с лица волосы, подняла брошенную рубаху и, яростно намылив, принялась за стирку. А на лестнице уже топотали спускавшиеся ребята, и Алешка отчаянно-хвастливо уверял Добрынина:

— Весной я тоже турманкá добуду, вот увидишь. Как запущу над крышей... под самые облака!

...Осудив поведение Насты Востряковой, Варфоломеев предложил вынести ей общественное порицание и оштрафовать за неоднократное нарушение правил социалистического общежития.

— Пускай восчувствует и сделает идейные выводы,— закончил он, садясь.— Как полагается!

Груня Лешова выступила еще резче. Выходки браковщицы возмутили ее главным образом с морально-этической стороны.

— Такие люди, как Вострякова, не любят и не уважают никого, кроме себя! — раскраснелась, режет она прямо в лицо браковщице и кажется сама себе, не в пример Насте, сознательной и передовой, совсем не затронутой теми пережитками, о которых говорит.

Наста слушает ее со смешанным ощущением обиды и горечи.

— Что ты понимаешь в любви-то... тараторка? — не выдерживает она.— Небось, кроме мужа, никаких пережитков и в глаза не видала.

Казберук лукаво прищуривается, а Варвара Мартьяновна сердито обрывает ее:

— Здесь не балаган, Вострякова! Ведите себя достойно.

В ответ на это Наста вскакивает.

— Ей, значит, можно, а мне нельзя? — и, неожиданно сорвавшись с места, бросается к выходу, низко опустив голову.— Кругом обвиноватили...

Казберук попытался остановить ее:

— Вернись, Вострякова! Надо же сознательность иметь, а не один только ветер в голове...

По красному уголку будто дохнуло жаром. Все зашевелились, заговорили.

Стекло графина зазвенело снова.

— Тиш-ше! — требует Варвара Мартьяновна и, когда порядок водворяется, как ни в чем не бывало говорит: — Ничего, остынет на холоду и тут будет! Продолжаем дальше. Говори, Лешова!

Вот-вот зальется заводской гудок, сзывая очередную смену. За окнами в морозном дыму играет багряная, ветреная заря. Словно в стекловарной печи, там громоздятся, рдеют причудливые очертания диковинных городов, дворцов, садов.

Потребовав, чтобы Кирилл Попилин рассказал суду все откровенно, а не покрывал выходок соседки, Груня Лешова садится. Варфоломеев глядит на нее с явным одобрением.

«Правильно, дочка! — казалось, подтверждает он, ощущая, как на глазах против воли навертывается предательски-умиленная слеза.— Любовь, она, конечно, любовью, но и без уважения в соседстве нельзя!»

Кирилл Попилин не поднимает головы.

— Да разве я покрываю? — бормочет он, боясь встать, поглядеть на собравшихся.— Чем это?..

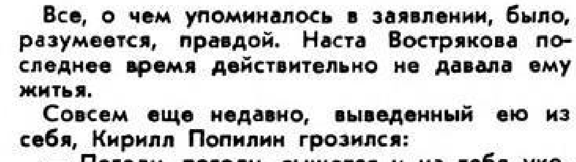
— Молчанием своим!

— Так, может, я на все свой глаз имею?!

Небритое его лицо покрылось румянцем, будто на него дохнуло жаром стекловарной печи; происходящее навалилось на плечи неожиданной тяжестью. Вспоминая о том, что было у него с Настой, Кирилл Попилин, похоже, только сейчас, на людях, начинает понимать, в чем дело.

Грубоватый и по-простецки нетребовательный, он позволял соседке заботиться о себе: готовить иногда еду, стирать белье — и, в свою очередь, помогал ей по хозяйству, больше всего, кажется, опасаясь связывать себя какими бы то ни было другими обязательствами. После работы он приходил домой и ложился отдыхать; по вечерам отправлялся на сыгровку струнного оркестра, а вернувшись, выпивал несколько стаканов крепкого чая и засыпал до утра.

Заботливость Насты Востряковой и привлекала и страшила его, только отдаляя то, что при иных обстоятельствах, возможно, осуществилось бы своим чередом. Но когда соседки шепнули браковщице, что Клавдя Громова похвалялась в конторе женить Кирилла Попилина на себе, всему пришел конец. Насту будто подменили.

Все, о чем упоминалось в заявлении, было, разумеется, правдой. Наста Вострякова последнее время действительно не давала ему житья.

Совсем еще недавно, выведенный ею из себя, Кирилл Попилин грозился:

— Погоди, погоди, сыщется и на тебя укорот! Не судом, так стыдом, может, глаза выест...

А здесь, на суде, после выступления Груни Лешовой, он словно прозрел.

«Тоже сказала: покрываю,— попрежнему прячась за сидящими, думал Попилин.— Не покрываю, а зла не хочу! Это она на меня взъелась неизвестно по какому праву, а я... Что я ей сделал такого? И дров, бывало, наколешь, и погребицу, вон, к зиме обкопал... Всю тяжелую работу справил: вдова ведь, что она может сама?»

Слушая выступавших, он не мог согласиться с тем, что Наста не любит никого, кроме себя. Какое-то смутное чувство твердило: это не так. Раздумывая о нем, Кирилл Попилин глянул вдруг на случившееся небывало зоркими глазами и понял все.

«Вот еще дела-то! — не на шутку забеспокоился он, открыв, что соседка любит его и, не дождавшись ответа, давно уже с отчаяния не останавливается ни перед чем.— Как же мне быть теперь?..»

По опыту жизни Кирилл Попилин знал: чему по каким-либо обстоятельствам нельзя расти прямо и открыто, все равно будет расти тайно и криво — и не удивлялся. Он и сам, наверно, поступал бы так же, оказавшись в положении Насты Востряковой.

«Чудак! Чурка долошная! — ругая себя, то преувеличивал он свою вину перед соседкой за все, что случилось и происходит сейчас, то боялся оказаться в еще более тяжком и позорном положении.— До чего довел ее!..»

Недавняя растерянность сменилась желанием защитить, уберечь Насту от обид и оскорблений, но как это сделать, Кирилл Попилин не знал. Лучше всего было встать и заявить перед всеми: она ни в чем не виновата! А раз так, то не требуется и суда...

Хмуро, подыскивая необходимые слова, он поднялся с места, но, взглянув на неожиданно воротившуюся и замершую у двери Насту, снова смутился. Не мог он при ней выговорить все, что теснилось в сердце.

— Что ж ты, Кирилл Петрович? — подбодрила его Варвара Мартьяновна, словно догадавшаяся обо всем.— Сам же говорил, что у каждого на это дело свой глаз должен быть.

— Не укрываю я ее,— с решимостью выпрямился вдруг Кирилл Попилин и, торопясь, будто боясь, что забудет, спутается, не высказав всего, уверил судей: — Зря вы это все! Меня вроде защищаете, а я ничего против Востряковой не имею, и защиты мне не надо.

Махнув рукой, он сел на место, даже не поглядев, какое впечатление произвели его слова. А Наста Вострякова встрепенулась, словно раненая птица, и, ожив, подняла голову. Глаза ее заблестели, лицо разгорелось.

— Это не меняет дела,— разъясняет Варвара Мартьяновна и вполголоса совещается с заседателями.— Суд будет продолжать разбор дела попрежнему.

— А чего его разбирать, ежели стороны мирятся? — замечает кто-то.

— Милые дерутся — только тешатся!

Сняв очки, Варвара Мартьяновна глядит на браковщицу.

— Вострякова, ты что скажешь?

Стоя у самой двери, та чуть вскидывает красивую, небрежно накрытую полушалком голову.

— Мы не миловались, не дрались. Нам мириться нечего.

Но к ее словам все относятся недоверчиво. А Казберук просит:

— Вы бы лучше объяснили, почему так поступали.

Наста Вострякова принимает вызов:

— Это уж я сама себе объяснять буду. Да еще разве тому, кому виновата...

— Значит, виновной вы себя все же считаете? В чем же?

— А не испугаетесь... если скажу?

Казберук с интересом ждет.

— Любовью я виноватая, да еще, может, ревностью своей глупой... ежели хотите,— явно через силу, тихо признается браковщица.

Варвара Мартьяновна не перебивает ее. От того, как Наста Вострякова объясняет свои проступки, зависит теперь и мера взыскания.

И, убедившись в том, что разбирательство окончено, она поднимается за судейским столом, невысокая, по-матерински взыскательная, и негромко, но внушительно начинает:

— Может, кое-кому показалось, что суд вмешивается в личную жизнь, разбирая это дело. Но мы с вами, товарищи, живем не в одиночку, каждый в своей норе, а в коллективе. В нашем трудовом, рабочем коллективе! И правила социалистического общежития обязаны у нас соблюдать все. Выходки Насты Востряковой, конечно, заслуживают самого сурового осуждения и иначе, чем безобразием, их не назовешь...

Груня Лешова подается к ней, боясь пропустить хоть слово. Варфоломеев удовлетворенно достает платок.

Передохнув, Варвара Мартьяновна осуждающе оглядывает браковщицу. Та попрежнему стоит у выхода, уронив руки, и молчит, не поднимая глаз.

— Ты, Кирилл Петрович, говорил: дескать, на все надо свой взгляд иметь,— напоминает стеклодуву Варвара Мартьяновна. — А я так скажу: взгляд на это может быть только один — наш, партийный! И Осип Васильич правильно сделал, что вмешался, вытащил безобразия ваши на свет божий.

— Не я, другие бы вытащили, — вставляет Варфоломеев. — Кто же на такое безучастно глядеть станет?

Пошептавшись с членами суда, Варвара Мартьяновна подождала, пока он договорит. Глаза ее поблескивали умно и лукаво, будто обещая к сказанному что-то еще.

— Неправ он только в одном, по-моему. В оценке причин и в мере воздействия нашего. Варфоломеев предлагает вынести Настасье Востряковой общественное порицание и оштрафовать ее. А мы тут решили: товарищеский суд считает необходимым только указать им обоим, указать... как бы это попроще... на несознательное, невзаимное, что ли, поведение и высказывает пожелание, чтобы Попилин и Вострякова урегулировали свои отношения.

— Правильно!

— В самую точку, — послышались обрадованные голоса.

— Ревнуйте сколько хотите, а соседям жить не мешайте...

Варвара Мартьяновна знаком просит всех помолчать.

— Таково решение нашего товарищеского суда. Кирилл Попилин и Настасья Вострякова, даете ли вы обещание урегулировать свои отношения?

Все оборачиваются к ним.

Наста Вострякова взволнованно отзывается:

— Я-то обещаю. А вот он...

— А я... Что ж я? — повеселев, спрашивает Кирилл Попилин.— Я ее и прежде уважал и теперь...

Он не говорит: «люблю»,— но Варвара Мартьяновна, Варфоломеев и Казберук понимают, что это именно так, и облегченно переглядываются. Можно надеяться, что так оно теперь и будет.

Любители крайних мер расходятся из красного уголка явно обескураженные. Заседание суда не дало ни новой пищи для уличных толков и пересудов, ни порочащего решения, которое, как им думалось, воздало бы должное Насте Востряковой за все, в чем та была и не была виновата.

К числу их вначале относила себя и Груня Лешова. Чистую, еще не потерявшую девической прямоты и непримиримости душу ее возмущали выходки браковщицы, неразборчивость в трудных и тонких обстоятельствах личной жизни. Но затем Груня Лешова разглядела совершенно другое и теперь во всем согласна с Варварой Мартьяновной и Казберуком, восхищаясь тем, что они знают жизнь и людей куда лучше ее.

А Кирилл Попилин, расхрабрившись, остановил Варвару Мартьяновну у выхода и признательно пожал ей руку.

— Спасибо, мать! Алмазную грань ты сегодня, сдается, в нас открыла и на свету играть заставила. Недаром, видно, в шлифовальном мастерицей слыла...

— Ну, тоже скажешь, — устало отговаривается та и улыбается. — Иди-ка, догоняй свою хрустальную. Да бережней, гляди, обращайся, не разбей ненароком!

Звезды над поселком, над гутой горят резким, морозно-хрустальным блеском. Певуче скрипит накрахмаленное стужей снежное полотно.

Варвара Мартьяновна, покашливая от холода, спешит по улице. На ней серый пуховой платок, черный, с лоснящимися рукавами полушубок.

— Мороз-то к ночи вон как засвежал, Осип Васильич!

— А как же? Солнце — на лето, зима — на мороз! Это уж всегда так-то, — поддакивает, не отставая, Варфоломеев.

— Как бы он трубы мне не порвал! Зайти протопить разве? На всякий случай...

Водопроводную будку к концу зимы заносит снегом чуть не вровень с крышей. Наружу высовывается только похожая на изогнутый клюв труба, а под ней намерзает скользкий ледяной глетчер, что и не подступиться.

Осторожно шаркая валенками, Варфоломеев предлагает:

— Давай-ка я лед пообколю, Мартьяновна. Где у тебя лом?

— Да ведь только перед вечером скалывала. И трех часов не прошло...

— Ну, что ты сколола-то, — небрежно басит Варфоломеев. — Поклевала, как курица!

Несмотря на годы, он еще силен той неуходившейся, привычной к постоянному физическому труду силой, что легко справляется с любой работой и не осрамится нигде. Раскатисто хекая, Варфоломеев скалывает лед. Осколки со стеклянным звоном брызжут во все стороны.

Огонек пятилинейной керосиновой лампешки освещает замерзшее, в розовых пальмах, оконце. Из трубы над крышей начинают сыпаться жаркие, веселые искры, словно в будке запустили алмазный круг.

Возвращая лом и ничем не отзываясь на благодарность Варвары Мартьяновны, Варфоломеев спрашивает:

— Теперь у вас что на очереди?

Подкидывая чурки в огонь, та вздыхает:

— На той неделе Куманиных мирить будем. Свекровку с невесткой...

— Тоже вздорная бабенка.— Варфоломеев туже завязывает шарф. — Не по-людски живет.

Фотография друга

А. КОВАЛЕНКОВ

Утренние зори, небо и вода,
Рыбаки на берег тянут невода.

В шепчущей осоке, солнцем залитой,
Детство промелькнуло рыбкой золотой.

И у тех ли чистых, свежих родников,
Там, где в степь уходят тени облаков,

Где шумели прошлым струнами сады,
На песке прибрежном юности следы.

Лодка от причала тихо отошла,
Первая упала капелька с весла.

Белая косынка, милая рука,
Первая слезинка, первая строка...

Далеко-далёко эти берега,
Но велела память их оберегать,

Но хотело сердце знать друзей своих,
Но сумела песня рассказать о них.

Небо Заполярья, ветер фронтовой,
Северных сияний свет над головой...

Снежные тропинки, зимняя гроза,
Первые морщинки, смелые глаза...

У сосны рогатой, сломанной в бою,
Слушают солдаты лирику твою.

Вьется в сизой дымке красный шелк знамен...
Вот каким на снимке ты изображен!

Попрощавшись, он уходит, шаркая валенками. Ртутные дробинки воды посекли снег по обочинам дорожки.

Варвара Мартьяновна остается в будке. После перехода на пенсию ей показалось невмоготу без завода, без дела, и шлифовщица взялась отпускать воду. Она сидит, тихая, молчаливая, глядя на огонь грустными глазами. Подобранные, в частых морщинках губы ее шевелятся, пальцы задумчиво перебирают опушку полушубка.

На кладбище, за поселком, Варвара Мартьяновна бережет две дорогие могилы: старую, с темным, покосившимся крестом могилу мужа и недавнюю — много ли прошло! — могилу, младшего сына. Там, рядом с ними, надеется, положат и ее.

«Вчера володин день рождения был, — не то думает, не то шепчет она вслух.— Двадцать третий годок пошел бы ему!..»

О старшем, Павле, она вспоминает реже. Тот погиб на Десне в самом начале войны; а младший, Володя, — в сорок третьем году, во время налета карателей на партизан в соседних лесах.

Соседки советовали ей взять на воспитание какую-нибудь девочку-сироту.

— И тебе веселей будет, и дело доброе...

Но Варвара Мартьяновна отказалась:

— Не по мне это.

Характер у нее словно бы с какой-то черствинкой. Боялась она, что не найдет в сердце любви и нежности, выплаканных на родных могилах; а без них не под силу окажется и ей и приемышу.

И соседки вздыхали, догадываясь о том, что у нее на душе.

— Может, и так...

— Однолюбка ты!

За оконцем слышится дребезжание ведер. Кто-то не очень смело стучит пальцем в стекло.

— Мартьяновна... водички!

«Кого там еще принесло?» — спохватывается та и сердито отзывается:

— Нету, нету воды! Краны на ночь перекрыты...

Дверь будки распахивается. Оглянувшись, Варвара Мартьяновна узнает Насту Вострякову. Плечи браковщицы прикрыты наскоро наброшенным полушалком, руки без варежек и по локоть обнажены.

— Такой морозище, а ты в одной кофтенке.

Обжигая ее огнеными, диковатыми глазами, Наста смеется:

— Ничего! Это бабы возле мужиков угрелись, так им и холодно. А мое дело вдовье...

Варвара Мартьяновна добреет:

— Спохватилась, на ночь глядя? Ладно уж, иди, открою! Грань алмазная!..

— За суетой да за судом этим во-время и сходить не управилась, — нескрываемо-счастливо оправдывается браковщица. — Пришли сейчас, затеяли самовар на радостях ставить, а ни у меня, ни у Кирилла воды ни капли!

— Ставь ровнее, — приказывает Варвара Мартьяновна и, продув глазок в оконце, с трудом открывает застывший кран. Вода тяжелым током ударяет в подставленное ведро, звенит, брызжет на браковщицу. Все в ней нравится Варваре Мартьяновне: бережливая ловкость и задорная лихость, изукрашенное резьбой коромысло и широкие жестяные ведра, в которых плавают вырезанные фестонами липовые кружки.

Наста Вострякова стоит, следя за тем, как наполняется ведро, и смахивает с ресниц не то иней, не то еще что-то.

«Ничего, без мýки счастья не бывает!» — сочувственно вздыхая, думает Варвара Мартьяновна.

Вода давно уже льется через край, а кран все не закрыт.

— Спаси-бо! — прижимая подбородком концы полушалка к груди, Наста подхватывает дужки коромыслом. В дрогнувшем ее голосе более признательная благодарность, чем выражают слова.

— Неси скорей, а то замерзнешь... чудушко! — приоткрывая дверь, выглядывает из будки Варвара Мартьяновна.

— Еще что! — отмахивается та и, не качаясь, уверенно идет по скользкой, обледеневшей тропинке, высокая, прямая и, сдается, сбросившая с себя после суда тяжкую, давящую ношу. Ведра дымятся, будто подстать характеру Насты: в них не вода — кипяток.

Уборка колосовых на полях колхоза имени Маленкова в Вулканештском районе (Молдавия).

Фото П. Лисенкина.

На полях — 350 тысяч комбайнов

На полях Украины, Кубани, Ставрополья, Дона, Молдавии и других южных районов страны в разгаре уборка урожая. На колхозные тока и в государственные элеваторы пошло зерно.

Н. Ф. Лыскин, председатель крупнейшего в Ставропольском крае колхоза имени Сталина, станицы Григориполисской, участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, сообщил редакции «Огонька» по телефону:

— МТС вывела на поля нашей артели 43 комбайна. Убираем хлеб чисто, без потерь. Например, комбайнер Иван Щербина обрабатывает в день 15—18 гектаров. Урожай какой, спрашиваете? С площади в 6 600 гектаров берем по 25—30 центнеров озимой пшеницы. В прекрасном состоянии масличный лен — новая для нас культура, которую мы посеяли на площади 600 гектаров и не сегодня-завтра начнем убирать. Радуют нас виды на урожай кукурузы и подсолнуха, посеянных квадратно-гнездовым способом...

В Сальском районе, Ростовской области, предстоит убрать 120 тысяч гектаров зерновых. Секретарь Сальского райкома КПСС тов. В. М. Завьялов рассказывает:

— Хотя солнце кое-где и «прихватило» зерно, все же средний урожай по району превышает 20 центнеров, достигая во многих местах 30 центнеров с гектара. Уборку завершим за 18—20 дней. Из сальских комбайнеров отличились Иван Подплетенный, Антонина Михайленко и другие.

В районе 17 колхозов, все они имеют механизированные и электрифицированные тока. По предварительным подсчетам, это позволит высвободить от работы на токах 2 тысячи колхозников. Сальский район даст стране на полмиллиона пудов хлеба больше, чем в прошлом году.

Созревание хлебов стремительно продвигается на север. Вступила в косовицу Воронежская область. В южных ее районах уборка уже подходит к концу, и есть возможность до 100 комбайнов с экипажами перебросить в северную зону области, где озимые хлеба преимущественно в хорошем состоянии.

Быстро поспевают озимые и гораздо севернее Воронежа. Главный агроном Рыбновской МТС (под Рязанью) И. А. Рыбкин передает:

— Колхозы начали косить озимые конными жатками. Урожай неплохой. В ближайшие дни на полях 15 колхозов нашей зоны начнут работать и комбайны...

Наливаются хлеба в приуральских степях, в Западной Сибири, на Алтае. Зреет богатый урожай. Участники совещания передовиков сельского хозяйства, происходившего в Новосибирске, обязались убирать зерновые культуры без потерь. Сибирские колхозы имеют теперь большое количество тракторов и комбайнов. На помощь уральцам и сибирякам в этом сезоне будет переброшено с юга 12 500 комбайнов с экипажами.

Назовем еще одну цифру, которая подтверждает необычайно возросшую мощь МТС и колхозов: на полях свыше 350 тысяч зерновых комбайнов.

С. КРУГЛОВ

ПАМЯТНИК ОСВОБОДИТЕЛЯМ БЕЛОРУССИИ

Митинг на открытии монумента.

Фото А. Дитлова.

Тысячи жителей белорусской столицы собрались на Круглой площади Минска в день открытия памятника-монумента, сооруженного в честь воинов Советской Армии и партизан, павших в борьбе за свободу и независимость нашей Родины в годы Великой Отечественной войны.

...Медленно сползает белое покрывало. Перед собравшимися предстает почти сорокаметровый гранитный обелиск, увенчанный изображением ордена Победы из смальтовой мозаики. Над гранитными ступенями возвышаются огромные бронзовые венки.

Делегации городского и районных Советов депутатов трудящихся, представители предприятий, строек, учреждений, учебных заведений возложили венки из живых цветов.

В. ПОНОМАРЕВ

Столовая на колесах

В передвижной столовой-автобусе.

Фото О. Кнорринга.

Недавно на Рязанском шоссе, Таганской площади, площади 10-летия Октября появился автобус с табличкой: «Служебный».

...Вот автобус прибыл на конечную станцию Кузьминки. Сразу же около него собрались люди... пообедать.

Это автобус-столовая. Водители и кондуктора автобусов, маршруты которых проходят по окраинам Москвы, нуждались в хорошей столовой. Вот и было решено переоборудовать для этой цели несколько автобусов.

Передвижная столовая прибывает на каждую конечную станцию к обеденному перерыву. Соответственно с этим планируется график работы водителей и кондукторов.

В автобусе-столовой четыре столика, накрытые скатертями, маленькие настольные лампочки. В меню — легкие закуски, горячие блюда.

М. ГРАНОВА

Восьмерка «Крылья Советов» после победы в Хенлее. Слева направо: Евгений Браго — аспирант Академии наук, Владимир Родимушкин — преподаватель, Слава Амирагов — инженер, Игорь Борисов — инженер, Евгений Самсонов — аспирант, Борис Вайсберг — рабочий, Алексей Комаров — преподаватель, Владимир Крюков — аспирант, рулевой Николай Колосовский — преподаватель.

Интервью «Огонька»

На Хенлейской регате

А. ШВЕДОВ,
заслуженный мастер спорта

Когда после окончания Хенлейской королевской регаты ее главный приз «Гранд Челендж Кап» в торжественной обстановке был вручен загребному восьмерки «Крылья Советов» Владимиру Крюкову, мы смогли взвесить на ладонях нашу победу: огромный серебряный кубок редкостной чеканной работы весил немало и был весь покрыт названиями команд, которым удавалось в свое время завоевывать его.

Сто пятнадцать лет тому назад он был куплен за сто гиней и с тех пор путешествует из одного гребного клуба в другой. В 1896 году, когда на его стенках не осталось ни одного свободного места, к нему была приделана подставка для того, чтобы можно было продолжить лаконичную летопись побед. Но к нынешнему году и эта дополнительная площадь была вся использована, и подставка была снова расширена, а кроме того, введена книга, в которой записаны победители Хенлейской регаты начиная с 1839 года.

И, признаться, получив этот главный приз Хенлейской королевской регаты, мы прежде всего стали искать свободное местечко, где рука гравера смогла бы вырезать: «Восьмерка «Крылья Советов» — Москва. 1954 год».

За всю историю этого приза только в десятый раз не английская команда напишет на кубке свое имя.

Приглашение участвовать в розыгрыше самого почетного приза регаты получают только сильнейшие восьмерки — на этот раз их было всего семь: пять английских и две иностранные — СССР (чемпион Европы) и Дании, занявшей на европейском первенстве второе место. Интересно отметить, что команда США, также приехавшая в Хенлей — маленький городок, расположенный на Темзе, — не получила возможности участвовать в заездах сильнейших команд и должна была выступать в розыгрыше приза «Темза» по второй группе. Восьмерка США, выигравшая олимпийское первенство в Хельсинки, распалась, а приехавшая команда не имела в своем боевом списке выдающихся побед...

Мы знали, что борьба будет не легкой, но только приехав в Хенлей, окончательно поняли, что нам предстоит. Когда автобус, на котором мы выехали из Лондона, пересек мост через Темзу, в Хенлее мы остановили машину и спустились к реке. Так вот она, знаменитая дистанция Хенлейской регаты! Узкая лента реки, обрамленная зелеными, тенистыми берегами, стремительно неслась мимо нас. Мы стали бросать в воду спички и бумажки, стараясь определить быстроту течения, и тревожно переглянулись. Дело в том, что гребные гонки в Хенлее проводятся по традиции против течения, в то время как обычно все крупнейшие соревнования в Европе проходят по течению. Но особенности Хенлейской регаты этим не ограничивались. Ее правила допускали выход лодки на чужую дорожку и навалы, если они происходили на нейтральной воде. Англичане ревностно держались этих правил и вошли в международную федерацию гребли с условием, что никто не будет на них посягать. Большие сложности представляла дистанция гонки и потому, что в отличие от обычной двухкилометровой имела протяжение 1 милю 550 ярдов (2 111 метров), и потому, что была ограждена деревянными рейками, как плавательная дорожка в бассейне.

Восьмерка «Крылья Советов» в борьбе с командой клуба «Леандер» выигрывает Большой Хенлейский приз.

Вскоре мы получили возможность познакомиться не только с Темзой, но и главным призом, оспаривать который мы и приехали в Англию.

Наступил день жеребьевки, и на торжественной церемонии в городском театре мы увидели на постаменте огромный чеканный из серебра кубок «Гранд Челендж Кап». Из него судья вынимал листики, на которых были написаны названия команд. Вот звучат непривычные на английском языке и вместе с тем знакомые нам слова «Крылья Советов». И тут же произносится название команды, с которой нам предстоит начинать борьбу. Это восьмерка Дании — наш главный противник на первенстве Европы! Другой наш сильный противник, восьмерка гребного клуба «Леандер», составленная из лучших гребцов Англии и выигравшая за последние тридцать три года десять раз главный приз регаты, в том числе и приз 1953 года, в этот день оставалась свободной.

Как преобразился к 30 июня — началу регаты — маленький, тихий городок! Все его дома стали гостиницами. На улицах оживленная толпа; все прогулочные лодки, имеющиеся в Хенлее, уже арендованы теми, кто хочет видеть состязание как можно лучше. а народ все прибывает и прибывает.

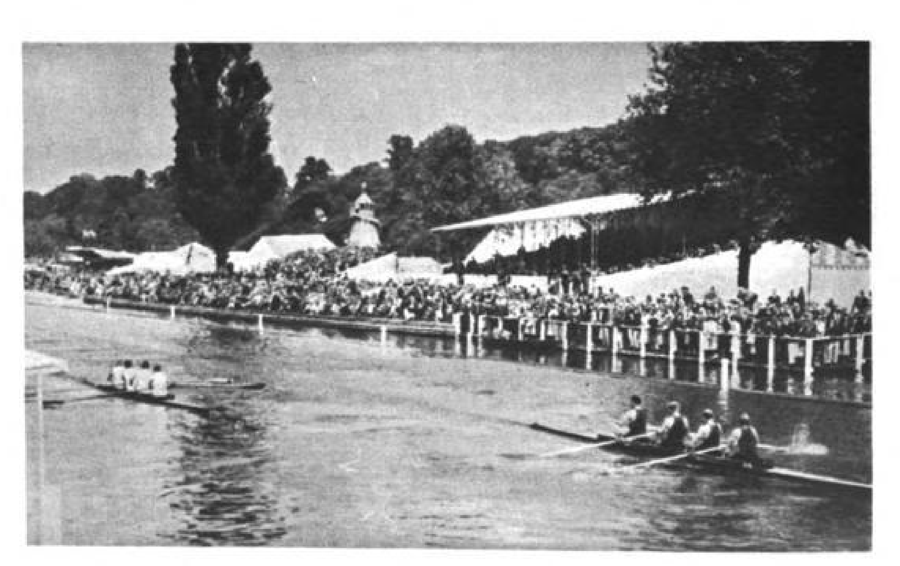
Гребной спорт в Англии считается национальным, имеет давние традиции, и англичане попрежнему считают себя законодателями гребного стиля. Газеты отмечали, что по своей популярности академическая гребля может сравниться только с футболом. В центре внимания прессы были две восьмерки — клуба «Леандер», которую журналисты называли «надеждой Англии», и лодка «Крылья Советов». Особые симпатии вызывал наш загребной Владимир Крюков. Рослого, плечистого гребца газеты величали «белокурым гигантом», «русским Ромео», и, когда другой член нашей команды, Слава Амирагов, переводил Крюкову все эти восторженные эпитеты, тот только смущенно отмахивался...

И вот наступил первый день регаты. Необычно выглядела в это утро Темза. На всем протяжении гонок ее берега усеяны людьми. Первую линию трибун образовали лодки, шлюпки, катеры, вплотную, борт к борту, пришвартовавшиеся к рейкам, ограждающим дистанцию. Вторую линию образовали кресла, расставленные у воды, третью — трибуны, а «галерку» составили сплошные шпалеры зрителей, протянувшиеся к самому старту.

В этот первый день наша восьмерка не выступала, мы были только зрителями, и каково было наше огорчение, когда Юрий Тюкалов, гребущий на одиночке, проиграл заезд югославу Власичу, выбыв из

Игорь Булдаков беседует со студентами Рэдлей-колледжа из Оксфорда.

Финиш соревнований на «кубок Стюарда». Справа четверка СССР.

Болельщики поздравляют с победой гребцов советской восьмерки.

соревнований. Правда, нас утешил успех наших товарищей по клубу, безрульной четверки (загребной Евгений Сиротинский), победивших лодку английского гребного клуба «Темза».

На следующий день я, как тренер восьмерки, наблюдал весь ход борьбы с восьмеркой Дании с катера. Со старта датчане предложили очень высокий темп, делая 48 гребков в минуту, и сразу же вырвались вперед. Однако наша команда уже после 600 метров обошла своих противников, выдержала рывок датчан, пытавшихся после тысячи метров выйти вперед, и под аплодисменты, перекатывающиеся с берега на берег, первой пересекла линию финиша.

Затем восьмерка «Крылья Советов» встретилась с английской лодкой клуба «Темза» и снова добилась победы. Когда гребцы «Темзы» поздравляли нас с успехом, они сказали: «Побейте «Леандер», желаем вам успеха».

Ветераны гребного спорта обсуждают шансы участников регаты.

И вот две восьмерки — «Крылья Советов» и «Леандер»—стали рядом на старте. Штормовой ветер поднимает волны на Темзе, дождь сечет лица гребцов, и тем не менее берега реки заполнила пятидесятитысячная толпа. Колышутся черные грибы зонтов, разноцветные непромокаемые накидки. Да, для того, чтобы увидеть состязание этих двух команд, стоило промокнуть под дождем! На Темзе терпел поражение ортодоксальный английский стиль гребли. Мы противопоставили ему нашу, советскую школу, основанную на непринужденности движений, на эффективном гребке. Надо сказать, что восьмерка клуба «Леандер» составлена действительно из первоклассных спортсменов, в совершенстве владеющих стилем гребли, который вот уже много десятков лет культивируется в Англии. Они самоотверженно боролись за то, чтобы сохранить главный приз Хенлейской регаты. В напряженном единоборстве наша восьмерка отыгрывала у них сантиметр за сантиметром, и в конце концов английская команда должна была уступить.

Советская восьмерка под аплодисменты зрителей вырвалась вперед и финишировала первой.

В тот же день загребному советской восьмерки Владимиру Крюкову был торжественно вручен огромный серебряный кубок. Советские гребцы получили еще два приза Хенлейской регаты: «кубок Стюарда», завоеванный командой безрульной четверки в составе Евгения Сиротинского, Федора Сухова, Евгения Кузнецова и Владимира Бурачека (тренер Е. Кабанов), и кубок «Сильвер Гоблес», полученный за победу на регате гребцами безрульной распашной двойки «Химик» Игорем Булдаковым и Виктором Ивановым (тренер П. Сергеев). Гребцы СССР получили также пятнадцать золотых медалей из восемнадцати.

В тот день, 8 июля, когда мы уезжали из Хенлея в Лондон, советская восьмерка провела на Темзе последнюю тренировку. Один из лучших гребцов Англии, шестой номер восьмерки «Леандер» Дэвидж, по его просьбе был посажен в нашу лодку вторым номером, чтобы иметь возможность, как говорится, «изнутри» познакомиться с советским стилем гребли. Он провел с нами всю тренировку и должен был признать, что лодка идет прекрасно, что грести в ней легко.

— Мы обязательно используем ваш стиль для наших команд,— сказал на прощание Дэвидж.— Придется, видимо, перестраиваться...

Тепло и дружественно провожали нас простые люди Англии. Лондонские газеты отмечали успех советских гребцов броскими заголовками. Запомнился такой заголовок в одной из газет — «Теперь это «русский Хенлей».

В Лондоне команда советской восьмерки была приглашена в телецентр, и после этого нас останавливали на улице с неизменным вопросом: «Русские гребцы?» — и жали нам руки.

А 9 июля нам жали руки на Внуковском аэродроме в Москве наши товарищи и родные, поздравляя с большой и почетной победой на Темзе.

Главный приз Хенлейской регаты «Гранд Челендж Кап».

Вручение высокой награды Изабелле Блюм

9 июля в Свердловском зале Кремля состоялось вручение международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» известной общественной деятельнице Бельгии Изабелле Блюм.

Лауреата горячо приветствовали писатель Илья Эренбург, архитектор А. Г. Мордвинов, заместитель председателя Антифашистского комитета советских женщин З. Н. Гагарина, работница фабрики имени Калинина С. А. Котова и народный артист СССР М. И. Царев.

На снимке: Изабелла Блюм выступает с ответной речью.

Фото В. Савостьянова.

Новые победы советских шахматистов

Англия всегда играла важную роль в шахматной жизни: она имела хороших мастеров, не было ни одного известного мирового гроссмейстера, который не посетил бы Англию. Первый крупный международный шахматный турнир состоялся в Лондоне в 1851 году.

И вот перед английскими шахматистами трудная задача — отразить грозные атаки советских гроссмейстеров. Не впервые встретились команды этих двух стран. После разгрома в 1945 году сборной команды шахматистов США сборной командой СССР (15,5 : 4,5) и англичанам захотелось испытать свои силы. Но и они проиграли матч, хотя были весьма довольны, что набрали больше очков, чем американцы, — шесть. В 1947 году в Лондоне англичане снова оказались упорными противниками советских шахматистов: набрали против нашей команды пять очков из двадцати.

И на этот раз англичане играли со свойственным им упорством и цепкостью. Но... советская сборная стала еще сильнее. В первый день матча наши гроссмейстеры нанесли сокрушительный удар — 10 : 0! При таком результате даже англичанам было трудно сохранить присущее им спокойствие и хладнокровие. Что наша команда могла еще доказать во втором туре? Повторить этот результат? Некоторые шутили, что в таком случае советские шахматисты рисковали потерять партнера. Во втором туре английским шахматистам удалось завоевать три ничьих. Дружеская встреча закончилась очередной победой советских гроссмейстеров: 18,5 : 1,5.

Вряд ли в Великобритании рассчитывали на победу своей команды. Но на выигрыши в отдельных встречах, конечно, надеялись. И все же английские мастера не выиграли ни одной партии. Это явно огорчило английских болельщиков. Даже члены Палаты общин решили проверить, в чем тут дело, и встретиться с нашими шахматистами. Они пригласили к себе гроссмейстеров Бронштейна и Кереса. В сеансе одновременной игры на 20 досках члены парламента и министры добились лучшего результата, чем сборная Англии: 17 проигрышей, 2 ничьих, и — что самое ценное — 1 выигрыш.

Было бы неправильно полагать, что команда английских шахматистов слабая. Отнюдь нет. Но сборная команда СССР слишком сильна.

Несмотря на то, что наши гроссмейстеры ведут себя так «неделикатно» за шахматной доской, их авторитет и популярность во всем шахматном мире растут. «Спрос» на советских шахматистов продолжается. Два дня отдыха — и новая дружеская международная встреча в Стокгольме, новый успех советских гроссмейстеров.

Сало ФЛОР

Члены японского парламента в Москве

Корреспондент журнала «Огонек» обратился к членам делегации депутатов японского парламента с просьбой поделиться своими первыми впечатлениями о пребывании в Советском Союзе.

Ниже публикуем их ответы.

НАОМИ НИСИМУРА,

депутат японского парламента от либеральной партии, глава делегации

В составе делегации депутатов японского парламента, прибывшей в Советский Союз,— представители шести крупнейших партий Японии, люди самых различных политических взглядов, и я считаю это положительным моментом. Хотя между нашими странами, к сожалению, нет еще нормальных дипломатических отношений, среди самых широких масс японского народа постоянно растет интерес к жизни советского народа. Да, наша делегация не является официальной правительственной делегацией, но я не сомневаюсь, что наше пребывание в великой Советской стране поможет установить дружеские отношения между Японией и СССР. Не надо обладать большой наблюдательностью, чтобы заметить, как среди рабочих, крестьян, среди деловых людей, интеллигенции с каждым днем растут стремления к укреплению дружественных связей с Советским Союзом. Эти стремления японского народа следует рассматривать как залог дела мира.

Что нас интересует в Советском Союзе? Мы хотели бы получить ясное представление об экономике вашей страны, вашей торговле, внутренней и внешней, вашем театре, вашем спорте,— одним словом, нас интересует все, потому что все это интересует Японию.

Я считаю, что наша поездка по СССР произведет большое впечатление в Японии. Мы уже решили, что депутаты обеих палат парламента, вернувшись на родину, выступят перед своими избирателями и расскажут все, что мы увидели в СССР.

Прежде всего мы расскажем о том, какой дружеский прием нам здесь был оказан и как люди самых различных профессий, с которыми мы встречались, просто и непосредственно высказывали свое уважение к японскому народу и его древней культуре.

Во время нашей поездки мы испытываем некоторое затруднение. Я имею в виду незнание русского языка. К моему следующему визиту я надеюсь уже говорить по-русски, пусть немного, но все-таки говорить.

Мы собираемся изучить Советский Союз со всех точек зрения, а это важно для возрождения мирных отношений между нашими странами.

Мы хотим изучить не только достижения вашей страны, но и недостатки. В любой стране есть недостатки. Мы желали бы иметь представление и о них, чтобы выяснить истину.

Теперь я отвечу на ваш вопрос о том, какое впечатление на нас произвели Москва и москвичи.

Москва живет мирной и светлой жизнью. Без преувеличения можно сказать, что Москва живет цветущей жизнью. Я гулял по улицам вашей столицы, и я разговаривал с москвичами, пока еще с немногими, но я уже разговаривал с ними, и я хочу сказать, что весь народ поглощен здесь мирным трудом, что он стремится сделать свою жизнь еще более удобной и обеспеченной.

Я впервые нахожусь среди такого большого количества советских людей, и я хочу подчеркнуть, что все мы нашли в этих людях приятных и дружески настроенных собеседников. В заключение я хочу сказать, что чувствую себя в Москве неплохо. Я чувствовал бы себя совсем хорошо, если бы не московская жара. Даже у нас, в Токио, лето прохладнее...

Члены делегации депутатов японского парламента в метро.

СУНАО САНОДА,

депутат парламента, заместитель генерального секретаря прогрессивной партии

Должен сказать откровенно, что человеку, живущему в Японии и читающему японские газеты и журналы, трудно составить верное представление о советской действительности. Только приехав в Москву и увидев ее своими глазами, понимаешь, как мало мы знаем о вашей жизни.

Это и не удивительно: американцы говорят и пишут об СССР только плохое. Я был недавно в США и видел, как там часто унижается и оскорбляется человеческое достоинство. США представляются мне после этой поездки скоростным экспрессом, несущимся в ад. Советский Союз мне тоже хотелось бы сравнить с экспрессом, несущимся в противоположную сторону — к раю. Еще многое надо сделать для того, чтобы достигнуть той цели, которую вы поставили перед собой, но только слепой не заметит, как быстро вы приближаетесь к ней.

В позапрошлом году, как известно, был подписан американо-японский договор в Сан-Франциско. Я был противником этого договора, как и многие другие японцы, потому что все мы видели, что этот договор возводит стену между Японией и ее великими соседями — СССР и Китайской Народной Республикой.

США потерпели провал в своей политике в Азии. Теперь они делают ставку на нашу страну, пытаясь использовать ее в своих целях. Не этим ли отчасти объясняется тот поток лжи, которым заливают Японию американцы?

Одно совершенно ясно: эта ложь приносит огромный вред. И цель этой лжи, как я понимаю, заключается в том, чтобы, не дай бог, не установились хорошие отношения между Японией, с одной стороны, и СССР и Китаем — с другой.

Вы спрашиваете, что я ожидаю от этой поездки. Я прежде всего хотел бы сказать, что я уже получил от нее. Нам пришлось увидеть в Москве много неожиданного. Уровень жизни советских людей гораздо выше, чем можно было предполагать. Самое же сильное впечатление на иностранца производит дружба людей разных наций, каждая из которых чувствует себя равноправным членом вашего союза наций. Я думаю, что именно в этом источник радости советских людей, источник их поразительной уверенности.

Вернувшись, я расскажу обо всем этом своим избирателям.

ХИСАО КУРОДА,

президент рабоче-крестьянской партии Японии, депутат парламента

Самое важное из того, что мы узнали об СССР, произошло через день после нашего приезда — в тот день все узнали, что Советский Союз пустил в эксплуатацию первую в мире атомную электростанцию для использования ее энергии в мирных целях.

Если бы Советский Союз не сделал ничего больше, за одно это он достоин благодарности. Если бы мы здесь не узнали ничего другого, одного этого достаточно, чтобы понять, как много значит Советский Союз для простых людей всех стран.

Когда речь идет об атомной бомбе, то мы, японцы, сразу вспоминаем о той трагедии, которую испытали жители Хиросимы и Нагасаки. Атомные бомбы, разрушившие эти города, как известно, были изготовлены в США и сброшены на японские города с американских самолетов. Весной нынешнего года мы получили еще один предметный урок: американские испытания водородной бомбы в районе Бикини принесли новые несчастья нашему народу. Японские рыбаки, находившиеся во время испытаний в море, подверглись непосредственному воздействию радиоактивного процесса. В связи с этим нет смысла объяснять, почему японский народ выступает против создания запасов атомных и водородных бомб и применения их в военных целях.

Мы от всей души желаем, чтобы атомная энергия использовалась не в военных, а в мирных целях, на благо всего человечества. Советский Союз дает миру прекрасный пример гуманности, и именно поэтому ни один честный человек не может говорить о новой электростанции без чувства благодарности.

Сделал ли я для себя какие-нибудь открытия в Москве? Да, сделал. Растет благосостояние народа, повышается, и, как мне кажется, довольно быстро, жизненный уровень, расцветают искусство и культура.

Каждое утро я выхожу на московские улицы и вижу: люди одеты скромно, но все они здоровы и радостны. И это производит большое впечатление.

Мне особенно хотелось бы отметить, что к нам, как представителям японского народа, в вашей стране относятся любезно. Японский народ имеет большое желание поскорее восстановить нормальные дипломатические отношения между нашими странами, чтобы затем на этой основе развивать экономические, торговые и культурные связи. Это большое желание нашего народа не разделяется нынешним японским правительством. Но мы приехали в Советский Союз по воле нашего народа, и мы надеемся, что наша поездка приблизит лучшие времена. Я еще раз повторяю, ибо мне это кажется важным, что со стороны японского народа растет желание установить дружеские связи с советским народом, и это желание следует рассматривать как силу, стоящую за мир.

Я выступал сегодня по радио на Японию и высказал эти мысли, обращаясь ко всем моим соотечественникам; я буду неустанно повторять их по возвращении на родину.

ВЕЧЕР МОНГОЛО-СОВЕТСКОЙ ДРУЖБЫ

Монгольские и советские общественные деятели собрались 8 июля на вечер, устроенный Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей и Советским комитетом защиты мира в честь проходившего в Монгольской Народной Республике месячника монголо-советской дружбы.

Нынешний год для Монголии — юбилейный. Народ ее отметит в ноябре тридцатилетие провозглашения республики. Неизменной была во все эти годы дружеская помощь Монголии со стороны советского народа.

На вечере Чрезвычайный и Полномочный Посол Монголии в СССР Д. Адилбиш передал советским людям привет по случаю месячника. На вечере присутствовал первый заместитель премьер-министра республики Б. Ширендыб.

Тепло прошел вечер дружбы двух народов. Он закончился концертом, в котором, кроме советских актеров, принял участие молодой монгольский певец Хайдав Тонгор.

Н а с н и м к е: на вечере в честь месячника монголо-советской дружбы.

Фото А. Гостева.

Экспонаты уральских умельцев

Издавна славится Урал своими мастерами по художественной обработке камня. Очень красивы горки из самоцветов, ярко показывающие богатства уральских недр. Собранные одним из старейших мастеров, Дмитрием Кузьмичом Кубиным, они демонстрировались на Международной выставке 1936 года в Париже и на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1939 года.

Вот уже 50 лет собирает горки Александр Иванович Бессонов. И отец и мать Бессонова были известными на Урале горщиками. Александр Иванович обучил редкому мастерству свою жену, сына и дочь.

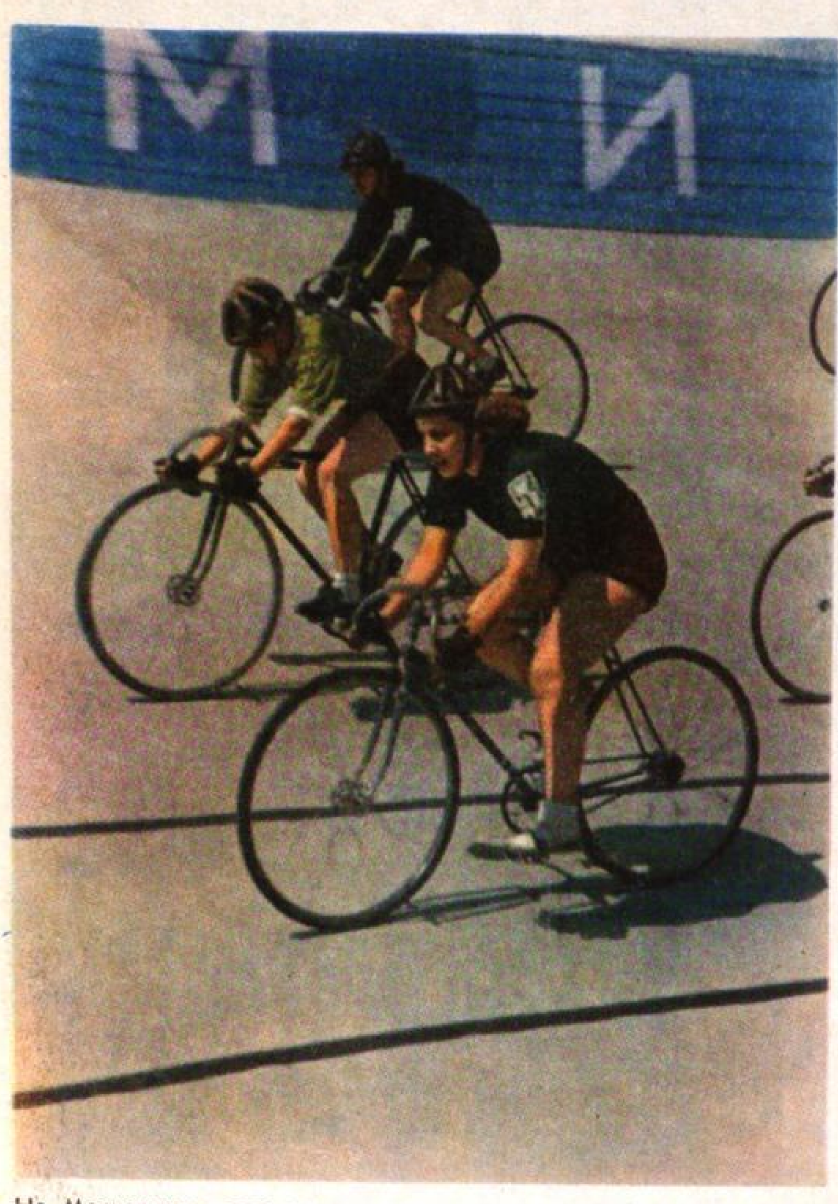
...На мраморном постаменте стоит причудливой формы грот, достигающий человеческого роста. Вверху он увенчан башнями из белого и дымчатого хрусталя. Над входом свисают искусно сделанные сталактиты. Вся горка собрана из самоцветов, сочетание которых представляет собой поистине сказочную картину. Здесь десятки яшм различных рисунков, малахиты, золотистого оттенка берилл, аметисты, топазы, изумруды, знаменитое турмалиновое солнце — редкий, изумительной красоты камень, на поверхности которого во все стороны расходятся стрелы, напоминающие собой солнечные лучи. Более двухсот пород уральских самоцветов вложил мастер в каждую горку.

На свердловском заводе «Русские самоцветы» делали карту Урала. Она смонтирована на огромном стальном листе. Площадь карты — 12 квадратных метров. Несколько месяцев трудились художники над выполнением почетного заказа. Карта обрамлена темнозеленым камнем — змеевиком; золотистой бронзой очерчены границы областей и автономных республик. Около тысячи цветных камней тонкой ювелирной работы показывают на карте крупнейшие города Урала, расположение машинно-тракторных станций, промышленных предприятий, богатства Свердловской, Челябинской, Молотовской, Курганской областей, Башкирской и Удмуртской АССР.

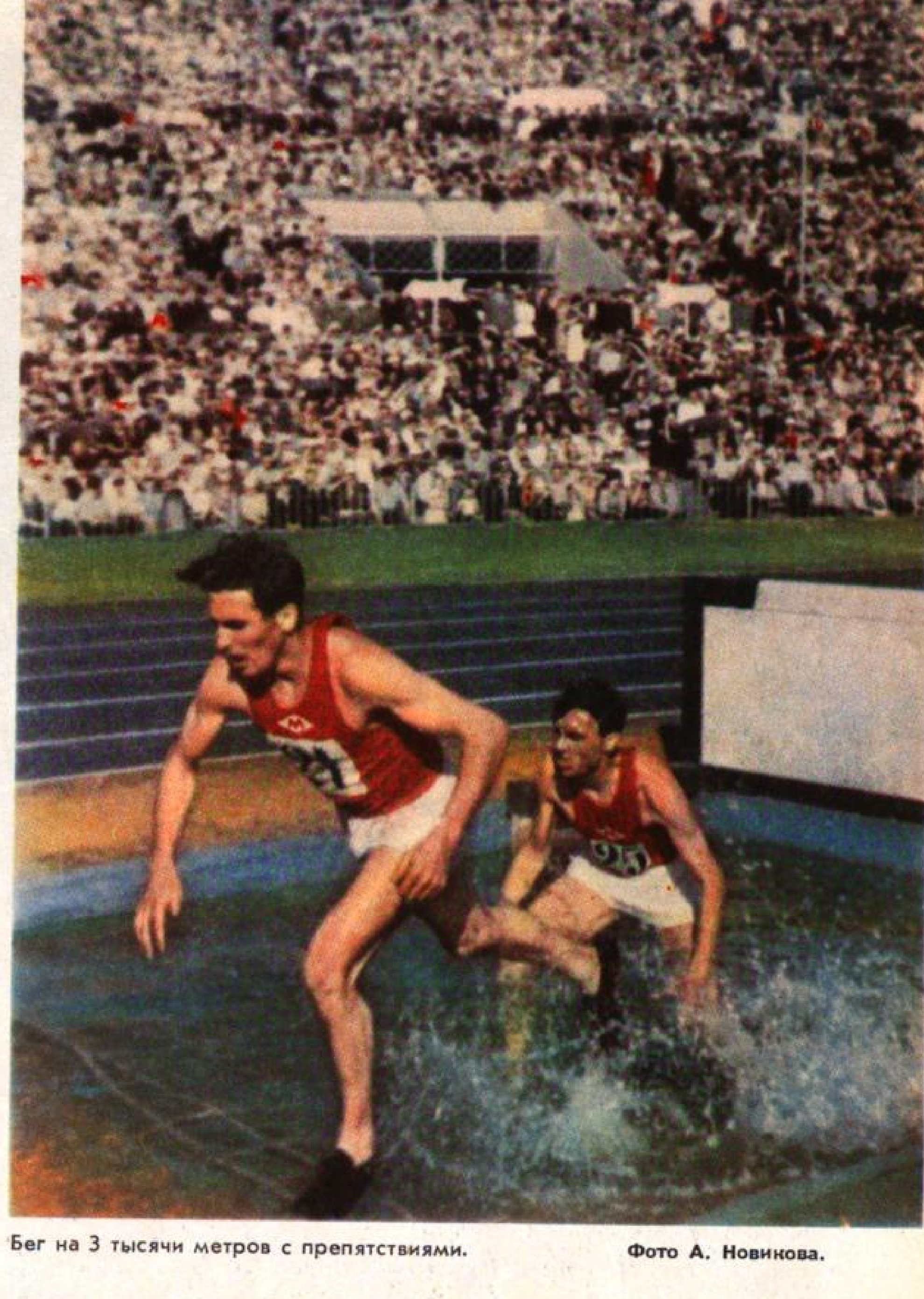
Новые изделия уральских мастеров будут экспонироваться в павильоне «Урал» Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

А. ГРИГОРЬЕВ

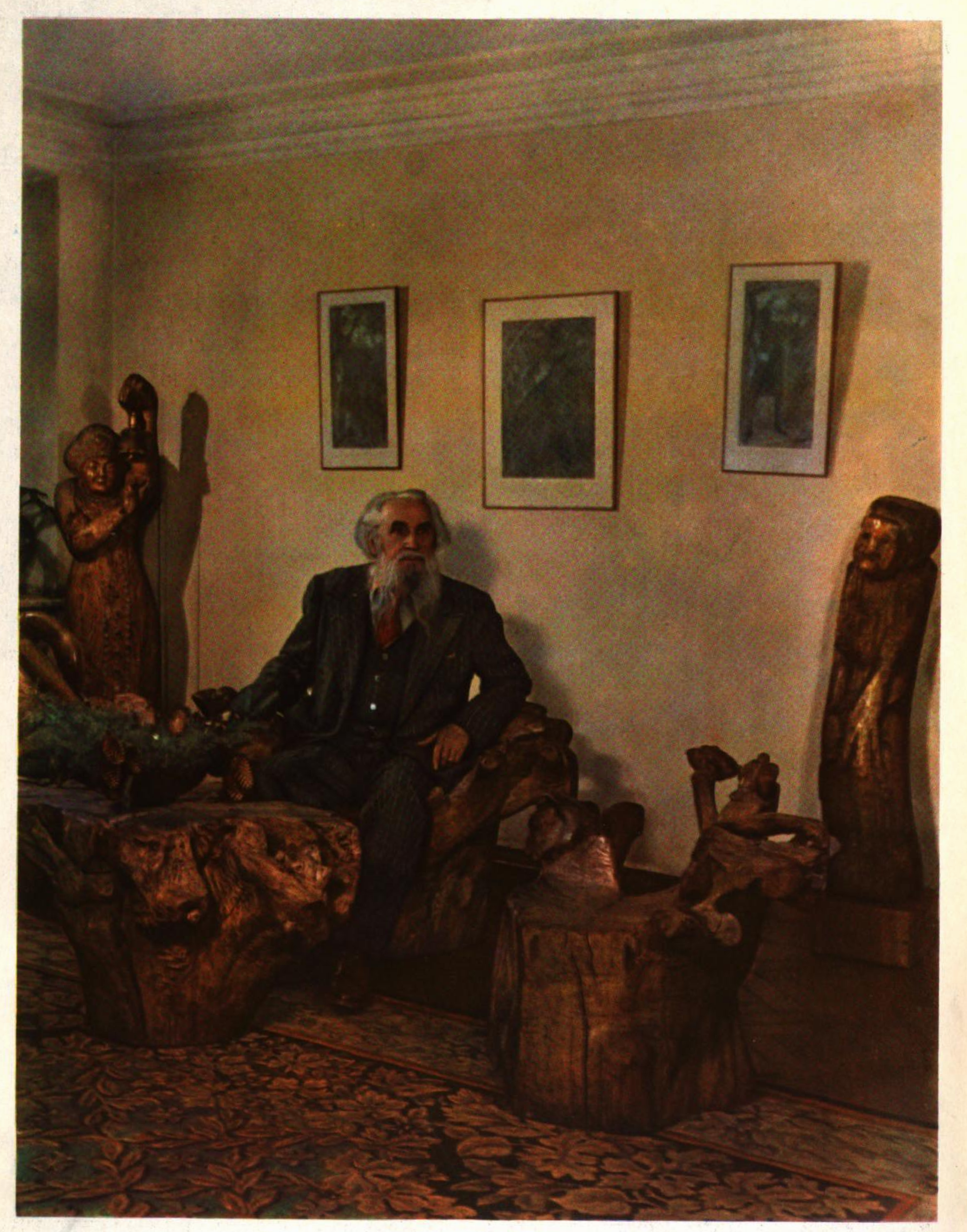

На Московском велотреке. Фото Л. Доренского.

Бег на 3 тысячи метров с препятствиями. Фото А. Новикова.

На Химкинском водохранилище. Фото Л. Доренского.

Лауреат Сталинской премии скульптор Сергей Тимофеевич Коненков.

Фото С. Фридлянда.

Русский скульптор

Человек этот красив во всем — в творчестве, в жизни, в своих делах, чувствах, в самом облике. Высокий, с белоснежной бородой и добрыми, мягкими, горящими юношеским задором глазами, худощавый и подтянутый... Когда говоришь с Сергеем Тимофеевичем Коненковым, забываешь, что за его плечами восемь десятков лет, с такой страстностью и нежностью говорит он об искусстве — этой вечной радости его жизни. На все он смотрит глазами художника, все видит и все чувствует особенно тонко.

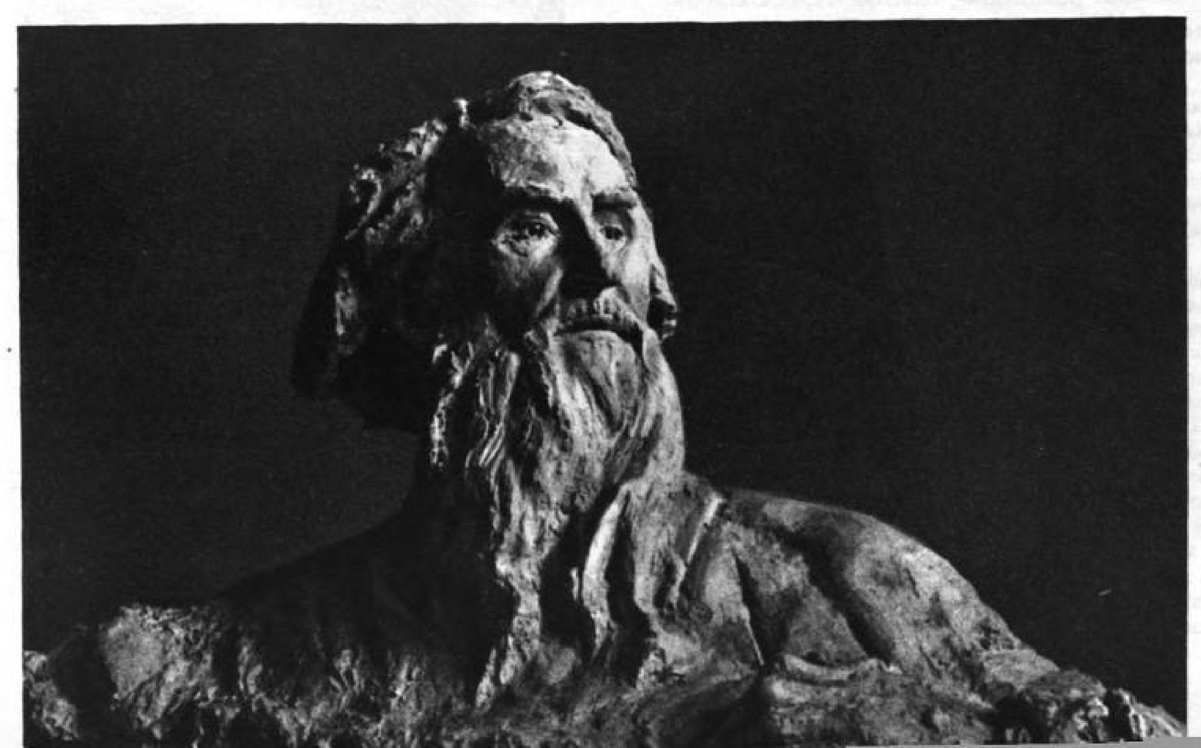
Сергей Тимофеевич Коненков родился 28 июня 1874 года в деревне Караковичи, Ельнинского уезда, Смоленской губернии, в простой крестьянской семье. Берега Десны, просторы родных полей, лесные чащи с их таинственными шорохами, чудесные сказки старого косаря остались навсегда в памяти дорогими и яркими впечатлениями детства.

Коненков рано лишился матери, но до сих пор он вспоминает ее необычайно красивое лицо. Семья была большая и дружная. Сначала тетка, а потом сестра заменили ему мать. Склонность к рисованию проявилась у будущего скульптора очень рано. Его картинками односельчане обклеивали стены своих изб. Грамоте он научился у деревенского учителя, которого на зиму нанимали вскладчину всей деревней. Крестьянскому мальчику посчастливилось окончить гимназию в Рославле. Случилось так, что когда Сергею было лет одиннадцать, сына жившего по соседству помещика готовили в прогимназию. Чтобы барчуку не скучно было учиться, подыскали ему компаньона-сверстника. Этим мальчиком оказался С. Коненков.

Ко времени окончания гимназии увлечение Сергея рисованием окрепло и приняло совершенно определенные формы. Коненков всем сердцем, всем своим существом чувствовал, что искусство — его призвание, назначение, цель жизни. Глава большой семьи Коненковых — дядя Андрей,— обсудив все, решил: пусть Сергей и дальше учится. Юноше было выдано 50 рублей, был куплен билет до Москвы, и он уехал из родного села с тем, чтобы впоследствии стать гордостью родимых мест, выдающимся художником.

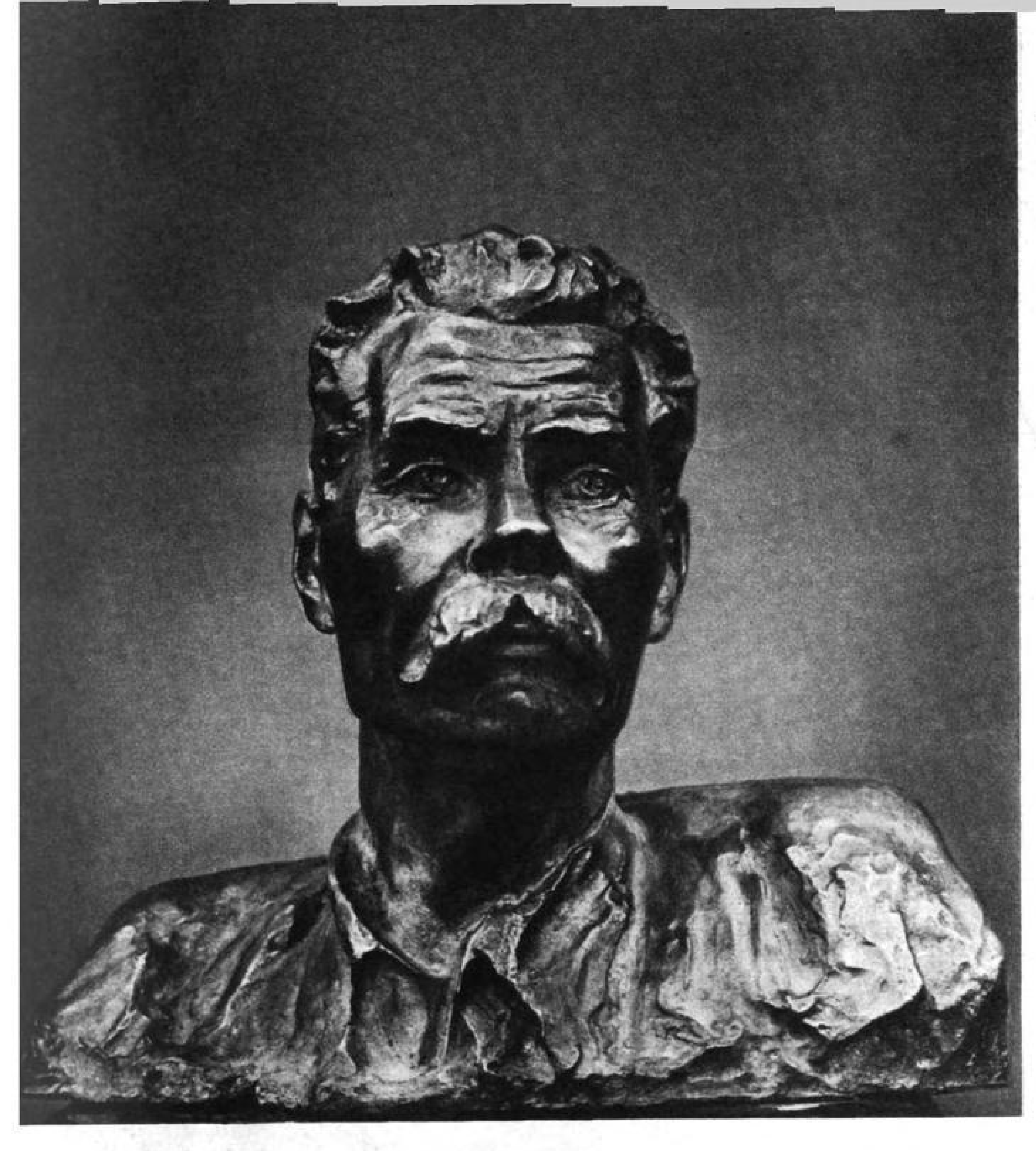
Камнебоец.

Автопортрет.

В 1892 году С. Т. Коненкова приняли на скульптурное отделение Московского училища живописи, ваяния и зодчества — этой замечательной художественной школы, где учились и преподавали крупнейшие русские художники-реалисты. «Заработать кусок хлеба в Москве, — вспоминает скульптор, — мне было очень трудно, но я не унывал, хотя голодал часто».

Учился он у известного русского скульптора С. М. Волнухина, учился превосходно. После серебряной медали, присужденной за работы в натурном классе, получил заграничную

А. М. Горький.

ıандировку. Берлин, Дрезден, Париж и, наıец, Италия — Рим — цель его командиров-
Неизгладимое впечатление осталось у ıожника от этой солнечной страны, от титаıеской мощи творчества гениального Миıанджело.

Io возвращении из Италии — работа в учиıце над статуей «Камнебоец», удостоенной ıльшой серебряной медали. Уже эта скульпıа Коненкова 1898 года, первое его значиıьное произведение, выявила творческие ıремления автора к жизненной правде и ıрой психологической выразительности обıа, своеобразие художественного языка.

Iслед за тем Коненков поступает в петербургскую Академию художеств, которую заканчивает в 1902 году по классу профессора В. А. Беклемишева.

В 1916 году скульптора С. Т. Коненкова — автора многочисленных произведений на темы славянской и античной мифологии, сказок, блестящего портретиста-психолога — избрали действительным членом Академии художеств. По поводу его избрания художественная пресса писала: «...Мы вправе поздравлять Академию с подобным приобретением... Самый русский по корням своего творческого духа из наших ваятелей, он счастливым образом сочетает самобытность с народностью».

Великую Октябрьскую социалистическую революцию Сергей Тимофеевич Коненков встречает в расцвете мастерства. Все силы, весь свой талант отдает он на службу советской Родине, активно участвуя в осуществлении ленинского плана монументальной пропаганды. В 1919 году Коненковым выполнена была для Кремлевской стены мемориальная доска бойцам революции, павшим в дни Октября.

С 1923 по 1945 г. Коненков живет в США, но длительное пребывание художника в этой стране ни в какой степени не наложило отпечатка на творчество и на облик русского художника. Эти двадцать с лишним лет, проведенных вдали от Родины, он с гордостью держал знамя русского искусства, прославляя своим творчеством русскую реалистическую школу изобразительного искусства. Вдали от Родины им были созданы портреты А. М. Горького, Ф. М. Достоевского, Ф. И. Шаляпина, С. В. Рахманинова и многие другие.

В 1928 году С. Т. Коненков побывал в Сорренто, где в то время жил великий пролетарский писатель. Встречи и беседы с Горьким, портрет которого делал скульптор, произвели на Сергея Тимофеевича сильнейшее впечатление. Об этом портрете Алексей Максимович Горький писал на Родину: «Прилагаю снимок с работы С. Т. Коненкова. Все, кто видел бюст, находят его сделанным великолепно и очень похожим на оригинал».

Талант Коненкова-портретиста достиг наивысшего расцвета по возвращении его на Родину.

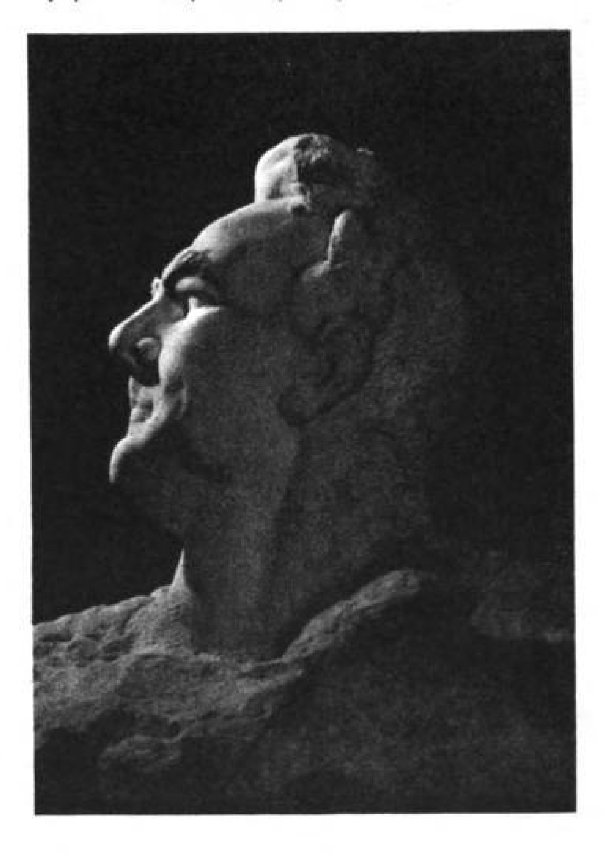
Н. Белояннис, герой греческого народа.

В 1951 году С. Т. Коненкову за портретные бюсты «Марфинька» и «Девочка» — обаятельные образы девушки и счастливого ребенка — была присуждена Сталинская премия. Умение увидеть и передать духовный мир человека, непосредственность, простота и свежесть чувства отличают эти портреты.

Последующие работы Коненкова — новый шаг вперед в творчестве этого замечательного и самобытного мастера советской скульптуры. Портреты гениального русского ученого И. П. Павлова, академика Героя Социалистического Труда Н. Д. Зелинского, Н. А. Пешковой и многие другие... Блестящая галерея портретов замечательных советских людей, созданных Коненковым, растет с каждым годом. Работает он чрезвычайно напряженно. И сейчас, когда художник пришел к своему восьмидесятилетию, попрежнему талант его ярко сверкает и искрится.

За свою долгую творческую жизнь С. Т. Коненков выполнил свыше четырехсот работ. Технические затруднения не существуют для художника, который великолепно использует и мрамор и дерево, давая глубокую психологическую характеристику образа. Мрамор как бы оживает под рукой замечательного мастера, теплеет, придавая его скульптурам полнокровную жизненную убедительность. Но особенно велико значение С. Т. Коненкова в возрождении деревянной скульптуры.

Выдающемуся советскому скульптору созданы все условия для творческой работы. «Лучшая студия в мире»,— говорит Сергей Тимофеевич о своей мастерской. Здесь новые его работы — барельефы для Института геохимии имени академика Вернадского, проект скульптурных украшений театра в Петрозаводске, портреты в дереве, мраморе, глине...

Ф. И. Шаляпин.

Только что С. Т. Коненков закончил автопортрет. Это его большая творческая удача. Почти готов в дереве портрет колхозницы — молодой, красивой русской девушки. Сколько в ней поэтической прелести, правды и убедительности! Она станет в ряд обаятельных коненковских женских образов, издавна любимых зрителями. Но в ней новое внутреннее содержание. Это песня о советском человеке, о советской женщине — простой, милой, строгой, трудолюбивой и гордой.

Секрет необычайного воздействия произведений художника на зрителя заключен в том, что во всех работах Коненкова сказывается активное отношение художника к жизни, к натуре, ко всему, что он видит и передает. В основе этого отношения — любовь к Родине.

Н. ТОМСКИЙ,
народный художник РСФСР.

НА РОДИНЕ ШОПЕНА

В сорока километрах от Варшавы, на обочине широкого шоссе, связывающего польскую столицу с городом ткачей Лодзью, стоит дорожный знак, указывающий поворот в сторону Желязовой Воли. На боковую дорогу-аллею то и дело сворачивают переполненные автобусы.

Желязова Воля, небольшая деревушка на берегу извилистой речки Утраты, хорошо известна польскому народу: полтора века назад здесь родился Фредерик Шопен.

Детство Фредерика Шопена проходило в Варшаве, где он учился в музыкальной школе, но юный композитор не забывал родные места и часто навещал их. Последний раз он побывал здесь в двадцатилетнем возрасте, после окончания музыкальной школы, перед отъездом в Париж.

И тогда, когда великий композитор находился вдали от родины, он был связан с ней всеми своими мыслями и чувствами. Его творчество полно вдохновенной напевности, свойственной славянской народной музыке.

За свою недолгую жизнь Шопен написал больше 200 произведений: концерты для фортепиано с оркестром и сонаты, баллады и фантазии, этюды и прелюдии, ноктюрны и полонезы, мазурки и вальсы, песни и вариации. Гений польского композитора, вдохновенного выразителя дум и чаяний своего народа, снискал всеобщее признание. Но в Желязовой Воле о нем забыли. После разорения прежних владельцев имение переходило из рук в руки, и флигелек, в котором родился и жил Шопен, со временем был превращен в... хранилище овощей. В таком виде и застал домик осенью 1891 года великий русский композитор Милий Балакирев. Горячего пропагандиста творчества Шопена, автора шопеновской сюиты, взволновало то, что варшавяне предали забвению Желязову Волю. Полный негодования, Балакирев приехал в Варшаву и забил тревогу. Его поддержала общественность. Однако на выкуп усадьбы и создание музея не было средств. Тогда прогрессивная польская интеллигенция почтила память Шопена открытием 14 октября 1894 года в Желязовой Воле обелиска с медальоном-портретом композитора.

Лишь незадолго до второй мировой войны ворота усадьбы раскрылись для посетителей. Гитлеровцы разрушили и разграбили домик композитора.

Новая жизнь в Желязовой Воле началась с установлением в Польше народно-демократического строя. В первые же послевоенные годы усадьбу восстановили на средства народного государства. Урну с сердцем Шопена, сохраненную патриотами во время войны, привезли в Желязову Волю.

На открытии шопеновских торжеств, посвященных сотой годовщине со дня смерти композитора, Болеслав Берут говорил: «Творчество Шопена должно стать достоянием миллионов простых людей в Польше и служить благородным идеям братства народов. Пусть горячий патриотизм Фредерика Шопена, которым проникнута вся его поэзия, станет вдохновением миллионов в их работе по строительству счастливого завтра».

Теперь в Желязову Волю приходят и приезжают польские рабочие и крестьяне, зарубежные гости. Ежегодно в день рождения Шопена и в день его смерти здесь устраиваются большие концерты. В летнюю же пору музыка звучит каждое воскресенье.

Посетители проходят в гостиную, стены которой увешаны портретами композитора, затем — в концертный салон, а еще дальше — в комнату, где стоит фортепиано, за которым Шопен творил в последние годы жизни. На крышке фортепиано — гипсовая копия посмертного отлива левой руки композитора. Отсюда дверь ведет в маленькую комнатку с надписью: «Здесь родился Фредерик Шопен 22 февраля 1810 года».

Перед окнами концертного салона, у самого домика, небольшая площадка. Сотни людей располагаются здесь, слушая бессмертную музыку.

Польский народ свято хранит память о своем великом земляке. В силезской деревне Душники, где молодой Шопен выступал с концертами, ежегодно проводятся шопеновские фестивали. Музыку Шопена сегодня знают в самых глухих уголках страны.

В Варшаве есть общество имени Фредерика Шопена. Секретарь его Мечислав Идзиковский с гордостью рассказывает о научных исследованиях музыковедов, об издательской деятельности, о создании Музея Шопена, который размещается в одном из старинных замков в центре Варшавы. Музей будет иметь свой концертный зал.

В Польше стало традицией проводить международные конкурсы имени Фредерика Шопена. В трех из четырех конкурсов первые награды получили советские пианисты Лев Оборин, Яков Зак, Белла Давидович. Пятый конкурс откроется 22 февраля будущего года. Сообщение о нем вызвало огромный интерес во всех странах. Уже поступают извещения о согласии виднейших пианистов участвовать в конкурсе.

Великий и своеобразный талант Фредерика Шопена известен всему миру. Но особенно горячо любят творения композитора в демократической Польше. И сейчас, когда страна готовится торжественно отметить десятилетие установления народной власти, произведения Шопена звучат не только с театральных сцен и в филармониях, но и в рабочих и сельских клубах его музыку исполняют и профессионалы и любители. Эта музыка зовет людей на радостный труд во имя счастливой жизни.

А. ЛУКОВЕЦ

Варшава.

Фото Францишка МИШКОВСКОГО.

Желязова Воля. Дом-музей Фредерика Шопена.

Замок в Варшаве, в котором создается Музей Фредерика Шопена.

Памятник Фредерику Шопену в Желязовой Воле.

РАССКАЗ О ЗАЛИВНЫХ ЛУГАХ

Матей СЛОМЧИНСКИЙ

Рисунки О. Верейского.

— Придет или не придет?

Гаворек подошел к распахнутому окну и высунулся наружу.

Именно в эту минуту появился Братек. Вслед за ним в правление вошла женщина, высокая и сутуловатая. Они вместе приблизились к столу.

— Вот она, эта бумага,— сказала женщина и положила перед Смоликом листок.— А тут он расписался.

Женщина ткнула пальцем в три неровных креста под несколькими строчками, выведенными детским почерком.

Братек кивнул головой, подтверждая этим справедливость слов женщины, потом повернулся и направился к двери. Смолик и Гаворек успели заметить, что Братек был трезв. Жена его осталась стоять возле стола, прижав пальцем бумагу и повернув голову в сторону уходящего. Все трое смотрели ему вслед. А Братек шел не спеша, тяжело шаркая ногами. Положив ладонь на дверную ручку, он оглянулся назад. Быть может, он желал убедиться, что жена идет вслед за ним, а может быть, просто хотел посмотреть, что происходит за его спиной и почему там воцарилась такая тишина. Братек не сказал ни слова и спокойно отворил дверь. Всех ослепили лучи предвечернего солнца, скользившие над полями, которые протянулись до самого горизонта. В застекленном шкафчике сверкнули разноцветные корешки книг.

Братек переступил порог, закрыл за собой дверь, и книги в шкафчике потускнели.

— Вот он и пришел... Видал? — Гаворек недоверчиво покачал головой. — Чудеса, просто чудеса!

— Мы и не такие чудеса видали,— сказал Смолик.

И это была правда. Им приходилось видеть вещи куда более удивительные. Но случай с Братеком доставлял им особенно много хлопот. Смолик потянулся к столу и взял в руки бумагу. Женщина посмотрела на Гаворека.

— Скажите, вы его обязательно примете?

Смолик утвердительно кивнул. В течение нескольких последних дней она не давала ему покою ни в поле, ни в правлении, ни дома — все время расспрашивала об этом. Он вполголоса прочел заявление:

«Я, нижеподписавшийся, Ян Братек, сын Станислава, родившийся 10 мая 1908 года, прошу принять меня в члены земледельческого производственного кооператива в Котишове. Земли у меня никакой нет, но я обязуюсь работать в поле и всюду, где потребуется».

Под заявлением стояли три креста.

Смолик спрятал листок в картонную папку, где хранил протоколы собраний.

— Примем, конечно, если собрание согласится. Вы же знаете, Ганка, наши не очень-то верят тому, что он действительно станет работать.

Женщина даже не пошевелилась и ничего не ответила. Смолик взглянул на нее и увидел, что она плачет. Женщина не отворачивалась, губы у нее не дрожали, но по щекам ее текли слезы, и Смолик, хотя он не раз видел ее плачущей, пожалел о сказанных им словах.

— Не плачь, Ганка, не плачь. Ведь должно же все как-то уладиться.— Гаворек обошел вокруг стола и приблизился к ней.— Ты же сама понимаешь, как трудно будет нам это сделать. С фабрики его прогнали, с сахарного завода — тоже. Поехал на строительство сталелитейного — прогнали, да еще посадили на две недели за хулиганство. Пьяница он, скандалист... Тебя колотит, детей колотит. А в деревне, известно, люди все видят и обо всем знают.

Смолик думал, что женщина сейчас заголосит, но она лишь покачала головой, отошла от стола и уселась у самой стены, вытирая глаза краем полинявшего голубого передника.

В правление вошли Козубова и Франек Беляк. Франек издали кивнул Ганке и подошел к председателю. Козубова ласково ей улыбнулась. Они были знакомы еще с детства.

— Что будет на собрании?

— Да вот в члены кооператива одного будем принимать...— немного смутившись, ответил Смолик.

— Ну, это нам уже известно,— сказала Козубова, запустила руку в карман передника и вытащила из него горсть подсолнухов. Она протянула семечки Ганке, которая взяла их и принялась грызть, смахивая по временам рукавом слезы.

— Скоро начнем? — спросил Франек, который не любил собраний и утверждал, что о серьезных делах можно говорить спокойно лишь тогда, когда соберется не больше трех человек. Он был хорош собой, и девушки не сводили с него глаз. Видимо, именно поэтому Франек не слишком верил в то, что женщины способны решать дела кооператива. Но Франек был человек дисциплинированный, лишь год назад он вернулся из армии и понимал, что не должен вступать в пререкания с председателем правления Смоликом, который ему объяснял, как надо воспитывать женщин, чтобы они наравне с мужчинами могли управлять хозяйством. Смолик беседовал с ним часто и подолгу, зная, что придется положить еще немало труда, прежде чем в парне устоится все то, что не успело устояться на военной службе.

— Начнем, как только соберется народ,— сказал Смолик.

— С поля уже едут...— Франек подошел к двери и выглянул на улицу.

В правление ввалилась толпа девушек. Все они были босые, так как день стоял жаркий. Девушки уселись на скамью и начали о чем-то шушукаться. Потом, один за другим, потянулись люди, работавшие в кооперативных конюшнях. Наконец, с поля вернулся трактор, со всех сторон облепленный ребятишками. Все это время Смолик ходил по комнате, не обращая внимания на вопросы девушек, и раздумывал о том, что он сейчас им всем скажет. Когда люди, приехавшие на тракторе, вошли в правление, председатель окинул взглядом собравшихся:

— Кажется, все?

— Все!.. Все!..

Смолик быстро пересчитал пришедших, старательно обходя ребятишек, усевшихся на полу возле двери, и Ганку, одиноко сидевшую у окна. Козубова перешла к подругам, с которыми вместе работала на скотном дворе.

Председатель вернулся к столу, вынул из папки бумагу и еще раз окинул взглядом собравшихся. Девушки перестали шушукаться, поправили на головах косынки и начали разглаживать ладонями юбки.

— Тут к нам поступило одно заявление...— сказал председатель и не спеша прочитал бумагу.

Его слушали внимательно, хотя еще со вчерашнего дня знали, что Братек намерен вступить в кооператив. Смолик кончил читать и сел.

— Кто желает высказаться?

В комнате воцарилась тишина. Потом люди начали переглядываться. Первым поднял руку тракторист.

— Хотелось бы мне знать,— сказал он,— почему здесь нет самого Братека? Разве он не пришел на собрание?

Председатель развел руками и указал глазами на женщину под окном.

— Не пришел, — ответил он, — но жена его здесь.

— Жену-то его мы знаем... — поднялась со своего места Козубова и посмотрела на Ганку.— Она хорошая женщина и, пожалуй, самая несчастная во всей деревне. Ее бы мы сразу приняли...— Козубова помолчала и снова обратилась к председателю: — К чему нам зря чесать языки, ведь мы же здесь свои! Братек — пьяница, скандалист и бездельник! С работы его всюду гонят. Жрать ему стало нечего, вот он и просится к нам. Думает, что мы примем любого, так как заинтересованы в том, чтобы люди вступали в кооператив. Но я вас спрашиваю, какая нам от него польза? Мне кажется, никакой. Вот только Ганку мне жаль. Ведь у них пятеро детей. Но что мы можем поделать? Кооператив существует для того, чтобы в нем работать...— Она хотела еще что-то добавить, но посмотрела на Ганку и села.

Смолик покачал головой. Люди на скамьях зашептались. Головы поворачивались из стороны в сторону.

— Кто еще хочет что-нибудь добавить?

— Дело тут такое...— начал Кендзёра, который был здесь самым старым и пользовался общим уважением. Девушки перестали шушукаться.— Дело тут такое, что мы, то есть наш кооператив, находимся у всех на виду. Если в кооперативе все идет хорошо, то и слава о нас хорошая, но если случится плохое, то враги наши сразу постараются этим воспользоваться. Вот в прошлом году, когда у нас вымерзла картошка, весь уезд болтал, что кооперативы ни черта не стоят. Есть такие люди, которые постараются, чтобы о приеме Братека мигом все узнали...— Он тыльной стороной руки вытер усы и с минуту стоял, призадумавшись.— А к этому Братеку я отношусь так же, как и Марыська Козубова. Ганку мы знаем и жалеем, но кооператив для нас важнее всего. Хлебнем мы с этим Братеком горя, да и стыда наедимся. Пойдут разговоры, что мы всякий мусор к себе тащим. Вот почему я не вижу пользы...

Кендзёра сел. Смолик посмотрел на Гаворека, который всегда его поддерживал в трудную минуту, но Гаворек только развел руками. «Выходит, я проиграл»,— подумал председатель. Ну, что же, иногда приходится и проигрывать. Он был зол, но в то же время чувствовал прилив какой-то радости. Еще год назад они приняли бы этого Братека без единого слова, так как тогда мало интересовались судьбами кооператива. А сегодня успех кооператива стал для них самым важным делом. Смолик опять взглянул на жену Братека. Женщина уже не плакала. Она сидела, низко опустив голову. Руки ее, сложенные, как для молитвы, безжизненно упали на колени.

— Правильно говорит Кендзёра,— сказал кто-то громким голосом.— Не стоит такого принимать. Пусть сначала покажет, что он исправился, вот тогда и примем.

Смолик встал.

— Ну, кто еще?.. Если никто, то позвольте и мне сказать несколько слов.

— Мы свое уже сказали.— Франек погасил окурок о голенище сапога.— Никто из нас зла ему не желает, но кооператив не богадельня. Мы пример должны подавать!

— Еще кто?

— Говори,— сказал Гаворек.

Смолик глубоко вздохнул и посмотрел на лежавший перед ним листок бумаги. За окном сгущались сумерки, и слов он уже не мог разобрать, но ясно видел три креста, нацарапанные Братеком.

— Все, о чем вы здесь говорили, верно, но в то же время и неверно...— начал председатель. Люди зашумели и утихли. Смолик покосился в сторону Ганки. Она подняла руки и заслонила ими лицо.— Сама работа еще далеко не все, хотя все здесь покоится именно на работе. Отцы наши тоже тяжело работали, а жили впроголодь. Да и мы с вами работали с самого детства, а жизнь у нас была никудышная. Теперь мы работаем не больше, чем раньше, а живем лучше.— Он снова замолчал и призадумался. Зачем он все это им говорит? Ведь они сами знают. Разве мало было собраний, на которых говорилось о переменах в их жизни и причинах этих перемен? Но он должен был это сказать, так как все здесь переплеталось между собой, и ему самому надо было убедиться, что он поступает правильно.— Вот перед нами лежит заявление Братека. Вы говорите, что он пьяница и лентяй, избивающий жену и детей, и с этим я не могу не согласиться, так как все это правда. Правда и то, что в деревне у нас еще немало таких, которые будут над нами издеваться, заявляя, что мы сгребаем весь мусор. Вы говорите, что нам нельзя выставлять себя на посмешище. Но я думаю, что вы не правы, когда так говорите. Вспомните, когда мы начали осушать заливные луга, над нами тоже насмехались и твердили, что таких инженеров, как мы, скорее кондрашка хватит, чем с этих лугов сойдет хоть капля воды. А теперь каждый может распахнуть дверь и убедиться, что на бывших лугах растет пшеница.

Вы говорите, что Братек потому идет к нам, что ему нечего жрать. Но ведь мы все пришли сюда, в этот кооператив, отчасти потому, что нам не хватало хлеба до нового урожая. А у Братека семья! Жена его — трудолюбивая женщина. Надо попытаться ему помочь, а не оглядываться на то, каким человек был раньше. Если удастся — хорошо. А не удастся — пусть пеняет на себя, мы всегда сможем с ним распрощаться. Но попробовать надо, потому что кооператив мы создали для того, чтобы изменить не только нашу жизнь, но и жизнь всей деревни. Все это я говорю здесь затем, чтобы мы, прежде чем сказать «да» или «нет», подумали не о том, много или мало будет работать Братек, а о том, может ли коллектив его исправить и стоит ли нам за это браться. Если вам кажется, что это наверняка не удастся и мы должны бросить его жену и детей, как говорится, на произвол судьбы, тогда давайте голосовать за то, чтобы не принимать.

Смолик замолчал и посмотрел на собравшихся. Ему пришлось выждать несколько минут, так как никто не отзывался. И он ждал. Теперь вопрос должен был решиться окончательно в ту или иную сторону.

— Старшей из его девочек, наверно, уже лет четырнадцать...— не вставая со своего места, тихо произнесла Козубова.— Она могла бы присматривать за младшими, а мать пошла бы в поле работать вместе с мужем. Вот они бы и зарабатывали на хлеб. Можно бы также приставить Ганку к скотному двору, чтобы ей было ближе ходить. Скота у нас все прибывает, и мы с Ядзькой и Гелей едва справляемся...

Потом еще кто-то сказал, что следовало бы попробовать. Кооператив выдержит, даже если они ошибутся и примут не одного, а десять таких Братеков. Все равно выдержит.

Когда стали голосовать, все поддержали председателя без большой внутренней убежденности, но и без горечи. Действительно, их кооператив мог выдержать и прокормить в течение целого года даже не одного Братека. Но Смолик понимал, что никто из них не собирается позволить Братеку бездельничать. Люди будут внимательно следить за тем, как работает новый член кооператива. На следующем же собрании он, председатель, узнает об этом, даже если сам не успеет присмотреться как следует к работе Братека.

Люди начали расходиться. Смолик сделал знак Гавореку и Козубовой, чтобы они остались на минутку.

— Придется тебе, Марыська, сходить к ним и потолковать с Ганкой о первом авансе.

МИР

Леопольд СТАФФ

О ясное утро мира!
Проходят над нами тучи,
Но разве они закроют
Сияние светлой зари!
Нам зло еще сердце ранит,
Но боль покидает нас быстро,
Быстрей перелетных птиц.
Не справиться ночи с солнцем,
И радость в наш дом вступает
В раскрытую настежь дверь!

Перевел с польского Марк ЖИВОВ.

Пусть она сама возьмет деньги, а не то Братек их пропьет. Мужик должен отвыкнуть от водки. С ним я поговорю сам, а Ганку мы направим на скотный двор, и вы объясните ей, что к чему.

— Ну, уж это как водится,— засмеялась Козубова.— Ты меня не учи. Я проголосовала за то, чтобы их принять, и отступать не собираюсь.

С Гавореком он обсудил вопрос о том, куда определить Братека на время приближающейся жатвы. Они решили, что лучше всего будет послать его к Франеку, потому что Франек не пьет и умеет скрутить любого лентяя.

Когда Смолик остался один, он зажег свет и вписал в протокол решение о приеме Яна Братека в члены кооператива. Потом он сунул папку подмышку, повернул выключатель и вышел на улицу, тщательно заперев дверь большим старым ключом, помнившим еще те времена, когда помещение правления было охотничьим двориком, вход в который оберегали каменные гербы князей Любомирских.

Председатель спрятал ключи в карман с тем удивительным и непонятным чувством, которое он испытывал в трудные минуты жизни. Сам удивился, откуда у него берется эта озабоченность и в чем таится ее начало. «Не стоит слишком много раздумывать,— решил Смолик.— Одним Братеком больше, одним меньше, ведь не это же главное». Но он отлично знал, что не сможет теперь успокоиться: если какие-то мысли овладевали им, то расстаться с ними было ему не под силу. Главное заключалось в том, что у Братека были дети. Пятеро маленьких ребятишек, которых родила ему Ганка, любившая своего беспутного мужа. Чем больше была их нищета, тем больше у них становилось детей. В кооперативе детишками займутся. Теперь, когда они приняли Братека, это становится их обязанностью. Но что будет, если Братек не захочет работать, снова запьет и его придется гнать из кооператива? Что будет с этими маленькими человечками, которые ни в чем не повинны, но за все должны отвечать своим здоровьем?

На дворе была уже ночь. Красный месяц висел в синеве над крышами конюшен.

В ночном свете лицо мужчины, стоявшего под одним из деревьев, показалось председателю и моложе и мягче. Он остановился и подождал, пока тот не подойдет к нему своим медленным, шаркающим шагом.

— Так вот я... насчет того... когда мне выходить на работу? — Голос Братека был хриплым и неуверенным.

— Да хоть бы и завтра с утра.— Смолик старался, чтобы слова его прозвучали совершенно спокойно и так, словно все это само собой подразумевалось.

— Ну, так я завтра выйду.

Братек повернулся и зашагал прямо к дороге. Из темноты показалась высокая, сутуловатая фигура женщины, последовавшей за ним.

Смолик медленно пошел к конюшням. На половине пути он на секунду остановился и оглянулся. Женщина и мужчина уже исчезли за поворотом полевой тропки, которая вела прямо к деревне и скрывалась среди деревьев.

Председатель направился к дому, где жена поджидала его с ужином. Дети, наверно, уже спали. Дочь Ганка в последнее время опять была нездорова. Доктор сказал ему, что ее обязательно надо отправить в горы. Ну, раз надо, значит, надо. Смолику было жаль расставаться с больной девочкой и отдавать ее в чужие руки.

Ганка была старшей из его дочерей, она родилась перед самым началом войны. Потом, когда он партизанил, а жена работала батрачкой у Любомирских, девочка захворала. Это голод ее тогда так согнул. Теперь он и жена следили за тем, чтобы Ганка питалась получше, но это не помогало.

Смолик остановился. Свет луны широко разливался по полям, которые недавно еще были заливными лугами. Еще два года назад над ними раздавалось неумолчное и сонное кваканье лягушек.

Председатель невольно прислушался, но до его слуха не донеслось ничего, кроме тихого шелеста. Это шумела дозревающая пшеница под крылом теплого ночного ветра.

Перевел с польского
Валериан АРЦИМОВИЧ.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Абай Кунанбаев

Прошло полвека со дня смерти классика казахской литературы Абая (Ибрагима) Кунанбаева (1845—1904). Это был крупнейший поэт-просветитель, зачинатель новой письменной казахской литературы, заложивший основы казахского литературного языка. На его оригинальном, самобытном творчестве ярко сказалось благотворное влияние передовой русской общественной мысли.

Назначение поэта Абай видел в служении родине, народному благу. Он выступал против самоуправства родовой знати и осуждал реакционеров, пытавшихся путем искусственного разжигания религиозного фанатизма отгородить казахов от России; он считал, что будущее казахского народа в его тесной связи с русским народом.

«Русские видят мир,— писал Абай.— Если ты будешь знать их язык, то на мир откроются и твои глаза. Изучай культуру и искусство русских. Это ключ к жизни. Если ты получил его, жизнь твоя станет легче... Узнавай у русских доброе, узнавай, как работать и добывать честным трудом средства к жизни. Если ты этого достигнешь, то научишь свой народ и защитишь его от угнетения».

Более чем двадцатилетняя дружба связывала Абая с учеником Чернышевского — Е. П. Михаэлисом, сосланным в Семипалатинск. Абай был знатоком казахского народного творчества, изучал Пушкина, Лермонтова, Белинского, Чернышевского, Шевченко, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого, классиков народов Востока — Фирдоуси, Низами, Хафиза, Навои, Физули. Абаем переведены басни Крылова, отрывки из «Евгения Онегина», стихотворения Лермонтова. Его творческий перевод письма Татьяны Онегину вскоре же стал одной из излюбленных песен казахского народа.

Выступив как новатор в области поэзии, Абай с глубоким сочувствием и скорбью говорил о тяжелой участи простого народа, обираемого эксплуататорами. Поэт писал, что «бай не поможет бедняку», хотя «у бая много пастухов и юрта хороша, а бедный мерзнет сам в степи, скотину сторожа».

Ныне художественное наследие казахского классика стало достоянием советского читателя, а юбилей Абая — большим культурным событием в жизни всех народов нашей социалистической Отчизны.

Л. КЛИМОВИЧ

О советской комедии

Если не считать книги В. Ермилова «Некоторые вопросы теории советской драматургии», наша литературная и театральная критика за последние годы не дала ни одной сколько-нибудь значительной работы о комедии. И поэтому закономерен интерес, с которым встречают книгу В. Фролова.

Автор анализирует комедии А. Корнейчука, Б. Ромашова, В. Гусева, К. Крапивы, В. Шкваркина и других советских драматургов. Этот анализ убеждает, что каждый успех советской комедии неразрывно связан с подлинно творческим освоением лучших традиций русской классической драматургии.

Разбирая наиболее интересные советские комедии, В. Фролов привлекает богатый материал из творческой практики советских режиссеров и актеров, работавших над сценическим воплощением этих пьес. Показанный в книге опыт работы лучших театров Москвы, Киева и Минска над комедиями «Великая сила» Ромашова, «В степях Украины» Корнейчука, «Кто смеется последним» Крапивы помогает читателю глубже и конкретнее разобраться в особенностях этих пьес.

Чуждые советскому искусству люди не раз пытались убить жизненно правдивую советскую комедию — комедию высоких идей, ярких характеров и грозного обличения. Напоминая об этом, книга одновременно разоблачает и формалистов, пытавшихся увести этот боевой жанр с широкого реалистического пути в кривые закоулки бессодержательного трюкачества, и ревнителей бесконфликтности, объявлявших вне закона изображение отрицательных, якобы «нетипичных» персонажей.

В последнее время некоторые драматурги занялись исключительно показом отрицательных явлений и забыли о насущной необходимости глубже раскрывать образы современников, борющихся с теми, кто мешает нашему движению вперед. Автор книги «О советской комедии», опираясь на высказывания русских революционных демократов и указания партии по вопросам искусства, показывает художественную несостоятельность попыток изображения на сцене одних только темных пятен нашей действительности. Советская сатира, с какою бы силой ни обрушивалась она на пороки людей, не может существовать без утверждения положительного начала, подчеркивает В. Фролов. Правдивое, художественно верное изображение сатирических типов не имеет ничего общего с вульгарным копированием и произвольным подбором фактов жизни, с обеднением советской действительности.

Болезненно отражается на развитии советского театра жанровая бедность и однообразие нашего комедийного репертуара. Заостряя этот важный вопрос, автор, исходя из богатейшего опыта русской драматургической классики и лучших произведений советской драматургии, убедительно раскрывает поистине безграничные жанровые возможности нашей комедиографии — от сатирической и лирической комедии до водевиля и обозрения.

Наша театральная критика в свое время недооценила ряд хороших комедийных произведений советских драматургов. И весьма отрадно, что В. Фролов уделяет заслуженное внимание некоторым из этих пьес, как, например, сатирической комедии Леонида Леонова «Обыкновенный человек», написанной в 1940 году и до сих пор тепло принимаемой нашим зрителем. Разбор этой пьесы, основанной на остром конфликте между людьми новой, социалистической морали и носителями пошлости, относится к лучшим страницам книги.

А. М. Горький в известной статье о драматургии двадцатых и тридцатых годов отмечал бедность, засоренность и бескровность языка большинства пьес. К сожалению, этот серьезный недостаток характерен и для многих драматургических произведений наших дней. В. Фролов справедливо подчеркивает, что даже в лучших советских комедиях последних лет («Великая сила», «Калиновая роща») язык отрицательных персонажей гораздо выразительней, характерней и многообразней, нежели язык положительных героев пьес, которым отданы авторские симпатии.

Досадно, что на некоторых страницах книги (например, в главе «Жанр комедии в наши дни») неожиданно появляется несвойственная автору скороговорка и критическое исследование подменяется тезисными оценками. К недочетам следует отнести и некоторую композиционную разбросанность книги, из-за чего об одном и том же вопросе говорится в нескольких главах. Жаль также, что автор совсем обошел комедийное творчество таких видных советских драматургов, как Алексей Толстой, А. Афиногенов, И. Кочерга.

Ц. СОЛОДАРЬ

В. Фролов. О советской комедии. «Искусство». 1954. 338 стр.

«Чехов и медицина»

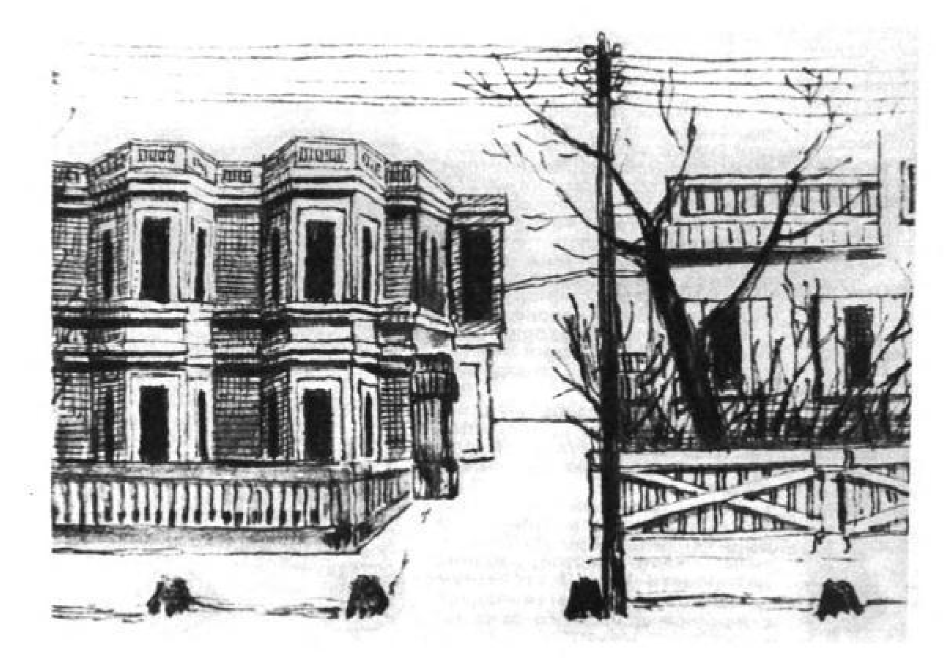
Медгиз выпустил книгу И. М. Гейзера «Чехов и медицина».

Полемизируя с отдельными биографами, отрицавшими значение врачебной деятельности писателя, И. М Гейзер говорит о постоянном внимании Чехова к медицине. Воспитанный на взглядах выдающихся деятелей русской науки: Боткина, Захарьина, Остроумова, Кожевникова, Склифосовского, Эрисмана и других, Чехов разделял передовые, прогрессивные идеи в медицине.

В книге рассказывается об интересе Чехова к научным исследованиям, об активной помощи его в издании журналов «Хирургическая летопись» и «Хирургия», его практической деятельности в качестве земского врача, о медицинском обследовании ссыльных и каторжных на Сахалине. Вместе с тем автор уделяет большое внимание вопросу об отражении проблем медицины в творчестве великого русского художника слова.

К книге И. М. Гейзера приложен автограф сестры писателя М. П. Чеховой, которая подтверждает постоянный интерес Антона Павловича к практической медицине.

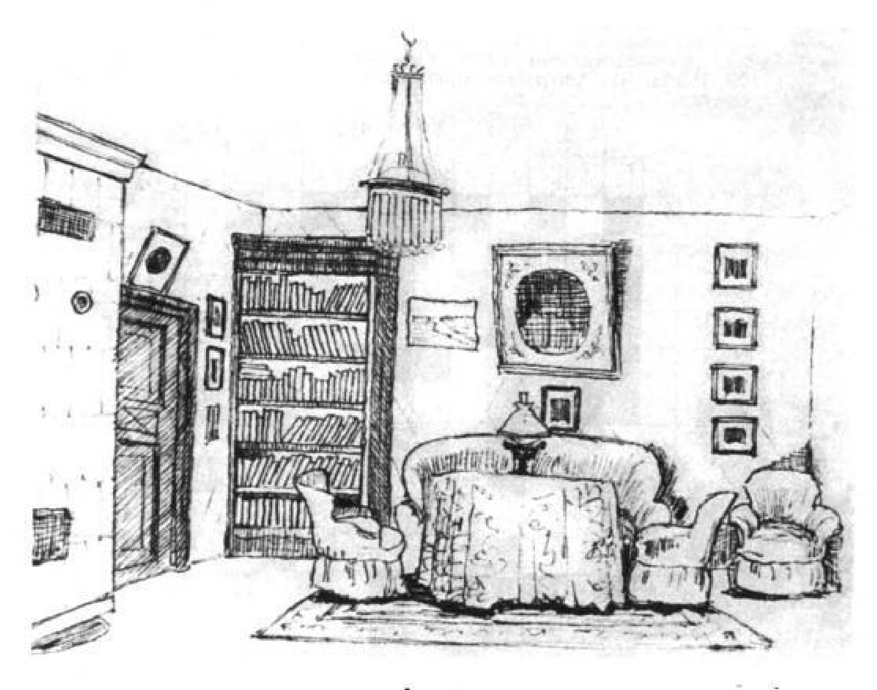
М. СОКОЛЬНИКОВ

Дом, где жили Чеховы.

Рисунки М. П. Чехова. 1889.
Государственный литературный музей.
Публикуются впервые.

Московская квартира

Кабинет А. П. Чехова.

Среди московских квартир Чехова особый интерес представляет дом на Садовой-Кудринской, 6. Небольшой двухэтажный особняк кажется сейчас совсем крошечным рядом с новыми многоэтажными домами. И все же каждый, кому известно прошлое этого дома, смотрит на него с особым уважением: здесь с 1886 по 1890 год жил и творил Чехов.

В ту пору Садовая-Кудринская, теперь одна из самых оживленных магистралей Москвы, была тихой, малолюдной улицей. Среди зелени деревьев выделялись красные стены оригинального по своей архитектуре дома, принадлежавшего доктору Я. А. Корнееву. Семья Чехова занимала оба этажа флигеля.

На входной двери была прибита металлическая дощечка с надписью «Доктор А. П. Чехов», хотя хозяин квартиры уже почти прекратил занятия медицинской практикой: все его силы поглощала литературная работа. В нижнем этаже, слева от входа, находились личные комнаты Антона Павловича — кабинет и спальня.

Обстановка кабинета Антона Павловича была самая скромная — диван, три кресла, полки с книгами. Письменный стол, стоявший в кабинете, находится ныне у племянника писателя Сергея Михайловича Чехова.

Здесь создавались чудесная лирическая повесть «Степь», глубокая по мысли «Скучная история», полный боли за унижение достоинства человека рассказ «Припадок», возбудившая яростные споры пьеса «Иванов», искрящиеся весельем водевили «Медведь», «Предложение», «Свадьба».

«То была пора творческого половодья, когда река вдохновения выступала из берегов и несла смелого пловца вперед, минуя мели и пороги», — вспоминает о 1888—1889 годах И. Л. Леонтьев-Щеглов, коротко знавший великого писателя.

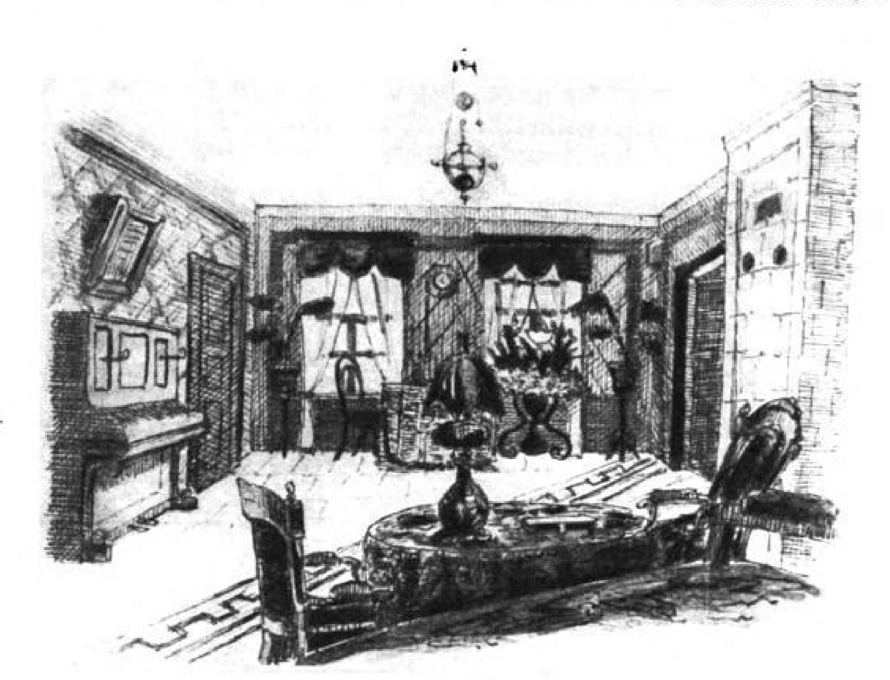
В доме Корнеева к Чехову впервые пришла слава — сотрудник мелких юмористических журналов вырос в писателя, чье имя узнала и полюбила читающая Россия.

Превосходный портрет Чехова того времени оставил в своих воспоминаниях В. Г. Короленко: «...Глаза Чехова... лучистые и глубокие, светились одновременно мыслью и какой-то почти детской непосредственностью. Простота всех движений, приемов и речи была господствующей чертой во всей его фигуре, как и в его писаниях... Казалось, из глаз его струится неисчерпаемый источник остроумия и непосредственного веселья, которым были переполнены его рассказы. И вместе угадывалось что-то более глубокое, чему еще предстоит развернуться... Мне Чехов казался молодым дубком... в котором уже угадывается крепость и цельная красота будущего могучего роста».

В. Г. Короленко впервые был у Чехова в 1887 году. Наряду с такими крупными писателями, как Д. В. Григорович и А. Н. Плещеев, здесь можно было встретить колоритную фигуру талантливого журналиста и поэта — «короля репортеров» В. А. Гиляровского. Навещал своего друга и художник И. И. Левитан. В октябре 1889 года Чехова посетил П. И. Чайковский.

Из кабинета хозяин вместе с гостями обычно поднимался по неширокой чугунной лестнице наверх, в гостиную. В этой большой, уютной, также очень просто обставленной комнате стояло пианино. Несмотря на улучшившееся материальное положение семьи, Чеховы не могли приобрести дорогой музыкальный инструмент и брали пианино напрокат.

Тут бывало много молодежи — студенты, художники, педагоги, певцы, музыканты. Устраивались общие чтения, ожесточенно спорили об искусстве, шутили, слушали музыку. Антон Павлович всегда участвовал в общем веселье. Если же он, занятый срочной литературной работой, не мог быть вместе со всеми, то любил из своего кабинета, находившегося как раз под гостиной, слушать оживленные молодые голоса, музыку, которая его вдохновляла, помогала писать.

Гостиная.

В гостиной Чеховых прославленный артист, первый исполнитель главной роли в пьесе «Иванов», В. Н. Давыдов увлекательно рассказывал о жизни провинциальных актеров и однажды прочитал тогда только что появившуюся пьесу Л. Толстого «Власть тьмы». Знаменитый режиссер и актер Малого театра А. П. Ленский читал здесь отрывки из хроники Шекспира «Король Ричард III».

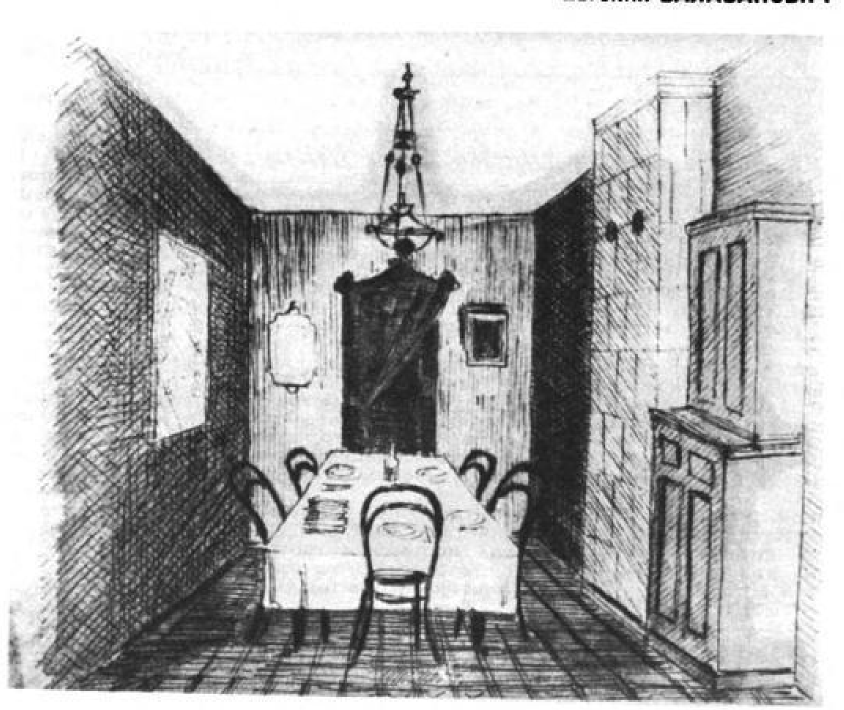
Из гостиной все собравшиеся переходили в небольшую столовую гостеприимной «милой Чехии» (выражение А. Н. Плещеева).

Здесь, на Садовой-Кудринской, у Чехова созрел план путешествия на остров Сахалин для изучения условий жизни ссыльных и каторжан. Все обитатели дома так или иначе участвовали в приготовлениях к этой большой и исключительно трудной по тому времени поездке. Родные и знакомые приносили в кабинет Чехова груды книг, выписки из научных трудов, посвященных Сахалину.

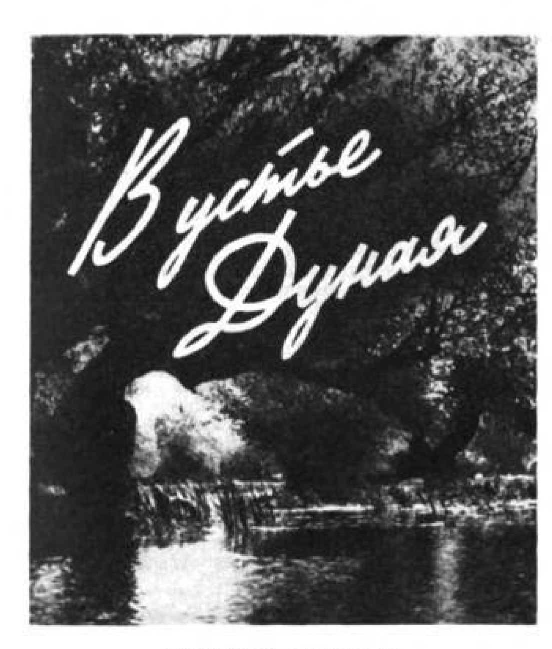
После отъезда Чехова на Сахалин дом на Садовой-Кудринской как бы опустел. Из своего путешествия Антон Павлович уже сюда не вернулся: в его отсутствие семья переехала на другую квартиру.

Ныне в доме № 6 на Садовой-Кудринской создан музей.

Евгений БАЛАБАНОВИЧ

Столовая.

Затопленный ивняк.

Дельта Дуная — своеобразная «гостиница» для перелетных птиц. В периоды перелетов гирла Дуная приобретают очень живописный вид: вода, берега, отмели пестрят многокрасочным оперением птиц, воздух оглашается их разноголосым гомоном. Среди этих пернатых гостей Румынии встречаются представители весьма редких пород. Все это привлекает в устье Дуная большое число любителей природы и охоты

Ночная цапля кваква с птенцами.

Ибисовая цапля, или колпица.

Скифский ковш

На землях Млеевской научно-исследовательской станции плодоводства, в Городищенском районе, Черкасской области, добывали глину для печей. Заступ рабочего ударился обо что-то твердое. Извлеченный из ямы бесформенный, залепленный глиной предмет оказался старинным сосудом. Рядом обнаружены остатки черепа человека.

Фотографию находки мы передали в Киевский институт археологии Академии наук УССР.

Рассмотрев изображенный на снимке сосуд, кандидат исторических наук Е. Ф. Покровская рассказала следующее:

«Этот лощеный черный сосуд — ковш с геометрическим орнаментом, инкрустированным белой пастой, можно датировать VII—VI столетием до нашей эры, что совпадает с началом железного века на территории Восточной Европы. Такие сосуды изготовлялись земледельческим населением, обитавшим в лесостепной полосе Среднего Приднепровья.

Ковш найден, видимо, в погребении. По своей сохранности сосуд, хотя у него отсутствует ручка, является редкой находкой».

Вл. МИНКЕВИЧ

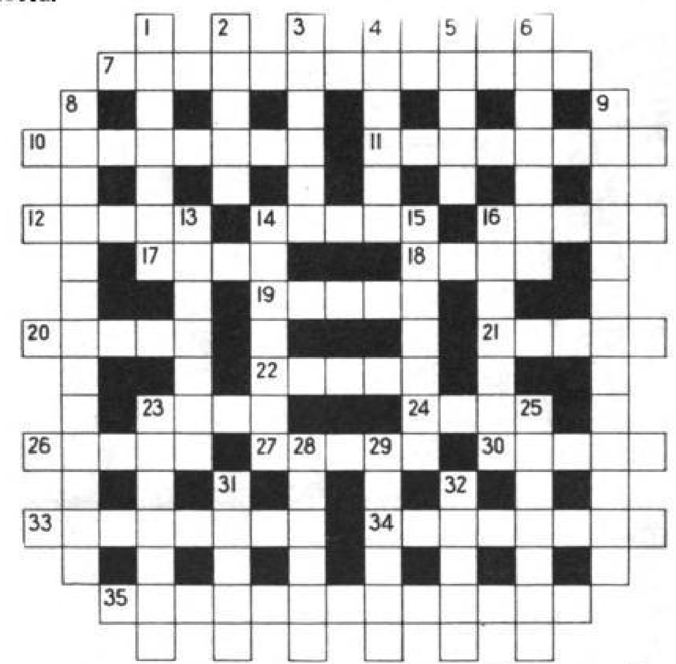
КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Система взглядов на природу и общество. 10. Воинское подразделение. 11. Химический элемент. 12. Стихотворение А. С. Пушкина. 14. Вид искусства. 16. Приток Лены. 17. Столица европейского государства. 18. Меховая обувь. 19. Степень свечения раскаленного тела. 20. Слоистый минерал. 21. Один из семи Ионических островов. 22. Персонаж комедии А. Н. Островского «Сердце не камень». 23. Цветок. 24. Часть плоскости. 26. Русский художник. 27. Утес. 30. Драгоценный камень. 33. Мера длины. 34. Литературное произведение. 35. Система определения времени.

По вертикали:

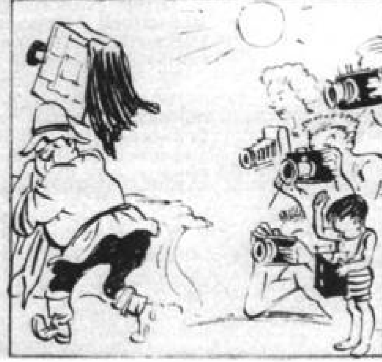
1. Русский мореплаватель. 2. Мелодия, напев. 3. Небесное светило. 4. Угол на плоскости горизонта. 5. Вид ивы. 6. Музыкальный инструмент. 8. Взрывчатое вещество. 9. Способ изготовления переводных изображений. 13. Изображение на фотопластинке. 14. Тригонометрическая функция. 15. Измерительная лента. 16. Существенный признак, неотъемлемая принадлежность предмета. 23. Старинный польский танец. 25. Древнеримский поэт. 28. Грязевый курорт в Сибири. 29. Рыба. 31. Азотистое органическое соединение. 32. Страна света.

СЛУЧАЙ НА ПЛЯЖЕ

Изошутка Ю. Черепанова.

Венера или святая Бригитта?

В Ленинградском Эрмитаже хранится статуя Венеры (так называемая Венера Таврическая), относящаяся к концу III века до нашей эры. Интересна история ее появления в России.

Статуя была откопана в 1718 году в Риме, где ее купил за 196 ефимков Юрий Кологривов для России. Но не так-то легко было вывезти статую из Италии. Этому противодействовал кардинал Оттобони; губернатор Фальконьери приказал «арестовать» Венеру, а скульптора Легри, которому статуя была отдана для реставрации, заключил в тюрьму.

Кологривов с горя заболел. Петр I, однако, решил не отступаться от прекрасной Венус, которая была так хороша, что не уступала «никакому в Риме украшению и, чаятельно, по всей Европе не найдется другой статуи, ей подобной».

По приказу Петра в Рим выехал дипломат Савва Рагузинский. Петр предлагал в обмен... мощи святой Бригитты. Мощи были военным трофеем.

Искусный дипломатический ход поставил в неудобное положение римского папу: отказаться от мощей католической святой римскому первосвященнику было невозможно. Пришлось уступить «упрямым русским», которые бережно доставили статую в Россию.

Из Ливорно до Иннсбрука Венеру везли на мулах, затем по Дунаю до Вены, отсюда на специальном каретном станке с пружинами до Кракова и т. д. Наконец Венус прибыла в Петербург, где ее установили в Летнем саду. При Екатерине II Венус была перенесена в Таврический дворец, построенный для Потемкина-Таврического (откуда и произошло ее название).

В середине XIX века Венеру Таврическую передали в Эрмитаж, где она находится и сейчас.

Н. РОЗИНА

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

По горизонтали:

3. Пришибеев. 6. «Стрекоза». 7. Водевиль. 10. Зайкин. 12. «Свадьба». 13. Максим. 16. Глоткин. 18. Горький. 19. Коваленко. 21. «Тайна». 22. Чайка. 24. Сомов. 26. «Трагик». 27. Петров. 28. Рагин. 29. «Орден». 33. Ялта. 34. Варя. 35. Потехин. 38. Ирина. 39. «Тоска». 40. Львов. 42. Вонмигласов.

По вертикали:

1. Драма. 2. Серов. 4. Истра. 5. Нелли. 8. «Иванов». 9. Абогин. 10. Землемер. 11. Колька. 14. «Критик». 15. Мелихово. 17. «Налим». 19. Каштанка. 20. Очумелов. 21. Тигров. 23. Астров. 24. Свистков. 25. Вершинин. 30. Кулдаров. 31. Зиберов. 32. Мурашкин. 36. Гнедов. 37. Доктор. 40. Ломов. 41. «Враги»

В этом номере на вкладках четыре страницы репродукций картин польских художников и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.
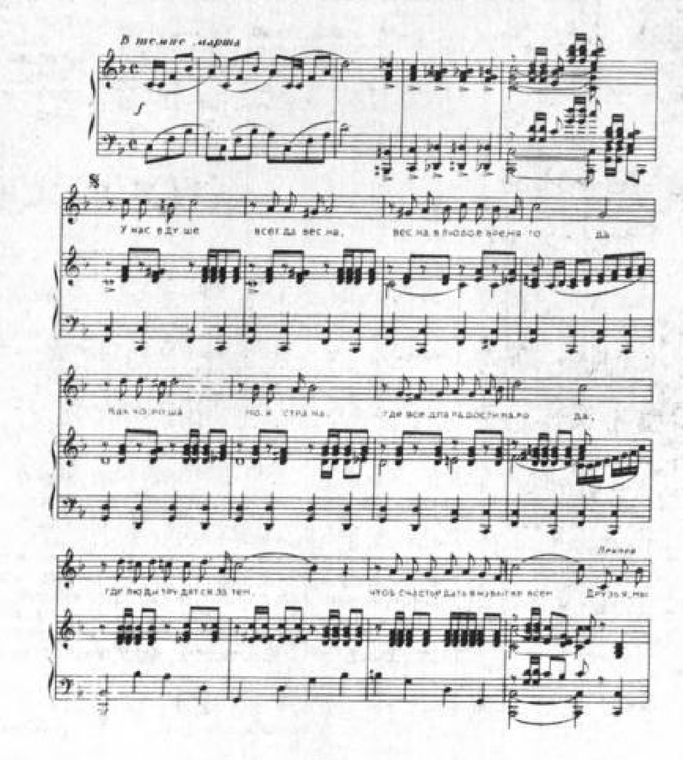
А 05082. Подп. к печ. 13/VII 1954 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 590. Заказ 1948. Рукописи не возвращаются.
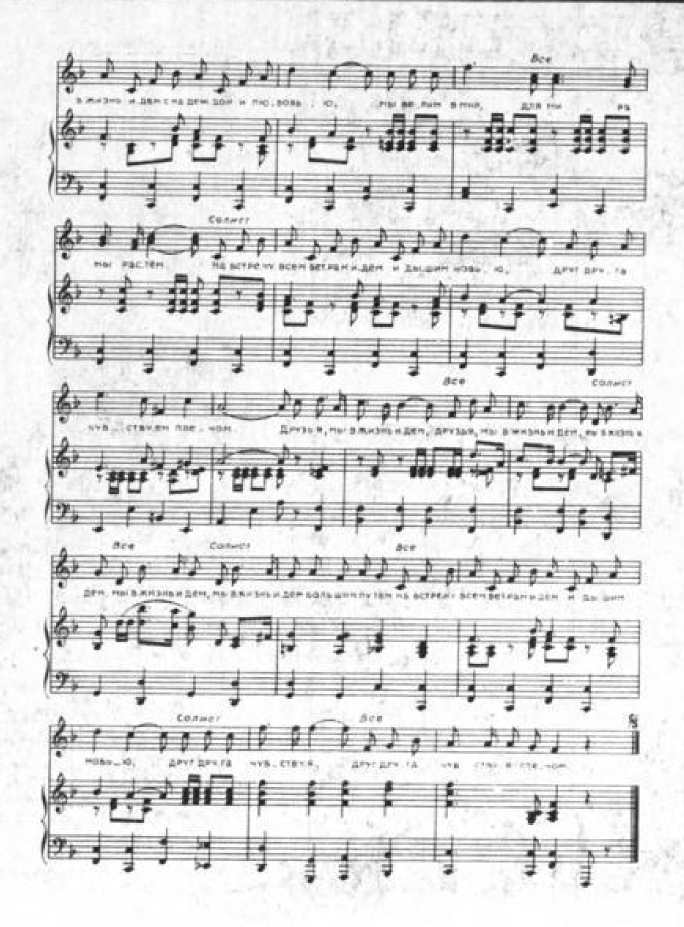
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Мы в жизнь идем!

Слова Е. ДОЛМАТОВСКОГО. Музыка М. БЛАНТЕРА.

Песня-марш из кинофильма «Об этом забывать нельзя»

У нас в душе всегда весна,
Весна в любое время года.
Как хороша моя страна,
Где все для радости народа,
Где люди трудятся за тем,
Чтоб счастье дать в избытке всем!

Друзья, мы в жизнь идем
с надеждой и любовью,
Мы верим в мир,
Для мира мы растем.
Навстречу всем ветрам идем
и дышим новью,
Друг друга чувствуя плечом.

Среди друзей, среди подруг
Живется нам легко и славно.
Сиянье глаз, пожатье рук —
Все говорит о самом главном:
О том, что мир необходим
И что его мы отстоим.
Друзья, мы в жизнь идем...

Для всех друзей открыт наш дом,
Поют над нами птицы звонко,
Мы от беды убережем
Цветы садов и смех ребенка.
Родную землю оградим,
Разжечь войну мы не дадим.
Друзья, мы в жизнь идем...

Цена номера 3 руб.